13
8

Л 36/1857
L 13/8

ЗАПИСКИ

О

1812 ГОДѢ

СЕРГѢЯ ГЛИНКИ,

ПЕРВАГО РАТНИКА МОСКОВСКАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

Санктпетербургъ. Апрѣля 8 дня 1836 года.

Цензоръ *Петръ Корсаковъ.*

2007096514

„Народы нынѣ научитесь;

. . . . . .

Храните искреннюю пріязнь!
На множество не уповайте
И тѣмъ небесъ не раздражайте,
Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ,
Предъ Божьимъ гнѣвомъ прахъ и тлѣнъ:
Предъ нимъ и горы исчезаютъ,
Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.“

(Ломоносовъ.)

Народъ Русскій не бездѣлица. (*Наполеонъ* 1812 *года.*)

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Отъ 11 *до* 15 *Іюля. О событіяхъ* 1812 *года до Іюля одиннадцатаго, можно видѣть въ письмахъ Русскаго Офицера, въ походныхъ запискахъ артиллерійста и особенно въ запискахъ А: С: Шишкова.*

КНИГА ВТОРАЯ.

Отъ Іюля 18 *до входа Наполеоновыхъ войскъ въ Москву.*

КНИГА ТРЕТІЯ.

Взглядъ на событія 1812 *года отъ входа непріятеля въ Москву до Октября шестаго.*

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Наполеонъ въ Москвѣ и въ Варшавѣ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Дополнительныя подробности къ событіямъ 1812 *года.*

КНИГА ШЕСТАЯ.

Общій взглядъ на 1812 *годъ.*

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Продолженіе о томъ же.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Общій взглядъ на событія Отечественныя отъ перваго Октября до Ноября двадцать пятаго.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Духъ самоотреченія. — Прибавленіе къ девятой книгѣ. — Учрежденіе полевыхъ почталіоновъ при арміи.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Письмо бывшаго Издателя Русскаго Вѣстника къ Русскому воину — Инвалиду. — Свидѣтельство Кутузова о Русскомъ наро-

дъ. — Работа Бородинская. (Выраженіе Кутузова). Примѣчаніе. Подробное описаніе битвы Бородинской сообщено было Графомъ Толемъ, Издателю Отечественныхъ записокъ, откуда нѣкоторыя обстоятельства заимствовалъ я и для Русской моей Исторіи. — Освященіе перваго Октября 1812 года на берегахъ Невы домовой церкви во имя Живоначальной Троицы. — АЛЕКСАНДРЪ Первый. — Внезапное бѣгство Французовъ. — НИКОЛАЙ Первый, Возобновитель славы 1812 года.

Къ запискамъ 1812 *года.*

»1812 и слѣдующіе за нимъ также достопамятные 1813, 1814 и 1815 годы, служили уже предметомъ описанія многимъ Авторамъ, но все еще не достаточна картина этой дивной эпохи, въ которую выказывался народный Русскій характеръ во всей силѣ. Пусть являются безпрестанно сказанія о великой войнѣ, рѣшенной Русскимъ Монархомъ и народомъ: они не будутъ лишнія. Малѣйшая подробность, для чужеземца не занимательная, должна быть драгоцѣнна Русскому (*).«

(*) Сѣверная Пчела 1836 года, No 166.

Такъ сказано въ Сѣверной Пчелѣ въ увѣдомленіи о Походныхъ Запискахъ Русскаго Офицера 1812, 13, 14 и 15 годовъ; соч: И. *Ложечникова.*

Счастливымъ себя почту, если изъ Записокъ моихъ перейдетъ хотя одна черта въ исполинскій объемъ картины *тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года*, единственнаго въ лѣтописяхъ всемірныхъ. По стеченію обстоятельствъ бывъ очевидцемъ духа народнаго, я не *сочиняю*, а *излагаю* то, что дѣйствовало на мою душу и въ томъ видѣ, въ какомъ быстрыя событія проходили передъ глазами моими.

Согласится каждый изъ нашихъ соотечественниковъ, что и малѣйшая подробность о необычайномъ времени, проявившемся въ нашемъ Отечествѣ 1812 года: »должна быть драгоцѣнна сердцу Русскому;« но я не соглашаюсь въ томъ,

будпо бы такая же подробность не обратить на себя вниманія чужеземца.

Дивные три года 1812, 13, 14 и половина 15: не одному принадлежать народу; Провидѣніе послало ихъ въ урокъ всему человѣчеству; въ событіяхъ ихъ высказался весь *міръ историческій*, въ объемѣ обширнѣйшемъ не для одного настоящаго, но и для всѣхъ вѣковъ.

Всѣ народы той Европы, гдѣ съ такимъ блескомъ цвѣтетъ внѣшнее образованіе, и гдѣ такъ обильно разливается свѣтъ наукъ: всѣ народы или совокупно или по очереди переходили въ нашъ девятнадцатый вѣкъ съ чреды высшей образованности на первую степень *букваря* быта общественнаго. Слѣдственно въ обозрѣніи такого необычайнаго перехода, каждая подробность достойна изслѣдованія и вниманія.

Исключите пути Провидѣнія изъ событій 1812 года; и — среди образованія Европейскаго забвеніе *прошедшаго* покажетъ — невѣденіе *настоящаго*.

Требовали нѣкогда, чтобы для созрѣнія важнаго событія на почвѣ исторической, время отмежевывало отъ него тридцать лѣтъ. Рушился этотъ порядокъ. Наши *годы*, были *вѣками* и вдали столѣтій едва ли объяснится судьба нашего времени.

Огромленные необычайными событіями, мы, какъ будто бы съ просонокъ, ослѣпаемъ глаза, озираемся во всѣ стороны и въ изумленіи спрашиваемъ самихъ себя: »мы ли видѣли разгромъ нашихъ дней?« А потому къ недоумѣнію пріурочивается и шаткость мыслей.

Стихаетъ борьба оружія; но борьба мыслей идетъ своимъ путемъ. Опять по-

рывовъ бурнаго вѣтра, разшатываются, гнутся къ землѣ, сталкиваются и разходятся деревья лѣсовъ дремучихъ: отъ быстраго напора нашего вѣка, сбиваются, переталкиваются и борятся понятія въ кипѣніи страстей.

Не годы, а вѣки; не поколѣніе, а поколѣнія, прошли мимо насъ и промелькнули, какъ при появленіи лучей солнечныхъ улетаютъ призраки, мелькавшіе на зарѣ утренней. Я сказалъ и повторяю: *мы пережили удивленіе.*

Быстро летитъ настоящее, но и въ немъ встрѣчается вопросительная взыскательность. Напримѣръ: недавно давалъ я въ Москвѣ одному изъ нашихъ извѣстныхъ писателей прочитать рукопись мою о событіяхъ 1812 года. Возвращая мнѣ ее, онъ сказалъ: »есть много любопытнаго; да и все почти

любопытно: но я перемѣлъ страницъ съ восемь, перервавшихъ разсказъ. Вы изъ Москвы перелетѣли въ Римъ: вишь мы не ученики; да и въ училищѣ Римляне надоѣли намъ.« (*) Я тогда смолчалъ. Не повторю и здѣсь того, что читатели увидятъ въ картинѣ 1812 года; но замѣчу только, что есть два разряда повѣствованій: одно для *летописства*, другое: для *современниковъ*. Современникамъ предлагаемъ разсказъ мимолетный, ибо:

„Тотъ мигъ, какъ говоримъ, уже далекъ
отъ насъ.“

День летитъ за днемъ; часъ за часомъ; мгновеніе за мгновеніемъ. »Историкъ, бросилъ на бумагу одну строку; а исторія уноситъ цѣлый міръ.«

Это *современность*.

(*) Римскос, замѣнилъ я Русскимъ.

Но когда вихрь современный увлечетъ, разсѣетъ всѣ призраки современные; отъ чего къ одной строкѣ историка пріурочивается цѣлый міръ исторіи? Для разрѣшенія этого вопроса надобно обращаться къ источнику событій. Слѣдственно надобно предлагать *причины*; причины требуютъ доказательствъ; а доказательства вызываютъ вѣрное изложеніе обстоятельствъ: изложенія, соображеннаго съ причинами и доказательствами.

Не только расказъ *временной*, но что значитъ и сама *Исторія* безъ души, ведущей человѣчество на поприщѣ его дѣятельности? Одинъ вамъ скажетъ: »Исторія безъ свѣтильника политики — остовъ могильный« (1) Другой прибавитъ: »наша Исторія со вчерашняго только дня; но — какъ ужасно это *все-*

(1) Бальзакъ старшій.

рашнее!« (2) Третій въ жару поэтическомъ воскликнетъ: »Исторія — цѣпь злодѣйствъ.« (3) А воинъ — историкъ напишетъ: »Исторія — картина придцати вѣковъ убійственныхъ.« (4) Наконецъ, нашъ вѣкъ провозгласилъ: »Исторія — перепись кровопролитій, опустошеній, неистовствъ и злодѣйствъ.« (5)

Можетъ быть въ Запискахъ моихъ я и увлекался вдаль минувшаго. Можетъ быть иногда не удачно *свивалъ объ лолы времени;* но я не выдумывалъ, а соображалъ событія, сближая ихъ съ тѣми истинными, которыя составляютъ и образуютъ *нравственный міръ человѣчества.* »Въ событіяхъ историческихъ сказалъ одинъ писатель: много пропусковъ; много вѣковыхъ *проломовъ*, черезъ кото-

---

(2) Вольтеръ.

(3) Державинъ.

(4) Фридерикъ второй.

(5) Вице.

рые прорывается искорка и, Богъ знаетъ, куда залетаетъ! Но есть и повѣрка дѣяніямъ людей и событіямъ историческимъ: — она въ *жизни сердца человѣческаго* и въ побужденіяхъ душевныхъ.«

Снова повторяю, что въ обозрѣніи духа народнаго все важно. Въ *Статистикахъ* указываютъ на города, заведенія; на народонаселеніе; на избытки земель; словомъ на всѣ *вещественныя силы* различныхъ областей. Но какая Статистика укажетъ на направленіе мысли человѣческой въ событіяхъ необычайныхъ? Не было до 1812 года такой статистики, которая могла бы показать, что̀ возникнетъ изъ подъ крова хижинъ Русскихъ поселянъ 1812 года?

Историкъ *Іоаннъ Миллеръ* справедливо сказалъ: »умѣйте пользоваться прошедшимъ или страшитесь за будущее.«

Исторія 1612 года извѣстна цѣлому

свѣту: слѣдственно изъ нее можно было вычитать судьбу 1812 года.

Есть *стратегія* и *тактика* военныя; есть *стратегія* и *тактика опыта*, которыя внося свѣтильникъ исторіи въ предпріятія военныя и политическія, способствуютъ полагать основаніе прочное, обдуманное и изъ него выводить дѣйствія, сообразныя *времени*, *мѣстамъ*, *людямъ* и *обстоятельствамъ*.

Такъ говорилъ и дивный человѣкъ нашего вѣка.

Вотъ его слова: »Il faut connaître les temps, les lieux, les hommes et les choses.«

Но это произнесъ онъ тамъ, гдѣ мысль его начинала успокоиваться отъ бурь, которыя, *мимо его самого*, сильнѣе бурь Океана, волновали неукротимую его думу, искавшую пищи для неистощимой дѣятельности духа.

Много было въ Русскомъ моемъ Вѣстникѣ о *Наполеонѣ*: будетъ о немъ и въ Запискахъ моихъ. А отъ чего? Причина простая.

Не будь *Наполеона*, не было бы и 12 и 13 и 14 и 15 годовъ. Не было бъ огромныхъ о немъ исторій и *многотомныхъ* записокъ.

Дѣло въ томъ: справедливо ли, по соображенію событій историческихъ вижу въ Наполеонѣ двухъ человѣкъ; во-первыхъ: *Полководца — Боналарта*, который заставлялъ призадумываться Князя Италійскаго, при чтеніи походовъ: *Генерала Боналарта*. Во-вторыхъ: *Полководца — Боналарта*, затерявшагося въ томъ *Наполеонѣ*, котораго приговоръ Князя Смоленскаго свелъ на чреду колыбельную?

Наблюдая порывы и ходъ духа народнаго въ томъ самомъ мѣстѣ, по ссть

въ стѣнахъ Москвы, гдѣ за два столѣтія до нашего двѣнадцатаго года, былъ свой двѣнадцатый годъ: я сближалъ и событія двухъ годовъ, достопамятнѣйшихъ въ нашей Отечественной Исторіи, присоединяя къ тому мысль, которая два вѣка развивалась въ лѣтописяхъ Франціи.

Уважая труды каждаго, какъ неотъемлемую собственность его мыслей: я могу сказать, что не заимствовалъ ни изъ чьихъ Записокъ ни одного обстоятельства, касательно 1812 года. Если и для *историка* нѣтъ *грамматическаго* давно — прошедшаго; если и онъ для соображенія событій долженъ оглядываться назадъ; то давно прошедшее еще менѣе существуетъ для собирателя *записокъ и приписокъ*. Онъ предлагаетъ то, что самъ видѣлъ или слышалъ; а часто просто выставляетъ и свою мысль, отнюдь не вынуждая безусловнаго довѣрія. Собиратель записокъ

отголосокъ современнаго, не забѣгающій однако въ чужія мѣжи. Дѣло историка все *сообразить* и все *повѣрить*.

И такъ снова повторяю, что я счастливымъ себя почту, если возложу хотя *лепту* на олтарь Отечественнаго тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года.

Слышалъ я отъ Н: М: *Карамзина*, что онъ тринадцатую часть исторіи своей, намѣренъ былъ предложить *лѣтописцемъ* отъ воцаренія Дома Романовыхъ до нашихъ временъ: а въ *четырнадцатой* предполагалъ заняться соображеніемъ *прошедшаго* съ *настоящимъ* и вывесть изъ того мысль о *будущей* судьбѣ Россіи.

Преждевременная смерть исторгла перо изъ рукъ Исторіографа, не давъ ему представить и величественной картины 1612 года.

И такъ обширное поприще предстоитъ тому писателю, который посвятитъ себя сочиненію: »Отечественной Исторіи двухъ вѣковъ, то есть отъ 1612 до 1812 года.«

Отъ чего же черезъ *два* столѣтія проявляются, хотя и въ различныхъ объемахъ, но одинакія событія и съ одинакою мыслію? Не пускаюсь въ изслѣдованіе этаго вопроса.

Но исторія гласно свидѣтельствуетъ, что у всѣхъ вѣковъ — своя перекличка; а у Провидѣнія — свои *памятныя книги.*

Санктпетербургъ, 1836 *года Іюля* 18.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ

1812-го года.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Іюля одиннадцатое. — Воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ Іюля шестаго. — Сочинитель записокъ поступаетъ ратникомъ въ Московское ополченіе. — Картина Москвы 11-го Іюля въ девять часовъ утра. — Три часа пополудни. — Народъ за Драгомиловскою заставою. — Семь часовъ вечера. — Порывъ духа народнаго на горѣ Поклонной. — Полночь. — Подвигъ поселянъ деревни Филей или села Покровскаго. — АЛЕКСАНДРЪ Первый на горѣ Поклонной. —

Іюля двѣнадцатаго. Торжество любви народной. 13 и 14, продолженіе дня Іюля двѣнадцатаго. — Іюля 15-е. Собраніе въ Слободскомъ дворцѣ. — Зала Дворянская. — Зала Купечества. — Преніе передъ залою Дворянскаго

собранія. — Рѣчь Сочинителя записокъ въ залѣ Дворянскаго собранія. — Молебствіе въ залѣ Купечества въ присутствіи Императора. — Самоотрѣченіе Русскаго Купечества. — Графъ Растопчинъ въ Дворянскомъ собраніи. — Распоряженіе Дворянъ къ составленію ополченія. — Приходъ Государя и рѣчь его.

КНИГА ВТОРАЯ.

Историческое сближеніе двухъ вѣковъ. — Отбытіе Государя изъ Москвы въ ночь на 19-ое Іюля. — Сочинителя записокъ требуютъ къ Графу Растопчину. — Высочайшій рескриптъ и орденъ. — Возложеніе на Сочинителя записокъ Именемъ Государя особенныхъ порученій касательно внутренности Москвы и окрестностей оной. — Примиреніе съ Графомъ послѣ размолвки, бывшей въ исходѣ 1809 года. — Занятіе Смоленска. — Моя записка о лѣсномъ или партизанскомъ вооруженіи. — Анекдотъ того времени. — Главная цѣль распоряженій Графа Растопчина. — Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ. — Барклай-де-Толли. — Прибытіе Кутузова въ армію 17-го

Августа. — Размышленіе. — Частныя проявленія духа народнаго. — Порывъ воспитанниковъ Московскаго Университета. — Пожертвованія моего семейства въ пользу ополченныхъ. — Пожертвованія Гражданъ: Ивана Семеновича Рахманова и Гетмана. — Необычайныя волненія въ природѣ 1812-го года. — Особенный приказъ отъ главнаго Начальства Сочинителю записокъ. — Двадцать третіе Августа, достопамятный день двухъ вѣковъ. — Поле Бородинское и Семеновское. — Тактика Провидѣнія. — Картина Москвы послѣ битвы Бородинской. — Послѣднее мое свиданіе съ Графомъ Растопчинымъ въ Москвѣ. — Разговоръ нашъ и распоряженія Графа. — Полковникъ Манахтинъ. — Александръ Алексѣевичъ Тучковъ. — Отправленіе семейства моего изъ Москвы. — Распоряженія Кутузова къ сдачѣ Москвы. — Отступленіе Кутузова черезъ Москву за Москву 2-го Сентября 1812 года. — Входъ въ Москву Наполеонова войска. — Окончаніе особенныхъ порученій, возложенныхъ на Сочинителя записокъ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Москва за Москвою. — Кутузовъ. — Первый вечеръ за оставленною Москвою. — Бивуаки. — Недоумѣнія Наполеона. — Боковое движеніе Кутузова. — Отряды воиновъ — поселянъ. — Пожаръ Московскій. — Различныя мнѣнія о пожарѣ Московскомъ. — Сужденіе Генерала Бутурлина о Графѣ Растопчинѣ. — Анекдотъ о Наполеонѣ. — Коломна. — Неизвѣстность о семействѣ моемъ. — Осень — мытарства. — Отряды плѣнныхъ. — Стратегія. — Московскіе выходцы. — Переселеніе Русскихъ въ Россіи. — Рязань. — Касимовъ. — Поѣздка въ Нижній. — Московскіе выходцы въ Нижнемъ. — Питомцы Русской Словесности подъ знаменами славы Отечественной. — Нижній 1612 и 1812 года. — Взглядъ на Смоленскъ въ два двѣнадцатые года: то есть 1612 и 1812. Состояніе Москвы въ Сентябрѣ 1812 года. — Подвиги воиновъ — поселянъ. — День перваго Октября 1812 года. — Состояніе Французскихъ войскъ въ Москвѣ до Октября 1812 года. — Выходъ Маршала Нея изъ Богородска, Октября перваго. — Того же числа выходъ Французскаго отряда изъ Дмитрова. — Шестыя числа 1812 года.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Душевное томленіе Наполеона до вторженія въ Россію. — Наполеонъ, орудіе суда Божія. — Паденіе роскошнаго міра на пожарномъ пеплѣ Москвы. — Лессепсъ, интендантъ Москвы при Наполеонѣ. — Рать суда Божія. — Наполеонъ въ Варшавѣ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Дополнительныя подробности къ событіямъ 1812-го *года.*

I.) Проявленіе 1812 *года въ лѣстныхъ обстоятельствахъ.*

II.) Проявленіе двухвѣковой мысли въ событіяхъ 1812 *года.*

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

О

СОБЫТІЯХЪ

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬ СОТЪ ДВѢНАДЦАТАГО

ГОДА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Іюля одиннадцатое. — Воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ Іюля шестаго. — Сочинитель записокъ поступаетъ ратникомъ въ Московское ополченіе. — Картина Москвы 11-го Іюля въ девять часовъ утра. — Три часа пополудни. — Народъ за Драгомиловскою заставою. — Семь часовъ вечера. — Порывъ духа народнаго на горѣ Поклонной. — Полночь. — Подвигъ поселянъ деревни Филей или села Покровскаго. — АЛЕКСАНДРЪ Первый на горѣ Поклонной. —

Іюля двѣнадцатаго. — Торжество любви народной. — 13 и 14, продолженіе дня Іюля двѣнадцатаго. — Іюля 15-е. Собраніе въ Слободскомъ дворцѣ. — Зала Дворянская. — Зала Купечества. — Пренія передъ залою Дворянскаго собранія. — Рѣчь Сочинителя записокъ въ залѣ Дворянскаго собранія. — Молебствіе въ залѣ

Купечества въ присутствіи Императора. — Самоотреченіе Русскаго Купечества. — Графъ Растопчинъ въ Дворянскомъ собраніи. — Распоряженіе Дворянъ къ составленію ополченія. — Приходъ Государя и рѣчь его.

Тысяча восемь сотъ двѣнадцатый годъ.

Изъ мыслей, слившихся съ привычными движеніями сердца, душа высказываетъ и показываетъ дѣйствія человѣческія. Отъ 1808 до 1812 года мысль о судьбѣ Отечества, обладала душою моею. Наступила година дѣйствія и та мысль проявилась дѣятельнымъ стремленіемъ къ Отечеству.

И такъ: начинаю безъ оговорки.

Іюля 11, 1812 *г., три часа утра.*

Въ достопамятной и бурной 1812 годъ, жилъ я въ переулкѣ *Тишинѣ* близъ *Драгомиловскаго* моста. 11 Іюля на ранней зарѣ утренней разбудилъ меня внезапный приходъ хозяйки дома. Едва вышелъ я къ ней, она со слезами вскричала: »мы пропали! мы пропали!« И — подала мнѣ печатный листъ. То было воз-

званіе къ первопрестольной Столицѣ Москвѣ отъ 6-го Іюля изъ *Полоцка*. Прочитавъ воззваніе, я сказалъ: »Благодарите Бога, сударыня! Гдѣ заранѣе предвидятъ опасность, тамъ примутъ и мѣры къ отвращенію ея. Будьте спокойны и молитесь Богу!«

Пять часовъ утра Іюля 11, 1812 *года.*

На скоро одѣвшись полетѣлъ я въ *Сокольники* на дачу къ Графу Федору Васильевичу *Растопчину*, поступившему вмѣсто Графа *Іудовича* на чреду Московскаго Генералъ Губернатора. Не слыша еще громкой вѣсти о грозной опасности, исполинская Москва объята была сномъ и безмолвіемъ. Тишина владычествуетъ на поверхности океана до воскипѣнія волнъ: тоже нерѣдко бываетъ и съ областями земными. Изъ нѣдръ глубокаго безмолвія вылетаетъ роковой ударъ грома; смотримъ: откуда онъ грянулъ? Слышимъ новые удары и — теряемся въ недоумѣніи. Поэтъ сказалъ:

»Кто дышетъ, не дремли!«

Это теперь излилось изъ души моей. А тогда спѣшилъ я съ одною мыслію; съ мы-

слію — отдашь себя Отечеству за отечество. Къ Графу пріѣхалъ я въ пять часовъ утра. Все уже въ домѣ было въ движеніи. Передъ кабинетомъ Графа засталъ я тогдашняго Губернскаго Предводителя Василія Дмитріевича *Арсеньева* и Аркадія Павловича *Руничa*, Секретаря Графа. Говорю Аркадію Павловичу, что мнѣ нужно видѣться съ Графомъ. »Нельзя;« отвѣчалъ онъ: »Графъ занятъ теперь совѣщаніемъ съ Преосвященнымъ *Августиномъ* и съ Петромъ Степановичемъ *Валуевымъ*. (*)« — »Позвольте же мнѣ по крайней мѣрѣ оставить записку.« Привѣтливо Аркадій Павловичъ подалъ мнѣ бумагу, перо и я написалъ: »хотя у меня нигдѣ нѣтъ помѣстья; хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности и хотя я неуроженецъ Московскій: но, гдѣ кого застала опасность Отечества, тотъ тамъ и долженъ стоять подъ хоругви отечественныя. Обрекаю себя въ ратники *Московскаго ополченія* и на олтарь Отечества возлагаю на тризна рублей серебра.«

Такимъ образомъ 1812-го года Іюля 11-го, мнѣ первому удалось записаться въ Москвѣ

(*) Тогдашнимъ Начальникомъ Кремлевской экспедиціи.

въ *ратники* и принесть первую *жертву* усердія.

Пишу объ этомъ не изъ тщеславія, но для сохраненія связи въ ходѣ обстоятельствъ моихъ. Самоопреченіе есть порывъ, вызываемый изъ души необычайными событіями. Не вѣрить этому, значитъ уничижать и уничтожать благородныя движенія сердца человѣческаго.

Въ этотъ мигъ показалось мнѣ, что съ груди моей спало бремя гробовой тоски, налегшее на нее съ 1808 года. Въ *Сокольникахъ* блеснуло солнце въ полномъ сіяніи на свѣтломъ лазурномъ небосклонѣ. »Какъ очаровательна природа и какъ злобны люди!« говорилъ *Жанъ-Жакъ-Руссо.* И я въ юности моей воспоминая о томъ, что съ оживленіемъ весенней природы загараются битвы кровопролитныя, сказалъ, обращаясь къ людямъ, вооруженнымъ противъ людей:

»Иль кровь *амврозія* для васъ?«

Мирите человѣчество съ человѣчествомъ, и менѣе будетъ злобныхъ и менѣе будетъ жажды къ крови!

Увлекаясь красотами загородной природы, я какъ будто бы забылъ, что въ то

самое мгновеніе гремѣли битвы и за *Днѣпромъ* и у *Днѣпра* и на *Двинѣ* и за *Двиною*.

Десять часовъ утра въ Москвѣ
Іюля 11-го, 1812 года.

Вскорѣ улицы закипѣли жизнію и движеніемъ. Страхъ и боязнь не випали по спогнамъ градскимъ. Вѣсть о прибытіи Государя отдалила мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ. Вездѣ сходились и вездѣ сговаривались ити и спѣшить на встрѣчу Государя.

Лица гражданъ и жителей сіяли веселіемъ сердечнымъ. Казалось, что всѣ ожидали какого то пира торжественнаго. Тотъ пиръ, былъ пиръ любви народной и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему. Замѣтить должно, что тутъ не проявлялись никакія хвастливыя выходки. Не слышно было удалыхъ поговорокъ: *мы закидаемъ шапками; мы постоимъ за себя!* Довѣренность безмятежная обладала умами. Никакое слово ненависти и негодованія противъ враговъ не исторгалось изъ устъ. Всѣ мысли, всѣ слова слились въ одно чувство любви. Въ обширныхъ Московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и

осѣняясь крестомъ, добрые граждане говорили: »пойдемъ въ храмы Господніи; помолимся за Царя — Государя, а оттуда за заставу.« Встрѣчался ли кто съ кѣмъ на улицѣ; первый вопросъ: *куда идешь?* И общій отвѣтъ: »На встрѣчу Государя, за заставу!«

Народъ за Драгомиловскою заставою. Три часа пополудни. 11 Іюля 1812 года.

Около трехъ часовъ пополудни, надѣвъ въ петлицу золотую мою *медаль*, чтобы свободнѣе пробѣсняться сквозь безчисленные сонмы народа, пошелъ я вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ *Русскій Вѣстникъ*.

Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла на встрѣчу Государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе. Духъ народный всего торжественнѣе высказывается въ годину рѣшительнаго подвига. Въ часы грозной, въ часы явной опасности, народъ Русскій подрасправляетъ душою и крѣпчаетъ мышцею оправляною.

Размышляя о дивномъ полетѣ духа Русскаго, часу въ шестомъ вечера очутился я на *Поклонной горѣ*, гдѣ нѣкогда была дубовая роща. Земля, какъ будто бы исчезала подъ сонмами народа; иные читали воззваніе къ *первопрестольной столицѣ Москвѣ;* другіе спокойно и съ братскимъ радушіемъ передавали другъ другу мысли свои. Подъ шумомъ бурь изчезаетъ личность и сердца сродняются союзомъ общей опасности. Рѣчи лились рѣкою и пламенѣли рвеніемъ любви. Вмѣшивался и я въ разговоры, но еще охотнѣе прислушивался къ живымъ и, такъ сказать, *самородными изреченіямъ* духа Русскаго.

Порывъ духа народнаго.

Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы *Драгомиловской* народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ Государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на *Поклонной горѣ,* безъ всякаго посторонняго возбужденія и, какъ будто бы смолвясь душами и мыслію, воскликнули: *»не уступимъ! Мы впереди; мы скорѣе поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску Государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ.«* Потомъ

оборотясь ко мнѣ, сказали: *а вы, Ваше Благородіе! ведите насъ!* Я провозгласилъ: *ура! впередъ!* И тысячи голосовъ повторили: *ура! впередъ.* Все быстро двинулось. Воздухъ огласился звуками родныхъ пѣсенъ; шапки и шляпы летѣли вверьхъ. Въ это время душевнаго разгула народнаго, Федоръ Федоровичь *Кокошкинъ* возвращался изъ Подмосковной. Увидя меня и за мною народъ, онъ приказалъ остановиться коляскѣ и спросилъ: *Сергѣй Николаевичъ! куда идешь?* — „*Веду къ Государю народъ:*" отвѣчалъ я. — 1812 года Іюля 11-го, порывистый духъ народа сдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. Пѣсни и *ура!* не умолкали. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ: *скоро ли будетъ Государь?* Наконецъ около десяти часовъ услышали, что Государь остается въ *Перхушковѣ,* гдѣ находился тогда и Графъ *Растопчинъ.*

Повѣстка моя въ Московскую Полицію.

Въ ту же ночь извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что народъ, по собственному порыву

душъ своихъ двинулся на встрѣчу Государя и что разошелся съ сокрушеніемъ сердечнымъ. А потому и просилъ, чтобы на другой день напечатать, что нибудь ободрительное для народа. Не знаю почему приказано было за мною присматривать. Но это не обезпокоило меня. Не опоздавая усердіемъ отъ общаго дѣла, я не забѣгалъ впередъ и и не заботился о слухахъ. Идите на ряду съ необычайными обстоятельствами: онѣ сами укажутъ вамъ мѣсто. Мелкія происки и увертливыя искательства истощаютъ духъ. Берегите его для тѣхъ случаевъ, когда онъ можетъ дѣйствовать явно, не уклоняясь со стези, проложенной обстоятельствами, не вынужденными, а вызванными голосомъ времени и Правительствомъ.

Полночь на 12-е Іюля
1812 *года.*

Не цѣлый день свѣтитъ солнце утреннее. Солнце утреннее, блеснувшее надъ башнями Кремля и златыми главами церквей, увидѣло Москву въ полнотѣ жизни и движенія. Заходившее солнце проводило сонмы народные, безмолвно возвращавшіеся въ спѣшы города.

Какой переходъ отъ *утра* до *вечера!* Переходъ цѣлой жизни человѣческой, *исторической* и *нравственной.*

Полночь на 12 Іюля 1812 года.
Первая встрѣча Государю.

Все дремало и въ домахъ и на улицахъ и въ окрестностяхъ Москвы: но не дремала любовь. Подмосковные крестьяне деревни *Филей* или села *Покровскаго*, нетерпѣливо ожидая проѣзда Государя, отправили двухъ гонцовъ въ село *Перхушково*, которые, быстро прискакавъ оттуда, успѣли извѣстить причетъ церковный о выѣздѣ Государя. Немедленно изъ села *Покровскаго*, переѣдшаго въ родъ *Нарышкинъ*, отъ Царицы *Натальи Кириловны*, священникъ Григорій *Гавриловъ*, поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную гору съ серебреннымъ блюдомъ, на которомъ возлежалъ крестъ Господній, а престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу, разливавшую трепетное сіяніе въ ночь безлунную и беззвѣздную. Поровнявшись съ причетомъ, Государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ

облобызалъ крестъ Господній. Священникъ изъ стиховъ Пасхи возгласилъ: *да воскреснетъ Богъ и расточатся враги его!*

12 *Іюля* 1812 *года.*
Красная площадь.
«Побѣда первая—побѣда надъ сердцами.»

Іюля двѣнадцатаго съ первымъ мелькапіемъ зари утренней, народъ волнами кипящими спекался на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли; матери съ грудными младенцами; все шло, все спѣшило. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ роскошнаго дня лѣтняго. Въ *девять часовъ утра* явился на Красномъ крыльцѣ Александръ Первый; явился, какъ Ангелъ Божій подъ осѣненіемъ щита небеснаго. На довѣренность Царя громко откликнулась довѣренность народа. Со звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ: *ура! да здравствуетъ Царь — Государь! Веди насъ, куда хочешь! Веди насъ, нашъ Отецъ! Умремъ или побѣдимъ!* Такъ восклицало *душевное ополченіе* Русскаго народа и Александръ *Первый* однѣмъ мановеніемъ руки своей могъ бы двинуть съ Красной площади сотни ты-

сячъ подъ знамена ратныя. Въ *сердцѣ* Царства Русскаго, въ стѣнахъ Москвы, Іюля *двѣнадцатаго*, Императоръ Александръ убѣдился, что Россія устояла въ Россіи; Онъ видѣлъ, что и подъ полетомъ вѣсти объ общей опасности, духъ Русскій воскипѣлъ *двухвѣковою* жизнію, завѣтныхъ временъ Гражданина *Минина* и Князя *Пожарскаго*. Въ день *Іюля двѣнадцатаго* не утварью Царскою, не блескомъ вѣнца; Александръ украшался любовью народною, взиравшею на него очами сердца и души. То былъ въ полномъ смыслѣ имянинный день Александра Перваго. На олтарь любви чистой, любви безкорыстной, любви пламенной, народъ и отечество радостно возлагали и достояніе и жизнь свою. И такъ приносимая тогда дань, говоря словами В: А: *Жуковскаго*, была:

„Не власти, не вѣнцу, а человѣку дань!“

Благовѣстъ продолжался. Государь двинулся съ Краснаго крыльца. Двинулось и общее усердіе. На каждой ступени, со всѣхъ сторонъ, сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги Государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами. Одни кричали: *Отецъ! Отецъ нашъ! Дай намъ на себя наглядѣться!* Другіе восклицали: *Отецъ нашъ!*

Ангелъ нашъ! А съ площади, отъ воротъ *Спасскихъ* до *Соборовъ;* отъ *прибрежнаго Кремлевскаго возвышенія* до воротъ *Троицкихъ;* съ кровли Арсенала, съ кровлей домовъ; отовсюда, откуда, казалось, что услышится голосъ душевный, неслись, летѣли клики: *ура! да здравствуетъ Царь—Государь! Веди насъ, куда хочешь!*

На ступеняхъ крыльца, Государь часъ отъ часу болѣе стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: *не троньте! не троньте ихъ! Я пройду!* И Онъ прошелъ сквозъ ряды сердецъ, пылавшихъ усердіемъ. До паперти, до вратъ Собора Успенскаго, гремѣли отклики: *Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Да хранитъ тебя Господь Богъ!*

Въ день *Іюля двѣнадцатаго*, торжество любви народной сочеталось съ благодарнымъ молебствіемъ по случаю заключенія мира съ Турціей.

Звонъ колокольный продолжался и когда Государь сходилъ съ крыльца, народъ цѣловалъ его одежду и раздавались восклицанія: *Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Богъ!* ...

Въ дивный 1812 годъ, *миръ* и *война* шли рядомъ.

13 и 14 *Іюля* 1812 *года.*

13 и 14 Іюля быстрымъ пролетѣли мгновеніемъ. Казалось, (повторяю еще): что народъ Русскій подросъ душою, ополчившеюся за край родной и усилился мышцею, торопившеюся къ оружію.

На красномъ крыльцѣ во время Государева обѣда, происходилъ непрерывный приливъ и отливъ народа. Государь обращалъ взоры къ зрителямъ и дарилъ ихъ улыбкою привѣтливою. Іюля 13 Петръ Степановичъ Валуевъ, находясь въ числѣ приглашенныхъ къ обѣду и привыкнувъ говорить съ Государемъ голосомъ сердечнымъ, сказалъ: »Государь! смотря на Васъ и на народъ, взирающій на Васъ, скажешь: что общій Отецъ великаго семейства народа Русскаго, вкушаетъ хлѣбъ-соль среди радостной, родной своей семьи.«

Съ 14 на 15 повѣщено было въ бывшемъ *слободскомъ дворцѣ*, сперва принадлежавшемъ Графу Канцлеру *Безбородкѣ*, собраніе Дворянству и Купечеству. Записавшись въ ратники

по волѣ и охотѣ, я думалъ »за чѣмъ пойду въ Дворянское собраніе? да и въ правѣ ли я говорить о пожертвованіи и собственности, во все не имѣя ни какой собственности?« Такія упреки и прежде слышалъ я въ Смоленскѣ при вступленіи моемъ въ земское войско; тоже откликнулось и въ Москвѣ 1812 года.

Но обозрѣвая положеніе мое съ другой стороны и зная, что подпалъ подъ присмотръ, я рѣшился, для отстраненія предположеній и пересудовъ, явиться въ собраніе съ одною не отъемлемою собственностію: съ чистою совѣстію и съ самоотреченіемъ отъ жизни. Не было у меня ни *милиціоннаго*, ни *Губернскаго* мундира. Послѣдній выпросилъ я у Г. *Васильева*, роднаго брата хозяйки нанимаемаго мною дома. Невольно улыбнулся я взглянувъ въ зеркало и увидя себя въ необычайномъ нарядѣ. Улыбки знакомыхъ встрѣтили меня и при входѣ въ собраніе. Но—шутъ было не до смѣха.

15-е *Іюля* 1812 *года. Собраніе Дворянское и Купеческое. Совѣщаніе въ Дворянскомъ собраніи.*

Между тѣмъ, когда часъ отъ часу болѣе наполнялись залы *Дворянскаго* и *Купеческаго*

собранія; въ комнатѣ, передъ залою Дворянскою, завязался жаркій разговоръ. Одинъ изъ чиновныхъ бояръ сказалъ: »мы должны спросить у Государя: сколько у насъ войска и гдѣ наше войско?« — Степанъ Степановичъ *Апраксинъ* возразилъ: »Еслибъ мы и вправѣ были спросить объ этомъ у Государя, то Государь не могъ бы намъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Войска наши движутся сообразно движеніямъ непріятеля, которыя могутъ измѣняться каждый часъ: такому же измѣненію подлежитъ и число войскъ.« Вслѣдъ за этимъ, мужчина лѣтъ въ сорокъ, высокій ростомъ, плечистый, статный, благовидный; рѣчистый въ Русскомъ словѣ и въ мундирѣ безъ эполетовъ; (слѣдственно отставный): о имени его нѣкогда было спросить; возвыся голосъ, сказалъ: »Теперь не время разсуждать: надобно дѣйствовать. Кипитъ война необычайная; война нашествія; война внутренняя. Она изроетъ могилы и городамъ и народу. Россія должна выдержать сильную борьбу; а эта борьба потребуетъ и небывалой доселѣ мѣры. Двинемся сотнями тысячъ; вооружимся чѣмъ можемъ. Двинемся быстро въ тылъ непріятеля; составимъ дружины конныя; будемъ вездѣ тревожить Наполеона; отрѣжемъ

его отъ Европы и покажемъ Европѣ, что Россія возстаетъ за Россію!«

Въ пылу рвенія душевнаго раздался и мой голосъ: я воскликнулъ. »Адъ должно отражать адомъ. Я видѣлъ однажды младенца, который улыбался при блескѣ молніи и при раскатахъ грома: но то былъ младенецъ. Мы не младенцы: мы видимъ, мы понимаемъ опасность; мы должны противуборствовать опасности.« Среди общаго безмолвія пламенѣла моя рѣчь. И меня часъ отъ часу болѣе вдвигали въ залу Собранія, гдѣ по обѣимъ сторонамъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, сидѣло болѣе семидесяти чиновныхъ вельможъ въ лентахъ. Сжатый отовсюда, я принужденъ былъ остановиться за стульями къ стѣнѣ посреди задняго ряда. Не прерывая словъ моихъ, или лучше сказать, увлекаясь душою, я предлагалъ различныя мѣры ко внутренней безопасности и къ оборонѣ Отечества. Наконецъ сказалъ: *мы не должны ужасаться; Москва будетъ сдана.* Едва вырвалось изъ устъ моихъ это роковое слово, нѣкоторые изъ Вельможъ и Превосходительныхъ привскочили. Одни кричали: *Кто далъ это сказать?* Другіе спрашивали: *почему вы это знаете?* Не смущаясь духомъ, я продолжалъ: »Милостивые Государи! *во первыхъ:*

опять Нѣмана до Москвы нѣтъ ни природной, ни искусственной обороны, достаточной къ остановленію сильнаго непріятеля.

Во-вторыхъ: изъ всѣхъ отечественныхъ лѣтописей нашихъ явствуетъ, что Москва привыкла страдать за Россію.

Въ-третьихъ: (и, дай Богъ, чтобъ сбылись мои слова): сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы.«

Рѣчь мою, продолжавшуюся около часа съ различными поясненіями, требуемыми различными лицами: прервалъ входъ Графа *Растопчина.* Всѣ оборотились къ нему. Высвободясь изъ *осады,* я поспѣшилъ къ Московскому Градоначальнику. Указывая на залу Купеческаго собранія, Графъ сказалъ: »оттуда польются къ намъ милліоны; а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя.«

Послѣ мгновеннаго совѣщанія, положено было выставить въ рапники *десятаго.*

Совѣщаніе въ залѣ Купеческаго Собранія.

Между тѣмъ въ залѣ Купеческой, по окончаніи молебствія, готовились къ пожертвованіямъ. Государь началъ рѣчь и съ

первымъ словомъ слезы брызнули изъ очей Его. Жалостію сердечной закипѣли души Русскаго Купечества. Казалось, что въ каждомъ гражданинѣ воскресъ духъ *Минина*. Гремѣлъ общій голосъ: *Государь! возьми все и имущество и жизнь нашу!* Вслѣдъ за удалявшимся Государемъ лепѣли тѣ же клики и души ревностныхъ гражданъ.

Входъ Государя въ залу Дворянскаго Собранія.

Слезы блистали еще на глазахъ Государя, когда Онъ вошелъ въ залу Дворянскаго собранія. А лице Его сіяло умиленіемъ довѣренности къ духу самоотреченія сыновъ Россіи. Мнѣ удалось помѣститься за Графомъ, стоявшимъ подлѣ Императора. Вопъ слова Государя. »Никогда не сомнѣвался я въ усердіи Русскаго Дворянства; но въ эпопъ день оно превзошло мое ожиданіе. Благодарю васъ отъ лица Отечества. Господа! будемъ дѣйствовать: время всего дороже.«

При выходѣ Государя, Петръ Степановичъ *Валуевъ* схватилъ меня за руку и сказалъ: »Пойдемъ, Сергѣй Николаевичъ! я пред-

ставлю васъ Государю.« — »Ваше Высокопревосходительство!« отвѣчалъ я: »теперь не до меня.« И съ этимъ словомъ вырвавъ руку, я опрометью бросился съ крыльца. Предчувствуя, что до моего пріѣзда, долетятъ разсказы стоустной молвы въ семейство мое; я поспѣшилъ домой. Сбылось мое предчувствіе. Застаю бѣдную жену мою въ страданіи и въ горькихъ слезахъ. Нѣкоторые изъ услужливыхъ моихъ знакомыхъ настращали ее, что мнѣ за отважные мои возгласы въ собраніи, не миновать бѣды. »Молись Богу, мой другъ!« сказалъ я плачущей женѣ моей: »знаю, что меня позовутъ; а потому на всякой случай заготовь бѣлой жилетъ и бѣлую косынку. Когда потребуютъ, то поѣду во фракѣ. Чужой губернской мундиръ насмѣшилъ и меня и знакомыхъ моихъ.« Неизъяснима была душевная пытка жены моей. Куда ни бросалась она для какой нибудь отрадной вѣсти, вездѣ убѣждали ее ждать участи своей и укрѣплялись вѣрою: такъ напугалъ голосъ мой, раздавшійся въ собраніи Дворянскомъ по одному порыву душевному.

КНИГА ВТОРАЯ.

Историческое сближеніе двухъ вѣковъ. — Отбытіе Государя изъ Москвы въ ночь на 19-ое Іюля. — Сочинителя записокъ требуютъ къ Графу Растопчину. — Высочайшій рескриптъ и орденъ. — Возложеніе на Сочинителя записокъ Именемъ Государя особенныхъ препорученій касательно внутренности Москвы и окрестностей оной. — Примиреніе съ Графомъ послѣ размолвки, бывшей въ исходѣ 1809 года. — Занятіе Смоленска. — Моя записка о лѣсномъ или партизанскомъ вооруженіи. — Анекдотъ того времени. — Главная цѣль распоряженій Графа Растопчина. — Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ. — Барклай-де-Толли. — Прибытіе Кутузова въ армію 17-го Августа. — Разномысліе. — Частныя проявленія духа народнаго. — Порывъ воспитанниковъ Московскаго Университета. — Пожертвованія моего семейства въ пользу ополченныхъ. — По-

жертвованія Граждань: Ивана Семеновича Рахманова и Гетмана. — Необычайныя волненія въ природѣ 1812-го года. — Особенный приказъ отъ главнаго Начальства Сочинителю записокъ. — Двадцать третіе Августа, достопамятный день двухъ вѣковъ. — Поле Бородинское и Семеновское. — Тактика Провидѣнія. — Картина Москвы послѣ битвы Бородинской. — Послѣднее мое свиданіе съ Графомъ Растопчинымъ въ Москвѣ. — Разговоръ нашъ и распоряженія Графа. — Полковникъ Манахтинъ. — Александръ Алексѣевичъ Тучковъ. — Отправленіе семейства моего изъ Москвы. — Распоряженія Кутузова къ сдачѣ Москвы. — Отступленіе Кутузова черезъ Москву за Москву 2-го Сентября 1812 года. — Входъ въ Москву Наполеонова войска. — Окончаніе особенныхъ порученій, возложенныхъ на Сочинителя записокъ.

Перелетъ двухъ столѣтій
отъ 1612 *до* 1812 *года.*

Остановимся здѣсь и — можно остановиться: *два столѣтія* совершили дивный ходъ. Совершили: или лучше сказать, *одно* столѣтіе перешло въ *другое* съ достопамятными

событіями своими, хотя и не въ такомъ исполинскомъ объемѣ. Отъ чего это?—Кромѣ солнца и области небесной; кромѣ земель незаселенныхъ, въ Россіи возникла новая Россія съ иными нравами, обычаями, мнѣніями и дѣйствіемъ мыслей. Отъ чего же и въ новой Россіи обращались къ старинной Россіи: отъ чего 1812 года вызывали пѣни *Минина* и *Пожарскаго?* Отъ чего вмѣстѣ съ ними вызывали и завѣтную рѣчь Русскую?

Въ мірѣ духовномъ *Богъ* и *слово* возносятся на одной чредѣ. Слово скрѣпило союзъ вещественной вселенной; слово, сліянное съ мыслію, образовало общество человѣческое. *Слово жизни,* слово задушевное, сберегло 1612 года бывшіе Россіи, гдѣ бури грозныя со всѣхъ сторонъ разшатывали *завѣтное древо,* укорененное роднымъ словомъ въ нѣдрахъ почвы отечественной. *„Аще корня не будетъ, то къ чему древу прильпнться?“* Такъ говорили предки наши и лепѣли къ *Москвѣ* и въ *Москву* къ поддержанію *древа жизни* Русскаго Отечества.

Нашествіе 1812 года встрѣтило въ Россіи Европу. И такъ не внѣшнее оружіе измѣнило мысль, что Россія не въ Москвѣ. За нѣсколько лѣтъ до нашествія громкія раздавались рукоплесканія на берегахъ Невы, когда

въ трагедіи *Крюковскаго* не Князь *Пожарскій*, но *Сочинитель*, сказалъ:

»Россія не въ Москвѣ, она въ сердцахъ сыновъ....«

»Но, думаете ли вы, что величіе города заключается въ грудѣ камней и зданій? То есть въ памятникахъ бездушныхъ и безгласныхъ?« (*)

Въ причудливыхъ изворотахъ просвѣщеннаго свѣта и въ вихрѣ суетливости, нѣкогда *сердцу* высказываться *сердцу*; нѣкогда вдругъ и, такъ сказать: *налетомъ* вдохнуть въ себя жизнь, изторгнутую изъ души призраками холоднаго быта свѣтскаго.

Москва по отбытіи Государя.
Іюля 19, 1812 *года.*

Восторги и порывы жителей Московскихъ откликались только въ присутствіи Александра Перваго. Съ отбытіемъ Его на берега Невы въ ночь 19 Іюля, полетъ душъ осѣкся: Москва смолкла въ Москвѣ. Вѣсть объ опасности отечества вызвала мгновен-

(*) *Тацитъ.*

ный порывъ самоотреченія. Казалось, что все это *было* и *не было*. Начали около себя оглядываться; думать, обдумывать: личность заполонила самоотреченіе. Не было страха; не было препона: но была суетливость жизни и о жизни.

Не смущаясь духомъ, но томясь думою о жребіи Отечества: для разсѣянія мыслей взялъ я съ собою въ упрекнюю мою прогулку *Ѳеофаново Слово на битву Полтавскую*. Обходя тѣнистыя прохлады *Преснинскаго* пруда, я оживлялъ въ настоящемъ—прошедшее. »Полтава, думалъ я: опразила *Карла*; въ стѣнахъ Москвы запершагося нашествіе Наполеона.« Отъ чего и въ глубокой думѣ о бѣдѣ отчизны, таится такая сладость, какой не промѣняешь ни на какой вихрь утѣхъ? Не объясняю: но я иногда вполнѣ чувствовалъ эту *сладость скорби*.

Первое свиданіе съ Графомъ
Ф: В: Растопчинымъ
19 *Іюля* 1812 *года*.

Между тѣмъ часу въ одиннадцатомъ возвращаюсь съ прогулки. Жена моя почти безъ

памяти сидѣла на софѣ. Увидя меня, она вскричала: »опъ Графа Растопчина пріѣхалъ ординарецъ!« »Я ожидалъ этого; а вы, молись Богу и вели подать мнѣ косынку и бѣлой жилетъ.« Переодѣвшись поспѣшилъ я къ Графу, находившемуся иногда въ Москвѣ, а не на дачѣ. Съ Графомъ былъ только адъютантъ его *Обресковъ*. Подбѣжавъ ко мнѣ, Графъ сказалъ: »забудемъ прошедшее; теперь дѣло идетъ о судьбѣ отечества.« (*)

Возложеніе особенныхъ порученій на Сочинителя Записокъ.

Взявъ со стола бумагу и орденъ, Графъ продолжалъ: »Государь жалуетъ васъ кавалеромъ четвертой степени Владиміра *за любовь вашу къ Отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями вашими.* Такъ изображено въ рескриптѣ за собственноручною подписью Государя Императора. Вотъ рескриптъ и орденъ.« — Адъютантъ бросился уклаживать въ петлицѣ орденъ, а Графъ прибавилъ:

(*) Съ Декабря 1809 до этого времени мы были въ личной размолвкѣ съ Графомъ.

»поздравляю васъ кавалеромъ.« Съ этимъ словомъ поцѣловалъ онъ меня и продолжалъ: *священнымъ именемъ Государя Императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для Отечества; а руки на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною.*«

»Благодарю Государя, отвѣчалъ я: »но позвольте мнѣ поспѣшить къ женѣ моей. У нее прое сушокъ отзывается въ ушахъ звонъ Сибирскаго колокольчика.«

Не стану описывать восторга жены моей. Минуло болѣе двадцати лѣтъ, но мигъ нашего свиданія все еще въ полной свѣжести живетъ въ душахъ нашихъ. Ожидая меня она сидѣла у открытаго окна. Поровнявшись съ домомъ, я взмахнулъ длинною лентою ордена, и сказалъ: »вотъ крестъ, а не бѣда!«

Особенныя порученія.
19 Іюля 1812 года.

Немедленно приступилъ я къ тѣмъ особеннымъ порученіямъ, съ которыми нерѣдко и въ Москвѣ и внѣ спѣшъ ея, сопря-

жена была опасность жизни. Но тогда жизнь была для меня послѣднимъ условіемъ. Я былъ счастливъ и подъ грозною тучею, быстро устремлявшеюся къ Москвѣ. Провидѣніе помогало мнѣ оживлять души добрыхъ гражданъ; успокоивать ихъ умы и внушать имъ мѣры осторожности, предостерегая ихъ отъ смущенія и торопливой робости. Непрестанное присутствіе мое на площадяхъ, на рынкахъ и на улицахъ Московскихъ, сроднило со мною взоры, мысли и сердца Московскихъ обывателей. Дѣйствуя открытою грудью и громкимъ словомъ, я не прикасался рукою къ сотнямъ тысячамъ, ввѣреннымъ мнѣ вмѣстѣ съ свободою развязанныхъ устъ. Однажды только по запискѣ моей, препровождены были въ село *Крылацкое* кушакъ и шапка крестьянину *Никифору*, благословившему на брань трехъ сыновъ своихъ. Деньги хороши какъ средство къ обороламъ потребностей быта общественнаго, но бѣда, гдѣ онѣ заполонятъ общество человѣческое; бѣда, гдѣ, говоря словами нашего девятнадцатаго столѣтія, онѣ дѣлаются *представителями* всѣхъ наслажденій и приманкою страстей! При возстаніи душъ дѣйствуйте на нихъ силою нравственною, уравнивающею духъ народный съ величіемъ необычайныхъ обстоятельствъ.

Причины упадка народнаго духа
1812 *года.*

Но — не такъ было. Къ поддержанію воскипѣвшаго духа народнаго, надлежало вызывать не однѣ имена *Минина* и *Пожарскаго,* надлежало вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать и Русскій бытъ ихъ времени. Надлежало возобновить завѣтное сближеніе душъ, мыслей и слова роднаго. Надлежало: но этого не было. Почти каждый день заходилъ я въ Комитетъ *ратническій* и Комитетъ *пожертвованій.* Въ послѣднемъ два главные чиновника, (ихъ уже нѣтъ въ живыхъ): принимая пожертвованія, по не угомонной привычкѣ, разговаривали по Французски. Добрые граждане, поспѣшавшіе возлагать на олтарь отечества и сотни и тысячи и десятки тысячъ, слыша Французское бармотанье, съ скорбнымъ лицемъ удалялись и съ удивленіемъ поглядывая другъ на друга, восклицали: »*Господи Боже нашъ! и о Русскихъ то пожертвованіяхъ болтаютъ и сусловятъ по Французски!*« Это былъ не порывъ ненависти къ Французамъ: нѣтъ! 1812 года мы не питали ненависти ни къ одному народу; мы желали только поразить и отразить нашествіе:

но но былъ праведный голосъ сыновъ Россіи, долженствующей жить словомъ Русскимъ. Недавно читалъ я Индѣйскую драму *Саконталу*, въ которой придворный стражъ укоряетъ рыбака ремесломъ его. Рыбакъ отвѣчаетъ: »Не укоряй меня въ этомъ; ремесло мое досталось мнѣ въ наслѣдство отъ отца.« Человѣкъ Русскій дорожитъ и ласковымъ взглядомъ и привѣтливымъ словомъ. Пословица: *слово не стрѣла, а пуще убиваетъ*, убѣдительно свидѣтельствуетъ, что предки наши понимали *жизнь* и *смерть*, заключающіяся въ выговорѣ словъ. А если у насъ не Русскимъ словомъ и не Русскимъ обычаемъ, и въ годину испытанія отталкивали отъ себя *Русскихъ* въ *Россіи:* но не удивительно, что Французы въ нынѣшнихъ извѣстіяхъ своихъ писали и печатали, что нѣмцы модная воспитанія готовятъ для нихъ и лавры и вѣнки? — Это не укоризна; а замѣчаніе.

Шаткость въ Комитетѣ ратническомъ.

Возникла шаткость и въ *ратническомъ Комитетѣ.* Вскорѣ по установленіи онаго,

онъ подчиненъ былъ Комитету Петербургскому, составившему подъ председательствомъ Графа *Аракчеева.* »Я не ребенокъ, говорилъ Графъ Федоръ Васильевичъ: меня поздно водить на помочахъ!«

Взятіе Смоленска.

Вѣсть о занятіи Смоленска *Наполеономъ*, оставленнаго Русскими войсками въ пожарномъ пламени и въ дымящихся развалинахъ: эта вѣсть огромила Москву. Раздался по улицамъ и площадямъ гробовой голосъ жителей: *отворены ворота къ Москвѣ!* Началось переселеніе изъ городовъ, уѣздовъ, изъ селъ и деревень. Иные ѣхали и шли; а куда? Куда Богъ поведетъ.

Моя записка о лѣсномъ вооруженіи.

И до тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года, по какому-то тайному побужденію, предчув-

спвуя грядущую бѣду на Отечество, я въ Русскомъ Вѣстникѣ предлагалъ различныя мѣры осторожности. А по оставленіи Смоленска подалъ я Графу записку: *о тайномъ вооруженіи* въ лѣсахъ Смоленскихъ уѣздовъ, не занятыхъ еще непріятелемъ и о распространеніи онаго до Москвы. У Смоленскихъ помѣщиковъ множество было псарей, ловчихъ и стрѣлковъ. Я предполагалъ, чтобы составить изъ нихъ дружины, укрываться днемъ въ чащѣ лѣсовъ, а въ ночь выбѣгать съ ними и стремглавъ нападать по бокамъ и въ тылъ непріятеля.

Въ день подачи записки, у Графа обѣдали Князь *Юсуповъ* и *Н: М: Карамзинъ*. Послѣ обѣда пили кофей подъ липами и, между прочимъ, *Юсуповъ* разсказывалъ, что онъ видѣлъ во *Флоренціи* довѣренную грамоту нашему Епископу *Исидору*, присутствовавшему на Флорентійскомъ Соборѣ.

Между тѣмъ, пришедшій чиновникъ, сказалъ, что-то Графу тихонько и Графъ пошелъ въ комнаты. Возвратясь оттуда, Графъ сказалъ съ улыбкою: »два добрые человѣка привели ко мнѣ съ улицы какого то испитаго Нѣмца, увѣряя, что онъ *шампиніонъ*. Распрося Нѣмца, я сказалъ: »ступайте съ

Богомъ, братцы! это не *шалтиніонъ* и не *шухоморъ*.« Гости улыбнулись.

Главная цѣль распоряженій Графа Растопчина.

Прочитавъ мою записку, Графъ препоручилъ мнѣ явиться къ нему на другой день за подорожною, для приведенія въ дѣйствіе означеннаго въ запискѣ. Часу въ осьмомъ пріѣзжаю къ Графу на дачу и застаю тамъ Князя *Щербатова*, который спѣшилъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о новомъ успѣхѣ *Тормасова*. Когда Князь откланялся, Графъ повелъ меня въ кабинетъ и сказалъ: »Вчера были у меня гости; а потому я не могъ съ вами объясниться откровенно. *Мое главное теперь дѣло то, чтобы обезпечить и удалить дворянъ изъ уѣздовъ. Богъ знаетъ какой возмутъ оборотъ наши внутреннія обстоятельства.*«

Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ.

Назначеніе *Кутузова* Главнокомандующимъ, произвело общій восторгъ и въ вой-

скѣ и въ народѣ. До этого еще времени, безъ всякой взаимной смолвки, въ одинъ и тотъ же день, то есть: Іюля 15-го, былъ онъ избранъ въ начальники ополченія и на берегахъ *Невы* и на берегахъ *Москвы* рѣки. Госпожа *Сталь*, гонимая *Наполеономъ* за рѣзкіе и смѣлые отзывы, и находясь тогда въ Петербургѣ, явилась къ Кутузову, преклонила передъ нимъ чело и возгласила своимъ торжественнымъ голосомъ: *Привѣтствую ту почтенную главу, отъ которой зависитъ судьба Европы* (*). Полководецъ нашъ ловкій и на полѣ битвъ и въ обращеніи свѣтскомъ, не запинаясь, отвѣчалъ: *Сударыня! вы дарите меня вѣнцемъ моего безсмертія!* Нѣкоторые это иначе высказываютъ: но тутъ дѣло не о словахъ, а въ томъ, что дочь того *Некера*, который 1798 года почитался рѣшителемъ судьбы Франціи, какъ будто бы свыше вызвана была на берега *Невы* вѣстницею о новомъ жребіи и Франціи и Европы. Петербургъ, Москва, Россія ожидали отъ *Кутузова* новой славы, новыхъ побѣдъ; а усердные родные заранѣе вѣнчали его и славою и побѣдами. На всѣ привѣтспивія опытный

(*) Je viens saluer la tête respectable dont dependent les destinées de l'Europe.

Полководецъ, отвѣчалъ: *не побѣдить, а дай Богъ обмануть Наполеона!*

Барклай-де-Толли.

Кутузовъ и обманулъ и провелъ *Наполеона*, запершагося въ прежнемъ *Наполеонѣ—Бонапартѣ*; а на челѣ *Барклая-де-Толли* не увяла ни одна вѣшка лавровъ его. Онъ отступалъ: но уловка умышленнаго отступленія, уловка вѣковая. Скиѳы *Дарія*, а Парѳяне *Римлянъ*, разили отступленіями. Не изобрѣли шакшики отступленій, ни *Моро*, ни *Веллингтонъ*. Въ древности *Ксенофонтъ*, вождь десяти тысячъ Грековъ, велъ полки свои, обдумывая и расчитывая каждый шагъ. Не изобрѣлъ этой шакшики и *Барклай* на равнинахъ Россіи. Петръ Первый высказалъ ее въ *Желковкѣ* на военномъ совѣтѣ 30 Апрѣля 1707 года, когда положено было: *не сражаться съ непріятелемъ внутри Польши, а ждать его на границахъ Россіи.* Въ слѣдствіе этого Петръ предписалъ: »тревожить непріятеля отрядами; перехватывать продовольствіе; запруднять переправы, истомлять переходами.« Въ подлинникѣ сказано: *истомлять*

непрестанными нападеніями. Отвлеченіе *Наполеона* отъ сраженій и завлеченіе его вдаль Россіи, стоило нападеній. Предпринявъ войну отступательную, Императоръ Александръ писалъ къ Барклаю: *Читайте и перечитывайте журналъ Петра Перваго.* И такъ *Барклай-де-Толли* былъ не изобрѣтателемъ, а исполнителемъ возложеннаго на него дѣла. Да и не въ томъ состояла трудность. *Наполеонъ*, порываемый могуществомъ для него самаго непостижимымъ; *Наполеонъ*, видя съ изумленіемъ бросаемыя имъ мѣста, гдѣ ожидалъ битвы; такъ сказать: *шелъ и не шелъ.* Предполагаютъ, что отклоненіемъ на *Жиздру*, Барклай заслонилъ бы и спасъ Москву. Но впѣсняя далѣе въ предѣлы полуденные войско *Наполеона*, вмѣстѣ съ нимъ переселилъ бы онъ туда и ту смертность, которая съ нивъ и полей похитила въ Смоленскѣ болѣе *ста тысячъ поселянъ.* Слѣдственно въ этомъ отношеніи *Смоленскъ* пострадалъ болѣе *Москвы.* Спѣны городовъ и домовъ можно возобновишь: но кто вырвешъ изъ челюстей смерти погибшее человѣчество? А притомъ, подвигая *Наполеона* къ южнымъ рубежамъ Россіи, мы приблизили бъ его и къ Турціи, заключившей шаткій миръ, вынужденный Англинскими пушками, цѣлившими на сераль.

Снова повторяю: не завлеченіе *Наполеона* запрудняло *Барклая-де-Толли*; но война нравственная, война мнѣнія, обрушившаяся на него въ нѣдрахъ Отечества. Генералъ *Тормасовъ* говорилъ: *я не взялъ бы на себя войны отступательной.*

Графъ *Тюрпинъ* въ обозрѣніи записокъ *Монтекукули* замѣчаетъ, что перетолкованіе газетныхъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ, вредитъ Полководцамъ. Но если это вредно въ *войну обыкновенную*, то въ войну исполинскую, въ *войну нашествія*, разгулъ молвы, судящей по *слуху*, а не по *уму*, свирѣпствуетъ еще сильнѣе. Напуганное, встревоженное воображеніе, все перетолковывало. Надобно было отступать, чтобы уступленіемъ пространства земли обезсиливать *нашествіе*. Молва вопіяла: *долго ли будутъ отступать и уступать Россію!* Подъ Смоленскомъ совершилось одно изъ главныхъ предположеній войны 1812-го года; то есть: соединеніе арміи К: *Багратіона* съ арміею *Барклая-де-Толли*. Но нельзя было терять ни времени, ни людей на защиту стѣнъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтія: *нашествіе* было еще въ полной силѣ своей. А молва кричала: »подъ Смоленскомъ соединилось храброе Русское войско; тамъ рѣка, тамъ стѣны! И Смо-

ленскъ сдали!« Нашествію нужно было валовое сраженіе и подъ *Вильного* и подъ *Дрисою* и подъ *Витебскомъ* и подъ *Смоленскомъ:* за нимъ были всѣ вспомогательныя войска ивердой земли Европы. По Россіи, отдачею земли, нужно было сберегать жизнь полковъ своихъ. И такъ *Барклаю-де-Толли* предстояли двѣ важныя обязанности: *вводить, заводить нашествіе вдаль Россіи и отражать вопли молвы.* Терпѣніе его — стяжало вѣнецъ. Извѣстно, что въ послѣднюю войну со Шведами при Екатеринѣ *Второй*, Принцъ *Ангальтъ*, смертельно раненый подъ *Пардакокскими* батареями, даря шпагу свою *Барклаю-де-Толли*, бывшему тогда Маіоромъ, сказалъ: »эта шпага въ вашихъ рукахъ будетъ всегда не разлучна съ славою!« *Барклай-де-Толли* оправдалъ предчувствіе Принца *Ангальта.* Римскій Полководецъ *Фабій*, отражая *Ганнибала*, затеривался въ облакахъ и налеталъ на Африканца съ вершинъ горъ, а нашъ *Фабій* не на вершинахъ горъ, не скрываясь челомъ въ облакахъ, но на поляхъ открытыхъ и на праводушныхъ раменахъ, несъ жребій войны отступательной. Долетали до него вопли негодованія; кипѣли вокругъ его волны молвы превратной; а онъ, говоря словами поэта:

«И твердъ, неколебимъ Герой нашъ бѣдъ въ пучинѣ,
Не содрогался, противился судьбинѣ,
Принявъ и ревъ молвы душою отражалъ.»

Прибытіе Кутузова въ армію 17-го Августа въ Царево Займищѣ.

Барклай-де-Толли отбивался, затягивалъ Наполеона; но войско Русское алкало битвы валовой. *Барклай* дѣлалъ свое дѣло и *Кутузовъ* съ перваго шагу принялся за свое дѣло. Орлинымъ полетомъ воспрянулъ духъ Русскихъ воиновъ; а хитрый вождь подъ размахомъ крылъ его, готовилъ отступленіе къ Москвѣ, не за отбой Москвы, но чтобы перешагнувъ за Москву, заслонить ею Россію и отстаивать Россію. Исполинское нашествіе требовало великихъ жертвъ: одна принесена была на берегахъ *Днѣпра*, другая ожидала роковаго своего часа на берегахъ *Москвы* рѣки. А потому въ слѣдствіе обдуманнаго новаго отступленія и чтобы не запруднять войска излишнею громоздкою при отступленіи, Кутузовъ почти за недѣлю до битвы *Бородинской*, отправилъ нѣсколько ропъ

конной артиллеріи по Рязанской дорогѣ. Въ томъ числѣ была и рота двоюроднаго брата моего Владиміра Андреевича *Глинки.*

Взглядъ на Москву до битвы Бородинской.

Каждый день по улицамъ во всѣ заставы, кромѣ Смоленской или *Драгомиловской*, тянулись вереницы каретъ, колясокъ, повозокъ, кибитокъ и нагруженныхъ телегъ. Иные отправляли на баркахъ всякія утвари домашнія; иные увозили съ собою и *гувернеровъ* дѣтей своихъ. Упоминаю объ этомъ не въ укоризну, а скажу только, что такіе *вывозы* и выѣзды крайне сердили и раздражали народъ. Казалось, что Москва выходила изъ Москвы. Повѣствить явно и торжественно нельзя было: въ такомъ случаѣ и безъ входа въ нее непріятелей, она сорвана бъ была съ основанія своего.

А въ это время при бурѣ нашествія и разгромѣ Москвы, тогдашній, добрый Оберъ-Полицеймейстеръ *Ивашкинъ* строилъ большой деревянной домъ подъ *Новинскимъ*. Съ до-

садою взглядывая на эту стройку, прохожіе говорили: »вотъ еще и домы занѣваютъ строить!«

Высылка изъ Москвы нѣкоторыхъ иностранцевъ.

Въ это время, увлекаясь мечтою, Графъ придумалъ высылку изъ Москвы нѣкоторыхъ уроженцевъ Франціи на баркѣ въ струи *Волжскія.* Въ посланіи къ нимъ, онъ сказалъ: »Взойдите на барку и войдите въ самихъ себя.« Это по Французски *калалбуръ* или шутка. »*Entrez* dans la barque, et *rentrez* dans vous mêmes.« Но для высылаемыхъ это было не шуткою. Опасались, можетъ быть, что народъ, при вторженіи *Наполеона* въ Москву, посягнетъ на нихъ? Я близокъ былъ къ народу; я жилъ съ народомъ на улицахъ, на площадяхъ, на рынкахъ; вездѣ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ Москвы: и, живымъ Богомъ свидѣтельствуюсь, что никакая неистовая ненависть не волновала сыновъ Россіи.

Разнолысліе.

Между тѣмъ разномысліе часъ отъ часу усиливалось въ стѣнахъ Москвы. Жаръ рвенія, вспыхнувшій въ душахъ народа въ первой половинѣ Іюля, хотя и не остылъ, но, какъ будто бы, *разструвался*. Кто видѣлъ изверженіе *Этны* и *Везувія*, тотъ знаетъ, что бурно-кипящая лава, вспрѣтясь не съ громадою камней, но съ какимъ нибудь осколкомъ, опнрядываетъ мгновенно и сворачиваетъ съ пути своего. Это можно примѣнить и къ стремленію духа народнаго. Малѣйшее отклоненіе отъ первоначальнаго его направленія, раздвоиваетъ и ослабляетъ его. Къ заглушенію мысли о предстоявшей опасности, занимали умы народа сооруженіемъ на Воробьевыхъ горахъ, какого-то *огромнаго шара*, который, по словамъ разгульной молвы, поднявшись надъ войсками *Наполеона*, польетъ огненный дождь, особенно на артиллерію. Шутя или не шутя, мнѣ предлагали мѣсто на этомъ огненосномъ шарѣ. Я отвѣчалъ: »Какъ первый Московскій ратникъ, я стану въ срочный часъ въ ряды ополченія; но признаюсь откровенно, что я не привыкъ ни къ чиновному возвышенію, ни къ ле-

танію по воздуху. У меня на высотѣ закружится голова.«

Частныя проявленія духа народнаго.

По и среди развлеченія мыслей, духъ Русскій стоялъ на стражѣ. Появлялись ли въ гостинныхъ рядахъ раненые наши офицеры? Купцы и сидѣльцы привѣтствовали ихъ радушно. Нужно ли было имъ, что нибудь купить? Имъ все предлагали безденежно торопливою рукою и усерднымъ сердцемъ. »Вы проливаете за насъ кровь;« говорили имъ: »намъ грѣхъ брать съ васъ деньги.« — Въ селахъ и деревняхъ отцы, матери и жены, благословляли сыновъ и мужей своихъ на оборону земли Русской. Поступавшихъ въ ополченіе, называли: *жертвенниками;* по ссть рашниками, пожертвованными Отечеству, не обыкновеннымъ наборомъ, но влеченіемъ душевнымъ. *Жертвенники* или рашники, въ смурыхъ полукафтаньяхъ, съ блестящимъ крестомъ на шапкѣ, съ ружьями и пиками, мелькали по всѣмъ улицамъ и площадямъ, съ мыслію о родинѣ. Тѣнь грусти пробѣгала

на лицахъ ихъ; но не было отчаянія. Ласка и привѣтъ сердечный вездѣ встрѣчали ихъ. И дивно свыкались они и съ ружьемъ и съ воспросніями военными!

Порывъ воспитанниковъ Московскаго Университета.

Юноши, бывшіе въ стѣнахъ Университета и проходившіе въ нѣдрахъ его поприще отечественной исторіи: пылали жаромъ отечественнымъ. Но и тупъ сердце встрѣчаетъ горестный камень преткновенія; и тутъ нуженъ талисманъ *Монтекукулевъ*, то есть: *деньги! деньги* и *деньги!* Нѣкоторые изъ *юношей — патріотовъ* приходили ко мнѣ съ просьбами, чтобы я содѣйствовалъ рвенію ихъ. »Вашъ Русскій Вѣстникъ, говорили они: воспламенилъ нашъ духъ; помогите намъ жертвовать собою Отечеству!«

Сказано выше, что Графъ Растопчинъ Именемъ Государя развязывая мнѣ языкъ на пользу Отечества; тѣмъ же именемъ развязалъ мнѣ и руки на *триста тысячъ* экстраординарной суммы. По этому праву я

могъ бы для нуждъ другихъ брать изъ нее; но мнѣ, какъ будто бы стыдно было *развязывать себѣ руки на деньги* въ то время, когда довѣренность развязала мнѣ языкъ для выраженія вдохновеній душевныхъ. И такъ, чтобы удовлетворять ревностныхъ просителей, я спѣшилъ продавать драгоцѣнныя вещи жены моей. Награда за это — Провидѣніе и судьба дѣтей: у нихъ останется память роднаго подвига. *Поэтъ* сказалъ: »гдѣ нѣтъ сердца, тамъ нѣтъ и пріюта.« Пріютъ душѣ—воспоминанія. Съ провидѣніемъ и съ любовью къ Отечеству не торгуются.

Пожертвованія добрыхъ Гражданъ Ивана Семеновича Рахманова и Гетмана.

Къ пожертвованіямъ жены моей, присоединились пособія Ивана Семеновича *Рахманова*, занимавшагося суконнымъ издѣльемъ. Усердствуя къ общему дѣлу, почтенный Гражданинъ доставилъ мнѣ сукна на двадцать человѣкъ; а добрый и честный порп-

ной *Гетманъ* взялся безъ платы шить рваную одежду. Когда въ послѣдствіи отдавалъ я ему деньги, онъ сказалъ: »не возьму. Я не на васъ работалъ. А объ усердіи моемъ напечатайте въ Русскомъ Вѣстникѣ.« Охотно исполнилъ я его желаніе. Въ числѣ поступившихъ въ Московское ополченіе на основаніи частныхъ пособій, былъ Константинъ Федоровичъ *Калайдовичъ*. Былъ также въ числѣ ихъ и престарѣлый Полковникъ *Козловъ-Угрининъ*, служившій въ то время Комендантомъ въ *Камчаткѣ*, когда къ берегамъ ея пристылъ Французскій мореходецъ Графъ *Лаперузъ*, которому *Людовикъ* шестнадцатый далъ собственноручное наставленіе, касательно цѣли плаванія его по морямъ. *Лаперузъ* безъ вѣсти пропалъ на волнахъ океана; а *Людовикъ* погибъ на мѣстѣ казни. Вѣрьте и довѣряйте послѣ этого счастію земному!

Необычайное волненіе въ природѣ 1812 *года.*

»Отъ чего, говоритъ *Фридерикъ* второй: съ необычайными явленіями природы, сопря-

жены и необычайныя событія политическія? Мы это видимъ; а тайна извѣстна Тому, Кто управляетъ и природою и судьбою человѣчества.« Со времени нашествія завоевателя, бушевали въ Москвѣ порывистые вихри, несшіеся отъ юга, затмѣвавшіе небо пылью, ломавшіе заборы и срывавшіе кровли съ домовъ. Но ни волненіе природы, ни громъ пушекъ, часъ отъ часу приближавшійся къ стѣнамъ Москвы: ничто не могло одолѣть неугомонной привычки къ *карталъ*. Посылали справляться гонцевъ: *гдѣ и далеко ли непріятель?* А получа отвѣтъ и поговоря нѣсколько минутъ о военныхъ дѣйствіяхъ, опять провозглашали: *бостонъ! висть!* и такъ далѣе.

Особенный мнѣ приказъ.

Исполняя возложенныя на меня особенныя порученія, я снаряжался и къ походу. Ратные мои доспѣхи были готовы. Заблаговременно приготовилъ я жену къ разлукѣ. Но въ три часа ночи съ 14 на 15 число Августа, получилъ я записку отъ Полков-

ника *Караулова*, Начальника Штаба дружинъ ополченія, состоявшихъ подъ предводительствомъ Генералъ Лейтенанта Василія Николаевича *Чичерина*. Въ слѣдствіе неожиданнаго требованія, я поспѣшилъ къ Генералу. »Графъ Федоръ Васильевичъ, сказалъ мнѣ Генералъ: »Именемъ Государя предписываетъ вамъ остаться въ Москвѣ, гдѣ нужна ваша служба.« »Жизнь мою, отвѣчалъ я: безусловно возложилъ я на олтарь Отечества: а потому дѣлайте изъ меня, что хотите. Но я первый записался въ ратники. И такъ не исключайте имени моего изъ списка ополченія.»

Двадцать третіе Августа: достопамятный день двухъ вѣковъ.

Двадцать третьяго Августа за два столѣтія до нашего *тысяча восемь сотъ* двѣнадцатаго года, дружины Русскія отправлялись въ стѣнахъ Москвы и *Москву* и *Россію*. Битвы ихъ кипѣли среди храмовъ Божіихъ, предъ лицемъ Святыни отечественной. Весь завѣтный бытъ земли Русской предстоялъ очамъ

ополченія Русскаго. Такъ было въ *двѣнадцатый годъ* предковъ нашихъ и въ день 23 Августа 1612 года надъ Москвою и въ Москвѣ засвѣтилась заря избавленія Отечества. А въ нашъ *двѣнадцатый годъ*, Августа 23, Русскій Полководецъ въ двѣнадцати верстахъ впереди *Можайска* при деревнѣ или селѣ *Бородинѣ*, принадлежавшемъ нѣкогда партизану *Давыдову*, который самъ сжегъ свой домъ: нашъ Полководецъ назначалъ *мѣсто плоское, способное для битвы валовой.* На этомъ плоскомъ мѣстѣ, на равнинѣ *Бородинской* и подъ Семеновскимъ, послѣ предварительнаго распоряженія, сдѣланы были нѣкоторыя перемѣны.

Тактика Провидѣнія.

Но *тактика Провидѣнія* не измѣнила первоначальной печати, наложенной на полѣ битвы: живыми урочищами опредѣлило оно ему высказать судьбу *двѣнадцатаго года*; судьбу Россіи, судьбу Европы и судьбу всего земнаго нашего шара. Полетъ вѣковъ не заглушилъ глагола Провидѣнія.

На равнинѣ *Бородинской*, сообразно постепенному ходу рашныхъ движеній, спру-

япся четыре рѣчки: *Войня, Колоча, Стонецъ;* а подъ Семеновскимъ, гдѣ гремѣлъ адъ Наполеоновыхъ батарей, шечетъ рѣчка: *Огникъ.*

День *битвы Бородинской;* день *войны, битвы, стона, огня!* Войня, Колоча, Стонецъ вливаясь въ Москву рѣку, какъ будто бы передавали вѣсть Москвѣ, что около береговъ рѣчки *Сытуни* ударитъ во дни *сѣтованія* и скорби роковой, могильной часъ Москвѣ!

Въ какой туманной дали соединились гробовыя названія поля Бородинскаго? Не знаю. Но шутъ вся та бишва, на которой, по словамъ самаго Наполеона: *онъ долженъ былъ допить чашу вина, налитую въ Смоленскѣ* (*). И онъ испилъ ее подъ угасающею звѣздою прежняго своего счастія. На этомъ пирѣ кровавомъ испили чашу смертную *девяносто тысячъ* и сыновъ Россіи и сыновъ странъ дальнихъ.

Москва послѣ битвы
Бородинской.

Сказываютъ, что въ ночь послѣ бишвы Бородинской, *Барклаю-де-Толли* поручено

(*) См. Записки Генерала *Ранна.*

было сдѣлать сильный напискъ на полки Наполеона. Прибавляютъ, что въ то самое время, когда *Барклай* готовился къ отчаянному подвигу, получилъ онъ приказъ отступить и что въ пылу негодованія, изорвалъ бумагу и двинулся къ Можайску. Это молва. Но то не молва, то было видимое зрѣлище, когда по мѣрѣ отступленія нашихъ войскъ, гробовая *равнина Бородинская*, вдвигалась въ спѣны Москвы въ ужасномъ, могильномъ своемъ объемѣ! Солнце свѣтило и не свѣтило. Улицы пустѣли. А кто шелъ, тотъ не зналъ, куда идти. Знакомые, встрѣчаясь другъ съ другомъ, молча проходили мимо. Въ домахъ рѣдко гдѣ мелькали люди. Носились вѣсти, что *Мюратъ* взятъ въ плѣнъ. Увѣряли, будто бы Государь въ Сокольникахъ на дачѣ у Графа, гдѣ *Платовъ* имѣлъ съ нимъ свиданіе. Слушали и не слушали: мысли, души, весь бытъ Московскій былъ въ разбродѣ.

А между тѣмъ, подъ завѣсою пыли, медленно тянулись повозки съ ранеными. Около Смоленскаго рынка, близъ конпораго я жилъ, множество воиновъ, раненыхъ подъ Смоленскомъ и подъ Бородинымъ, лежали на плацахъ и на соломѣ. Обывватели спѣшили обмывать запекшіяся ихъ раны и обвязывали

и платками и полотенцами и бинтами изъ разрѣзанныхъ рубашекъ. Въ тотъ самый мигъ, когда я перевязывалъ раненаго, ѣхалъ на дрожкахъ тогдашній Комендантъ *Гессе*. Соскоча съ дрожекъ, онъ обнялъ и поцѣловалъ меня.

Люди, свѣта большаго, свѣта блестящаго! скажите, что такое столицы Европейскія, если порывъ вихря завоевательнаго, обширныя вмѣстилища и театровъ и клубовъ и ученыхъ заведеній и маскерадовъ и гульбищъ народныхъ: въ одинъ мигъ превращаетъ въ безмолвную могилу и полумертвыхъ и живыхъ? А на поверхности нашей мрачной могилы отражались уже огни бивачные.

Послѣднее свиданіе мое въ Москвѣ съ Графомъ Ѳ: В: Растопчинымъ,
30 *Августа* 1812 *г.*

Видя роковой часъ, быстро несущійся на Москву, я поѣхалъ поутру Августа 30 на дачу къ Графу. Встрѣчаю его передъ

кабинетомъ и иду съ нимъ въ кабинетъ. Графъ былъ въ военномъ сюртукѣ, а я въ полныхъ рапническихъ доспѣхахъ. Мы сѣли на софу подъ картою *Россіи.*

Вотъ разговоръ нашъ безъ примѣси и въ точности исторической.

Я. Ваше Сіятельство! я отправляю мое семейство.

Графъ. А я уже отправилъ своихъ.« Тутъ слезы блеснули въ глазахъ его. Нѣсколько помолчавъ, онъ продолжалъ. »Сергѣй Николаевичъ! будемъ говорить, какъ сыны Отечества. Что вы думаете, если Москва будетъ сдана?

Я. Вамъ извѣстно, что я отважился объявить это *пятнадцатаго Іюля* въ залѣ Дворянскаго Собранія. Но, скажите, Графъ! откровенно: какъ будетъ Москва сдана, *съ кровью* или *безъ крови?*

Графъ. Безъ крови.»

При этомъ словѣ я привсталъ и указывая на картѣ на Москву и на смежныя съ нею Губерніи, сказалъ: »Сдача Москвы отдѣлитъ ее отъ полуденныхъ нашихъ областей. Гдѣ же армія къ оборонѣ ихъ займетъ *позицію?*«

Графъ. На старой Калужской дорогѣ; гдѣ и село мое *Вороново*, я сожгу его.« (И

Вороново было сожжено собственною рукою Графа).

Графъ говорилъ все это въ десять часовъ утра 30 Августа, а совѣщаніе о сдачѣ Москвы происходило 31 Августа въ ночь на первое Сентября. Графъ не былъ приглашенъ. Слѣдственно онъ по собственному соображенію указалъ то мѣсто, гдѣ Русское войско спанетъ твердою ногою и заслонитъ отъ нашествія полуденный нашъ край.

Обращаюсь къ расказу.

Вставъ съ софы Графъ присѣлъ къ столику и летучимъ перомъ написалъ *воззваніе на три горы*. Подавая мнѣ его для напечатанія въ типографіи Семена Аникеевича *Селивановскаго*, Графъ прибавилъ: »У насъ на *трехъ горахъ* ничего не будетъ; но это вразумитъ нашихъ крестьянъ, что имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву.«

И такъ Графъ Растопчинъ первый повѣстилъ *войну Московскихъ поселянъ*.

Между тѣмъ Графъ отпкрылъ *бюро*, вынулъ отпуда довольно полновѣсный сверпокъ съ ассигнаціями и подавая мнѣ его, сказалъ: »Государю извѣстно, что вы всѣмъ жертвовали и все отдали. Вотъ на дорогу для вашего семейства.«

»Я не возьму денегъ, отвѣчалъ я: »а для скорѣйшаго исполненія Государевыхъ препорученій, прикажите мнѣ дать дрожки. Въ пустынной Москвѣ почти до самой вашей дачи я шелъ пѣшкомъ. Одинъ добрый гражданинъ уступилъ мнѣ *волочки*.«

Приказавъ заложить для меня дрожки, Графъ примолвилъ: »я переѣзжаю въ Воскресенье въ свой домъ на *Лубянку*; мы проведемъ *послѣднюю ночь* вмѣстѣ.« Я отвѣчалъ: »ко мнѣ съѣхались три брата; въ томъ числѣ и братъ мой Григорій Николаевичъ, раненый подъ Бородинымъ.

Графъ. Это ни вамъ, ни мнѣ не помѣшаетъ. У меня въ домѣ просторно.«

Доложили, что дрожки готовы и я съ посланіемъ Графскимъ поскакалъ въ типографію.

Нѣкоторые предполагали, будто бы я участвовалъ въ сочиненіи посланій Графа Федора Васильевича: это не правда. У него былъ свой умъ и свой слогъ. Мало ли, что разглашали на мой счетъ! Но не заботясь ни о слухахъ, ни о жизни, я дѣлалъ свое дѣло.

Встрѣча съ Полковникомъ Федоромъ Федоровичемъ Манахтинымъ.

По отпечатаніи воззванія *на три горы*, около полудня, проѣзжалъ я Смоленскимъ рынкомъ. Вдругъ вижу бричку; а въ ней раненаго Полковника *Манахтина*, моего корпуснаго сошипомца и по выходѣ оттуда бывшаго вмѣстѣ со мною въ числѣ Адъютантовъ К: Юрія Владиміровича Долгорукова. Бросаюсь къ нему въ бричку. Тяжела, смертельна была его рана; но мужественный его духъ преодолѣвалъ боль. »Наши дрались, какъ львы« сказалъ онъ. »Это былъ адъ, а не сраженіе. Я повелъ Пешровскій полкъ на возвышеніе Бородинское и сказалъ: *ребята! представьте себѣ, что это мѣсто Россія и отстаивайте его грудью богатырскою!* Картечь поразила меня въ животъ. Je connais mon homme! Знаю удальца! Онъ ворвется въ Москву.« И я въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ я: »но какъ изъ нее выйдетъ? Онъ найдетъ въ Москвѣ не миръ, не славу: онъ вспрѣтитъ въ ней пустыню.« — Это все можетъ случиться, возразилъ онъ: но пора тебѣ уѣзжать; ты отецъ семейства. — »Не могу; отвѣчалъ я:

оспаюсь въ Москвѣ по особеннымъ порученіямъ.»

Хотя мосиповая сильно превожила моего ранепаго сошпиомца; хотя по временамъ онъ невольно воздыхалъ; но мысли его, мимо боли, уносились на поле Бородинское. Огнемъ блистали глаза его, когда говорилъ онъ о юномъ адъютантѣ своемъ *Корсаковѣ*. »Il sera un militaire distingué; прибавилъ онъ по Французски: »онъ будетъ отличнымъ офицеромъ; онъ оказалъ чудеса храбрости.« При этомъ словѣ колесо наткнулось на камень. *Манахтинъ* ухватился за рану рукою и вскричалъ: *для чего не вынулъ я чаши до дна?* Въ такомъ положеніи привезъ я его въ домъ Князя Бориса Владиміровича *Голицына*, который онъ Бородинской *контузіи* подвился на смертномъ одрѣ. Вскорѣ оба они перешли за предѣлъ жизни. Крестъ Георгія и чинъ Генеральскій посвятили могилу Манахтина. А неутѣшная мать воздвигнула ему памятникъ съ надписью: *единственному любезному сыну*. Полковникъ *Манахтинъ* приглашаемъ былъ на первоспешенныя совѣщанія. Природный умъ его, обогащенный военнымъ искусствомъ, спасалъ и спасъ опрѣзанный въ Литвѣ корпусъ *Дохтурова*, въ которомъ управлялъ онъ штабомъ. Благодарные его сослу-

живцы говорили мнѣ: »онъ заводилъ непріязнь, выводилъ насъ и, какъ будто бы силою волшебною, клалъ намъ въ руки продовольствіе.«

Перемѣнна слава военная, превратны и всѣ другія славы, кромѣ славы добродѣтели: сошли съ лица земли поколѣнія героевъ. Нѣтъ и сопитомца моего; но дружба его живетъ въ душѣ моей. Свидясь со мною на берегахъ Невы 1805 года, онъ зазвалъ меня къ тогдашнему Статсъ-Секретарю Ф: И: *Енгелю* и почти со слезами убѣждалъ его завлечь меня на поприщѣ службы: »Я знаю, говорилъ онъ: Сергѣя Николаевича; его должно оковать и приковать. Онъ заполоненъ своимъ *романизмомъ*.« Тогда не въ ходу еще былъ *романтизмъ*.

Александръ Алексѣевичъ Тучковъ
Генералъ - Маіоръ.

На убійственномъ полѣ Бородинскомъ палъ и другой незабвенный другъ юности моей: Александръ Алексѣевичъ *Тучковъ*. Со станомъ Аполлона *Бельведерскаго*, соединялъ

онъ душу ясную, возвышенную; сердце, дышущее тою чувствительностію, которая влечетъ и зоветъ къ себѣ душу; умъ, обогащенный всѣми плодами Европейскаго просвѣщенія. Устна его цѣпенѣли, когда доводилось дѣлать выговоръ; но громко и отважно отражалъ онъ несправедливыя притязанія. Съ отплытія *Наполеона* къ берегамъ *Египта*, мы летѣли мыслію въ слѣдъ подвиговъ юнаго и новаго *Александра — Кесаря;* мы думали, что его славою, его душою, человѣчество разцвѣтетъ новою жизнію. Верьхъ желаній нашихъ былъ иногда тотъ, чтобъ быть въ числѣ *простыхъ рядовыхъ* подъ его знаменами. Но не мы одни такъ думали; и не мы одни къ этому спремились. Кто отъ зари жизни ознакомился съ *Леонидами*, *Эпаминондами*, *Пелопидами* и другими героями Греціи и Рима: тотъ былъ иногда *Бонапартистомъ*. Но *Наполеонъ* свѣялъ съ умовъ очарованіе, павѣянное на нихъ *Бонапартомъ;* на чредѣ самовластителя онъ гонительною рукою отполкнулъ отъ себя и древній Римъ и древнюю Грецію: льстило его всемірное Римское владычество; но онъ спрашился доблестей *Цинцинатовъ* и *Регуловъ*. Другъ мой былъ въ Парижѣ и въ *Трибунатѣ* въ тотъ неисповѣдимый часъ, когда

пожизненнаго Консула Бонапарта избирали въ *Императоры*. »Казалось, говорилъ онъ: »что Трибунъ *Карно* возразительную рѣчь свою произнесъ подъ сверкающими штыками Наполеона. Туманно и мрачно было его лицо; но голосъ его гремѣлъ небоязненно.» 1806 года въ издаваемыхъ тогда Французскихъ вѣдомостяхъ при главной квартирѣ Генерала *Бенингсена*, сказано: »въ сраженіи *Гоголинскомъ* Князь *Щербатовъ* и Полковникъ *Тучковъ*, подъ градомъ пулей и картечь, дѣйствовали, какъ будто бы на ученьѣ.» Объ этомъ потому только напоминаю, что другъ мой никогда не упоминалъ о своихъ военныхъ подвигахъ. Но ни бивачная жизнь, ни походы, ни битвы кровопролитныя, не пресѣкали переписки его со мною. Въ этомъ *заочномъ свиданіи*, мы перекликались по Французски. Любимаго нами *Жанъ-Жака Руссо* называлъ онъ: *l'homme de la Nature*, человѣкомъ природы. Есть мечты, которыя, не вредя ни кому, золотятъ безцвѣтную нашу жизнь. Впрочемъ: хотя Жанъ Жака и называли *мечтателемъ;* но многія, особенно политическія *мечты* его осуществились и доказали, что мечтатель видѣлъ далѣе политиковъ и дипломатовъ современныхъ. Они кружились въ вихрѣ обстоятельствъ: а онъ издали наблю-

далъ обстоятельства, вникалъ въ духъ вѣка своего и за двадцать лѣтъ до 1789 года прочиталъ въ будущемъ новую судьбу Франціи. Въ послѣдній разъ видѣлся я съ другомъ моимъ 1809 года, когда онъ отправлялся въ армію, а я въ Смоленскъ. Мы завтракали вмѣстѣ. Старшіе его братья нѣсколько разъ присылали за нимъ для подписи купчей. Въ третій разъ отвѣчалъ онъ посланному: »скажи братцамъ, что я купчую подписать успѣю; а съ Сергѣемъ Николаевичемъ можетъ быть вижусь въ послѣдній разъ.« Я отвѣчалъ: »для сердца и для дружбы нѣтъ *послѣдняго часа.* Кто кого переживетъ, тотъ и оживитъ того жизнію дружбы. Такъ мыслилъ *Монтаній*, говоря о незабвенномъ другѣ своемъ *Боэси:* такъ думаю и я: для *дружбы нѣтъ послѣдняго часа!*«—

Но другъ мой предрекъ свой жребій; онъ исчезъ въ буряхъ 1812 года. На баштарѣ у деревни *Семеновской,* гдѣ струится рѣчка *Огникъ* и гдѣ гремѣлъ адъ жерлъ *Наполеоновыхъ,* занималъ онъ *люнетъ.* Ударилъ мигъ двинуться впередъ; *Тучковъ* закричалъ полку своему: *ребята! впередъ!* Полкъ дрогнулъ. »Вы дрогнули! вскричалъ онъ: я одинъ пойду.« Схватилъ знамя; полетѣлъ и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ *лю-*

нета роковая картечь поразила его въ грудь. Въ этотъ самый часъ братъ его Генералъ Лейтенантъ *Николай Алексѣевичъ* раненъ былъ смертельно; въ этотъ самый часъ палъ юный *Кутайсовъ;* бѣжавшая лошадь безъ всадника возвѣстила, что его не стало въ рядахъ Русскихъ; — въ этотъ самый часъ Князь *Багратіонъ,* питомецъ битвъ Суворовскихъ въ Италіи и на вершинахъ Альпійскихъ, раненъ въ первый разъ и съ этою первою раною сошелъ въ могилу. Въ это самое время, *Наполеонъ,* наблюдая порывистое стремленіе конницы своей на наши батареи, ударялъ въ ладони и восклицалъ: ils y vont! ils y vont: ils y sont! qu'on me donne ma caisse d'ordonnance! Они летятъ! они летятъ, они тамъ! Скорѣе походный мой ящикъ!« И вмѣстѣ съ пулями, ядрами и картечами, знаки почетные сыпались на груди сражавшихся.

1812 *года, Сентября перваго.*

Люди и лошади братьевъ моихъ, прибывшихъ изъ Смоленска, помогли мнѣ выпро-

водить семейство мое изъ Москвы. Въ воскресенье, послѣ обѣда, сѣлъ я на дрожки Графа Растопчина съ братомъ моимъ Федоромъ Николаевичемъ и поѣхалъ вслѣдъ за своими. Верстахъ въ шести отъ Москвы по Рязанской дорогѣ, прощаясь съ женою моею, я сказалъ: »Если Богъ велитъ, то увидимся; а если нѣтъ, то свидимся тамъ, гдѣ нѣтъ разлуки.«

Потерявъ изъ виду отъѣзжавшихъ друзей моего сердца и, *по обязанности моей*, объѣхавъ съ братомъ моимъ окрестныя селенія, возвратился я въ безмолвную, унылую Москву, предчувствовавшую, но еще не слышавшую глагола рѣшительнаго своего жребія. У самыхъ воротъ дома, который, какъ я сказалъ, нанималъ я въ *Тишинѣ* у *Драгомиловскаго* моста, сломалось колесо у Графскихъ дрожекъ. Отпуская кучера, я препоручилъ ему сказать Графу, что братья мои и я не будемъ у него ночевать.

Спросимъ здѣсь: *былъ ли бы Наполеонъ завоевателемъ, если бъ съ именемъ Наполеона Бонапарта, остался на предѣлѣ очереднаго Консула?* Но и то былъ судъ Божій, когда Бонапартъ со степени *очереднаго* Консула вступилъ на поприще Консула *пожизненнаго*, а потомъ облекся въ порфиру *Императорскую*.

Объ этомъ будетъ далѣе.

Распоряженія Кутузова къ сдачѣ Москвы.

Къ безоборонной сдачѣ Москвы, *Кутузовъ* сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

Во-первыхъ: для удаленія обывателей изъ Москвы, Кутузовъ посылалъ конныхъ чиновниковъ, которые въ вечеру 1 Сентября отъ Драгомиловской или Смоленской заставы мчась вихремъ по улицамъ кричали: *спасайтесь! спасайтесь!*

Во-вторыхъ: къ утаенію отъ непріятеля движеній своихъ въ Москвѣ, онъ выпребовалъ, не у Графа Растопчина, но у тогдашняго Оберъ-Полицеймейстера *Ивашкина*, опытнѣйшихъ частныхъ приставовъ, для провожденія его дальнѣйшими дорогами, чтобы коснувшись различныхъ заставъ развлечь вниманіе непріятеля, а войско Русское вывесть на предположенную *Рязанскую* дорогу.

Въ третьихъ: къ уловленію непріятеля за Москвою, Кутузовъ остановилъ на Вла-

димірской дорогѣ войско, вновь устроенное Княземъ Д: И: *Лобановымъ* во Владимірѣ. Главный корпусъ находился въ двадцати; авангардъ въ четырехъ верстахъ отъ Москвы въ *Новой деревнѣ*. А чтобы показать *Наполеону*, будто бы и войско и обозы движутся къ *Казани*, Кутузовъ приказалъ Оберъ-Полицеймейстеру, (также мимо Графа Растопчина): пустить по *Владиміркѣ* весь огнегасительный снарядъ, къ которому прикинулъ нѣсколько конныхъ отрядовъ. Я видѣлъ оба предписанія Кутузова Ивашкину, начертанныя карандашемъ собственною его рукою. Слышалъ я также, что передъ Бородинскою битвою и обозамъ приказано было повернуть на Владимірскую или Казанскую дорогу.

Отступленіе Кутузова черезъ Москву за Москву 2 Сентября 1812 года.

Окинувъ такимъ образомъ сѣтями сдаваемую или лучше сказать, оставляемую Москву: Кутузовъ второго Сентября въ девятомъ часу по утру, сталъ выступать черезъ Москву за Москву. Съ возвышеннаго бе-

рега Москвы рѣки у Драгомиловскаго моста, мы смотрѣли на вѣяніе опустившихъ нашихъ знаменъ. Кутузовъ ѣхалъ верьхомъ спокойно и величаво. А полки наши, объятые недоумѣніемъ, шлянулись въ глубокомъ молчаніи, но не изъявляя ни отчаянія, ни негодованія. Они еще думали, что сразятся въ Москвѣ за Москву. По удаленіи Кутузова я возвратился домой съ братьями, съ нѣкоторыми знакомыми офицерами и съ Генераломъ Евгеніемъ Ивановичемъ *Олениным*. На вопросъ нашъ: *куда идетъ войско?* Былъ общій Спартанскій отвѣтъ: *въ обходъ*. Но въ какой обходъ? То была тайна предводителя. Я прочиталъ Генералу *Оленину* записку мою *о лѣсномъ вооруженіи:* онъ жалѣлъ, что оно не было приведено въ дѣйствіе.

Входъ Наполеонова войска въ Москву,
2-го Сентября 1812-*го года.*

У предковъ нашихъ до 1700 года, день *перваго Сентября*, былъ днемъ *Новаго года;* днемъ пожеланій душевныхъ; днемъ празднества и воспоминанія, что этотъ день, —

день *созданія* и *рожденія* нашей земной обишели. Почему же именно на другой день этого дня, Провидѣніе послало *тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго* года, могильную вѣсть *внѣшняго перерожденія Москвы?* Это его тайна. Наступилъ часъ вечерень. Колокола молчали. Узнавъ, что почные удальцы Московскіе, говоря просто: сбирались *ухнуть на добычу* и *на грабежъ:* расторопный Графъ *Растопчинъ* приказалъ запереть колокольни и обрѣзать веревки. Вдругъ, какъ будто бы изъ глубокаго гробоваго безмолвія выгрянулъ, раздался крикъ: *Французы! Французы!* Къ счастію лошади наши были осѣдланы. Кипя досадою, я самъ разбивалъ зеркала и рвалъ книги въ щегольскихъ переплетахъ. Французамъ не пѣняю. Ни при *входѣ*, ни при *выходѣ*, какъ послѣ увидимъ: они ничего у меня не взяли, а отняли у себя, прежнее нравственное владычество въ Москвѣ. Взлетя на коней, мы понеслись въ опворенные сараи за *сѣномъ* и *овсомъ*. Въ одинъ день, въ одинъ часъ, въ блестящихъ, пышныхъ нашихъ столицахъ, съ горделивой чреды прихотливой роскоши, ниспадаютъ до послѣдней ступени первыхъ нуждъ, то есть: до *азбуки* общественнаго быта. Мелькали еще въ нѣкоторыхъ домахъ и модныя зеркала и модныя

мебели, но на нихъ никто не взглядывалъ. Кто шелъ пѣшкомъ, тотъ хватался за *кусокъ хлѣба;* кто скакалъ верхомъ, тотъ нахватывалъ въ торока *сѣна* и *овса.* Въ шумной, въ многолюдной, въ роскошной, въ пресвященной Москвѣ, завелось *кочевье* природныхъ сыновъ степей. Въ это смутное и сумапошное время попался мнѣ съ дарами Священникъ церкви Смоленской Божіей Матери. Я закричалъ: »ступайте! зарывайте скорѣе все, что можно!« Уцвари зарыли и спасли. Съ конныхъ нашимъ запасомъ, то есть: съ *сѣномъ* и *овсомъ*, поскакали мы къ *Благовѣщенію на бережки.* Съ высоты ихъ увидѣли Наполеоновы полки, шедшіе *тремя колоннами. Первая:* перешла Москву рѣку у *Воробьевыхъ горъ. Вторая:* перешедъ ту же рѣку на *Филяхъ*, тянулась въ Тверскую заставу. *Третія* или средняя вступала въ Москву черезъ Драгомиловской мостъ. Обозрѣвъ ходъ непріятеля, и предполагая, что намъ способнѣе будетъ пробираться переулками, я уговорилъ братьевъ моихъ ѣхать на *Пречистинку*, гдѣ неожиданно встрѣтили *Петровскій полкъ*, находившійся въ *аррiергардѣ* и въ которомъ служилъ братъ мой *Григорій*, раненый подъ Бородинымъ. Примкнувъ къ полку, мы безпрепятственно продолжали отсту-

пленіе за Москву. По пятамъ за нами шелъ непріятель, но безъ написка и напора. У домовъ опустѣлыхъ стояли еще дворники. Я кричалъ: »ступайте! уходите! непріятель идетъ.« *Не можемъ уходить*, отвѣчали они: *намъ приказано беречь домы.* У каменнаго моста, со ската Кремлевскаго возвышенія, опрометью бѣжали съ оружіемъ, захваченнымъ въ *Арсеналѣ*, и взрослые и малолѣтные. Духъ Русскій не думалъ, а дѣйствовалъ. Мы тянулись берегомъ Москвы рѣки, мимо Воспитательнаго дома. Не доходя *Яузскаго моста*, я снялъ крестообразную свою шапку; оборотился къ златоглавому Кремлю, осѣнился крестомъ и быстро поворотясь къ Москвѣ рѣкѣ, сорвалъ съ себя саблю и бросая ее въ рѣку, сказалъ: *ступай! погребись на днѣ Москвы рѣки: не доставайся никому!*

КНИГА ТРЕТІЯ.

Москва за Москвою. — Кутузовъ. — Первый вечеръ за оставленною Москвою. — Бивуаки. — Недоумѣнія Наполеона. — Боковое движеніе Кутузова. — Отряды воиновъ — поселянъ. — Пожаръ Московскій. — Различныя мнѣнія о пожарѣ Московскомъ. — Сужденіе Генерала Бутурлина о Графѣ Растопчинѣ. — Коломна. — Неизвѣстность о семействѣ моемъ. — Осень — лѣтняя. — Отряды плѣнныхъ. — Стратегія. — Московскіе выходцы. — Переселеніе Русскихъ въ Россіи. — Рязань. — Касимовъ. — Поѣздка въ Нижній. — Московскіе выходцы въ Нижнемъ. — Питомцы Русской Словесности подъ знаменами славы Отечественной. — Нижній 1612 и 1812 года. — Взглядъ на Смоленскъ въ два двѣнадцатые года: то есть 1612 и 1812. Состояніе Москвы въ Сентябрѣ 1812 года. —

Подвиги воиновъ — поселянъ. — День перваго Октября 1812 года. — Состояніе Французскихъ войскъ въ Москвѣ до Октября 1812 года. — Выходъ Маршала Нея изъ Богородска, Октября перваго. — Того же числа выходъ Французскаго отряда изъ Дмитрова. — Шестыя числа 1812 года.

Москва за Москвою.

Русскіе за Москвою; полки непріятельскіе въ Москвѣ; Наполеонъ передъ Москвою. Кутузовъ за заставою сидѣлъ на дрожкахъ, погруженный въ глубокую думу. Полковникъ *Толь* подъѣзжаетъ къ Русскому Полководцу и докладываетъ, что Французы вошли въ Москву. »Слава Богу, отвѣчаетъ Кутузовъ: »это послѣднее ихъ торжество.» Медленно проходили полки мимо Вождя своего. Какъ перемѣнились лица Русскихъ воиновъ отъ утра до вечера! По утру отуманены были ихъ взоры, но уста безмолвствовали. Вечеромъ гнѣвная досада пылала въ глазахъ ихъ, и изъ устъ исторгались громкіе вопли: *куда насъ ведутъ? Куда онъ насъ завелъ?* Облокотясь правою рукою на колѣно, Кутузовъ

сидѣлъ неподвижно, какъ будто бы ничего не видя, ничего не слыша и соображая повѣшку: *потеря Москвы не есть потеря Отечества!*

Въ верстѣ отъ заставы встрѣтилъ я Якова Ивановича *Десангена*, служившаго при арміи военнымъ чиновникомъ по особеннымъ порученіямъ. Поздоровавшись со мною, онъ сказалъ: »поѣдемъ въ главную квартиру. Тамъ должны быть теперь всѣ усердные сыны Отечества.« — »Не поѣду; отвѣчалъ я: до оставленія Москвы я порывался стать передъ Москвою не на мѣстѣ чиновномъ, но на ряду съ ратниками. Я былъ остановленъ и оставленъ въ Москвѣ: дѣло мое кончилось съ Москвою. А за стѣнами Москвы я безпріютный отецъ безпріютнаго семейства.«

Первый вечеръ за Москвою.

Между тѣмъ угрюмо сгущался сумракъ вечерній надъ осиротѣвшею Москвою; а за нею отъ хода войскъ, отъ столпившихся сонмовъ народа и отъ тѣснившихся пово-

зокъ, пыль вилась столбами и застилала угасавшіе лучи заходящаго солнца надъ Москвою. Внезапно раздался громовой грохотъ и вспыхнуло пламя. То былъ взрывъ подъ *Симоновымъ* барки съ коммиссаріятскими вещами; а пламя неслось опять загорѣвшагося винаго двора за Москвою рѣкою. Быстро оглянулись воины наши на Москву и горестно воскликнули: *горитъ матушка Москва! горитъ!* Объятый тяжкою, гробовою скорбію, я рипулся на землю съ лошади и ручьи горячихъ слезъ мѣшались съ прахомъ и пылью. Приподнимая меня, братъ Федоръ Николаевичъ говорилъ: »вы сами предсказали жребій Москвы; вы ожидали того, что теперь въ глазахъ вашихъ.«—»Я говорилъ о сдачѣ Москвы, отвѣчалъ я: я предвидѣлъ, что ее постигнетъ пожарный жребій. Но я мечталъ, что изъ нее вывезутъ и вѣковую нашу Святыню и вѣковые наши памятники. А если это все истлѣетъ въ пламени, то къ чему будетъ пріютиться мысли и сердцу?«

Биваки за Москвою.

Въ ночь съ 31 Августа на первое Сентября, бивачные огни отсвѣчивались *передъ*

Москвою; а въ ночь втораго Сентября на третіе, они засверкали *за Москвою,* сливаясь съ первымъ отблескомъ зарева пожарнаго. Русскій арріергардъ остановился по Рязанской дорогѣ верстахъ четырехъ отъ заставы. Обыватели втѣснялись въ ряды воиновъ; обозы сталкивались, оттаптувшіеся отряды отъ полковъ, отыскивали полки свои. Я полагалъ, что если бъ въ это расплошное время *Наполеонъ* бросилъ полка три конницы, онъ сильно бы потревожилъ насъ. Но въ *Наполеонѣ* не было уже *Полководца — Бонапарта.* За Драгомиловскою заставою, онъ ждалъ пословъ: и—никто не откликался. Онъ требовалъ къ себѣ и Графа Растопчина и Коменданта и Оберъ-Полицеймейстера: и никто не являлся. Кутузовъ ввелъ его въ Москву и провелъ: то есть обманулъ. А Наполеонъ, затерявшись въ недоумѣніи, въ первыхъ своихъ военныхъ извѣстіяхъ повѣстилъ: что, будто бы Русскіе въ растройствѣ бѣгутъ въ слѣдъ за обозами и сокровищами, по Казанской дорогѣ.« Часовъ до двухъ спалъ я на бивакахъ сномъ крѣпкимъ. На другой день вмѣстѣ съ братьями, пристали мы къ корпусу Генерала *Дохтурова.* Тутъ же былъ и Графъ *Растопчинъ;* но я съ нимъ не видался. Ночью, кажется съ *третьяго* на *чет-*

вертое Сентября, далъ приказъ къ *боковому движенію*. Подполковникъ *Бужинскій*, очень хорошій офицеръ и заступившій мѣсто *Манахтина* при штабѣ *Дохтурова*, сказалъ намъ, что по всѣмъ поименованнымъ въ приказѣ селеніямъ, армія сближается съ Москвою. Множество было предположеній и догадокъ, но никто не попадалъ на настоящую цѣль Кутузова. На другой день около полудня мы оставили армію въ десяти верстахъ отъ *Бронницъ*.

Составленіе отрядовъ воиновъ — поселянъ.

Зная твердо исторію, Наполеонъ долженъ былъ знать, что необычайныя обстоятельства вызываютъ и необычайныя усилія къ защитѣ жизни и родныхъ пепелищъ. Онъ могъ припомнить, что при нашествіи *Ксеркса*, а потомъ *Мардонія*, вызвавъ въ помощь всю природу, Греки превратили въ сторожевыя повѣтки и горы и холмы и буераки и вершины лѣсовъ. Перекликаясь такимъ образомъ посредствомъ предметовъ безгла-

ныхъ, въ одинъ день на двухъ отдаленныхъ мѣстахъ, при *Платовѣ* и *Микалѣ*, они поразили и огромили Персовъ. Появились и у насъ въ годину необычайную отряды посланъ съ своими вѣстовыми и условными знаками, съ своею *народною тактикою*, которая часто разстроиваетъ ученую тактику. Быстро разлетѣвшееся воззваніе на *три горы*, скликивало и соединяло Московскія *дружины — поселянъ*.

Пожаръ Московскій.

Между тѣмъ, когда *Мюратъ* ощупью отыскивалъ Русское войско: исполинская Москва въ обширномъ объемѣ своемъ тонула въ морѣ огненномъ.

»Палаты трещатъ;
Повозки спѣшатъ
Осями толкаясь....
Народы толпятся;
Все бѣжитъ гурьбой;
Улицы струятся
Огненной рѣкой«

Это описаніе заимствовалъ я изъ списковъ, изданныхъ въ Парижѣ 1832 года.

Вотъ подлинникъ.

»Les grands palais croulent;
Mille chariots qui roulent
Heurtent leur essieu;
Et la foule accrue
Trouve en chaque rue
Un fleuve de feu.«

Бланшаръ, сочинитель спиховъ, назвалъ ихъ: *огнемъ небеснымъ*. Кому, чѣмъ и какъ было гасить въ Москвѣ *огонь небесный?* Кто жегъ Москву? Никто. Въ *правдѣ* Графа *Растопчина*, напечатанной имъ на Французскомъ языкѣ въ Парижѣ; въ этой *правдѣ* все *неправда*. Полагаютъ, что онъ похитилъ у себя лучшую славу, опрекшись отъ славы зажигательства Москвы. Если можно угадывать неисповѣдимыя судьбы Провидѣнія, то эта слава, безъ всякаго исключенія, принадлежитъ Москвѣ, *страдавшей* и *отстрадавшей* и за Россію и за Европу. Какъ владѣлецъ села *Воронова*, Графъ могъ его сжечъ: а при Наполеонѣ Москва отдана была на произволъ Провидѣнія. Въ ней не было ни начальства, ни подчиненныхъ. Но надъ нею и въ ней ходилъ *судъ Божій*. Тутъ нѣтъ ни Русскихъ, ни

Французовъ: шутъ *огнь небесный.* Горѣли палаты, гдѣ прежде кипѣли радости земныя, сіявшія и многихъ и горькихъ слезъ хижинамъ. Клубились рѣки огненныя по цѣлымъ улицамъ, гдѣ рыскало тщеславіе человѣческое на быстрыхъ колесницахъ, также увлекавшихъ съ собою и за собою бытъ человѣчества. Горѣли наши неправды; наши моды, наши пышности, наши происки и подыски: все это горѣло, но — догорѣло ль? А отъ чего за два столѣтія, по сіе 1612 года, въ землѣ Русской все стремилось къ Москвѣ и въ Москву; и отъ чего 1812 года все выселялось изъ Москвы и за Москву? Отъ чего 1612 года заключали спасеніе Россіи въ стѣнахъ Москвы и отъ чего о той же Москвѣ 1812 года торжественно повѣщено было, что *сдача Москвы не есть потеря Отечества?* Это рѣшитъ исторія, когда созрѣютъ событія и когда она вызоветъ перо историка. Но я замѣчу только, что *сдачи* Москвы не было. По правамъ народнымъ, *сдача* происходитъ на положительныхъ и опредѣлительныхъ взаимныхъ условіяхъ. *Милорадовичъ* просто сказалъ Начальнику авангарда Французовъ, что если онъ завяжетъ при переходѣ нашихъ войскъ на улицахъ Московскихъ бой: то онъ зажжетъ Москву. Это угроза, а не

условіе. И такъ, еще повторяю: Москва была не *сдана* Наполеону, а *отдана* на судъ Божій.

Особенное замѣчаніе.

Генералъ *Бутурлинъ* въ запискахъ или въ Исторіи своей о 1812 годѣ, увѣнчевалъ Графа Растопчина славою Римскаго героя, отдавшаго Москву въ жертву пламени пожарнаго. Это было сказано въ первомъ изданіи; а во второмъ, Сочинитель объявляетъ, что онъ давалъ читать рукопись свою Графу и что Графъ не предъявилъ никакого возраженія касательно пожара Московскаго. »Но, продолжаетъ Сочинитель: увидя *Правду* Графа *Растопчина*, напечатанную на Французскомъ языкѣ въ бытность его въ Парижѣ: я предположилъ, что при немъ былъ какой нибудь человѣкъ рѣшительный, совершившій великій подвигъ пожара Московскаго.«

Это смыслъ, а не переводъ. Подлинника у меня нѣтъ.

1835 года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ я изъ Смоленска въ Москву и

посѣтилъ одного изъ нашихъ Лейбгусаровъ, пріятеля моего. Увидя меня, онъ вскричалъ: »отыскалъ, отыскалъ того, кто сжегъ Москву: это вы. Вы были у Графа Растопчина при особенныхъ порученіяхъ и я передамъ потомству въ запискахъ моихъ, что пожаръ Московскій ваше дѣло.« »При особенныхъ порученіяхъ 1812 года я былъ; духу народному давалъ направленіе: но Москвы не жегъ и не сжегъ. Я говорилъ, что если надъ Москвою ударитъ роковой часъ, но подобно Аѳинянамъ, обрекшимъ пламени Аѳины при нашествіи *Ксеркса*, и мы, сыны Россіи, не усумнимся подвергнуть Москву такому же жребію. Снова и теперь повторяю: *Москву жегъ огонь небесный.* Провидѣніе окинуло въ очахъ *Наполеона* гробовою завѣсою и прошедшее и настоящее и будущее. Онъ дѣйствовалъ отдѣльно отъ самаго себя, отдѣльно отъ войска своего, отдѣльно отъ политическихъ событій.

Отъ Смоленска до Москвы, *Наполеонъ* шелъ чрезъ огненное море; какъ же было ему мечтать, что въ огненномъ потопѣ пожара Московскаго онъ выпудитъ миръ? Война 1812 года, война *Скиѳская* все отдавала въ жертву разрушенія. Но, еще повторяю: въ Россіи *Наполеонъ* запершался въ *Наполеонъ.*

Все шло не поиемъ и мимо его. А потому солгалъ бы Графъ Растопчинъ, если бъ на свой отчетъ взялъ пожаръ Московскій; несправедливо укорять въ томъ и *Наполеона*. Москва, брошенная круглою сиротою, на грашномъ распутьѣ; Москва горѣла и сгорѣла. — »Потомство не станетъ изъ пучины пожара Московскаго выкликивать *имена*. Взглянувъ на объемъ 1812 года оно скажетъ: »Москва горѣла и должна была сгорѣть. Трубы были вывезены; огни *бивачные* пылали по улицамъ; гасить ихъ ни кто не подрялался. Въ стѣнахъ Москвы воевали и голодъ и спрахъ и огонь и пожаръ.«

Коломна.

Ночью подъ обширнымъ разливомъ пламени пожара Московскаго; днемъ среди общаго смятенія, продолжали мы путь свой и пріѣхали въ *Коломну* шестаго Сентября по утру, гдѣ было семейство мое у двоюроднаго брата моего В: А: Глинки, начальника артиллерійской роты. Весь городъ былъ въ пре-

вогѣ опъ молвы, будпо бы къ нему приближался непріятель. Казалось, что и камни улицъ сбирались бѣжать. Обгоняли, толкали другъ друга. Спрашиваемъ: гдѣ артиллерійская рота нашего родственника? Ни кто не останавливается; ни кто не слушаетъ. У всѣхъ одна мысль: *спасаться* и *спасать жизнь*. Печально скитаемся изъ улицы въ улицу; знаю, что мое семейство тутъ и не знаю, какъ найти? Между тѣмъ загноившаяся рана брата моего Григорія Николаевича, требовала пособія. Къ счастію на одномъ перекресткѣ встрѣчаемъ лѣкаря. Идемъ снова развѣдывать, гдѣ рота и гдѣ мое семейство? Слышимъ, что какая-то артиллерійская рота будетъ переправляться черезъ Оку. Ждемъ; стоимъ прикованными къ берегу. Проходитъ полдень: нѣтъ никого. Наступаетъ сумракъ вечерній; нѣтъ никого. Гаснетъ въ волнахъ Оки послѣдній лучь заходящаго солнца: нѣтъ никого. Изъ Москвы выѣхалъ я съ скорбію объ Отечествѣ; изъ Коломны выѣхалъ съ скорбію о семействѣ; выѣхалъ *отцемъ — искателемъ семейства*. И сколько отцевъ и матерей съ горькими слезами отыскивали иногда малютокъ своихъ, затерявшихся между безчисленными рядами сотмовъ народа и повозокъ обозныхъ! Сколько

раздавалось жалобныхъ возгласовъ: *гдѣ ты? гдѣ онъ? мы здѣсь!* За Окою встрѣтила насъ луна въ полномъ блескѣ. Но и картина лунной ночи не веселила меня. Видя чрезмѣрную мою грусть, братъ мой Федоръ Николаевичъ вызывался съѣздить въ Коломну. »Не ѣзди, братецъ! сказалъ я. Умнѣе Провидѣнія не будемъ: отдаюсь на волю его!« Всю почти ночь не смыкалъ я заплаканныхъ глазъ: а если на одинъ мигъ забывался, то, казалось, вижу милыхъ моихъ: просыпался и — ихъ не было!

Осень — лѣтняя. —
Отряды плѣнныхъ.

Подъ шумомъ бури грознаго нашествія, осенняя природа отсвѣчивалась ясными лѣтними днями. Извѣстія *Наполеона* не обманывали Европу, что съ нимъ: »вступила въ Россію весна Италіи.» Но человѣчество знаетъ, какъ дорого заплатилъ онъ за *мечты весны Италіянской!* Съ береговъ Оки раннею зарею пустились мы по *Рязанской* дорогѣ сами не вѣдая и куда и зачѣмъ и гдѣ пріютимся? Да и что было придумывать въ быстромъ

разгромѣ общественнаго нашего быта? Вихрь обстоятельствъ уничтожилъ переписку и возможность предпринимать, что либо съ цѣлью опредѣленною. Давно сказано что жизнь есть *странствованіе;* а тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года мы узнали, что жизнь можетъ быть *кочевьемъ* и тамъ, гдѣ вѣки утвердили заселеніе и поселеніе. Тянувшіеся отряды плѣнныхъ, хотя и въ маломъ объемѣ, но разительно представляли *кочевье* почти всѣхъ народовъ Европейскихъ. Тутъ были и *Французы* и *Италіянцы* и *Германцы* и *Испанцы* и *Португальцы* и *Голландцы* и всѣ отрывки *двадцати народовъ.* Мы встрѣтили одинъ изъ отрядовъ, провожаемый нашими ратниками. Подъѣхавъ къ плѣннымъ, спрашиваемъ по Французски: всѣмъ ли они довольны? Французскій плѣнный отвѣчалъ: »насъ нигдѣ не обижали, но мы съ трудомъ находимъ пищу.« »Что дѣлать?« отвѣчалъ я: и мы Русскіе въ Отечествѣ своемъ съ трудомъ добываемъ кусокъ хлѣба. Нашествіе вашего Императора все верьхъ дномъ перевернуло. У насъ теперь у самихъ только два хлѣба и — мы дорого за нихъ заплатили. Но вы братья намъ и по человѣчеству, и по Христіянству; а потому мы дѣлимся съ вами и по братски и по Христіянски.« Мы

отдали одинъ хлѣбъ и у плѣнныхъ навернулись на глазахъ слезы. »Насъ обманули!« вскрикнули нѣсколько голосовъ. »Насъ обманули! Намъ говорили, что Русскіе варвары, волки, медвѣди. За чѣмъ насъ привели сюда?« — »Можетъ быть, отвѣчалъ я: Богъ это сдѣлалъ для того, чтобы вы увидѣли, что и мы люди; что и мы умѣемъ любить людей и уважать человѣчество.« Чудное дѣло! все это доводилось видѣть и говорить въ *девятнадцатомъ столѣтіи.*

Мы жалѣли, мы и теперь скорбимъ о жребіи злополучныхъ жертвъ войны. Но гибельно было прохожденіе разноплеменныхъ отрядовъ и для нихъ и для насъ. Вмѣстѣ съ ними вступили болѣзни злѣйшія и распространились по слѣдамъ ихъ. Что же бы было съ Россіею, снова повторяю: если бъ отклоненіемъ войскъ къ полуденнымъ рубежамъ нашимъ, предположили защищать и заслонять Москву? Одинъ изъ добрыхъ моихъ пріятелей напечаталъ, что я несправедливо говорю: будто бы *Стратегія* есть и искусство дѣлать основное или общее предначертаніе войны и искусство дѣйствовать на души и умы жителей той земли, куда вносимъ оружіе. Но я и теперь тоже утверждаю: ибо надобно знать изъ вѣковыхъ опы-

повъ: *куда идешь? за кѣмъ идешь? съ кѣмъ будешь имѣть дѣло? и какъ и съ чѣмъ выйдешь?* Надобно все это сообразить не только на основаніи *штыковъ* и *пушекъ*, но и на основаніи нравственномъ. »Безъ свѣтильника исторіи, сказалъ *Суворовъ:* тактика потемкина Великій тактикъ *Наполеонъ* это зналъ, но Провидѣніе ввело его въ тѣ потемки, которыя не освѣтились даже и пожаромъ Московскимъ. Отдадимъ справедливость его полководцамъ: они не льстили ему. Князь *Понятовскій* предостерегалъ его въ Парижѣ; а другіе предостерегали его и въ Витебскѣ и въ Смоленскѣ. Но мысль о Москвѣ обхватила Наполеона бурнымъ вихремъ и вринула его въ стѣны Москвы. Война *нашествія*, не есть война *обыкновенная*. Подобно скалѣ гранитной, Москва противупоставлена была *нашествію* и оно, приразясь къ ней, раздробилось и обезсилѣло. Тутъ дымомъ разсѣялись и всѣ замыслы *стратегическіе* и всѣ изворотны *тактическіе*.

Московскіе выходцы.

Есть пословица: »кто на морѣ не бывалъ, тотъ не знаетъ, какъ молятся Богу.«

Тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года мы испытали, что: »кто не видалъ горя Московскаго, тотъ и не испытадъ, какъ радостно встрѣтиться съ Москвичами!« Въ *Зарайскѣ*, между прочими Московскими выходцами, встрѣтилъ я знакомца моего *Серапонтьева*, старца маститаго и страстнаго любителя и собирателя Русской печатной и письменной старины. Летали вопросы за вопросами. Казалось, будто бы мы годы не видались; а прошло только нѣсколько дней! Но въ эти *дни* Москва отдана: Наполеонъ въ нее вошелъ и Москва загорѣлась. Такъ разсуждали мы и почтенный старецъ въ доброе напутствіе благословилъ меня старинными *святцами*.

Народное переселеніе.

Кто видѣлъ переправы черезъ рѣки тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года, тотъ видѣлъ переселеніе *народа* и *народовъ*. Отъ безчисленнаго столпленія повозокъ, каретъ, колясокъ, телегъ, кибитокъ, дрожекъ: иногда дожидались переправы по двое сутокъ и болѣе. Днемъ на простраиствѣ нѣсколькихъ

верстъ пылали прибрежные огни для приготовленія пищи; а ночью для освѣщенія. Это были: *переселенные биваки.* Тутъ дружески сходились и наши раненые и раненые двадцати народовъ; тутъ были колыбели младенцевъ; тутъ раздавались вопли рожениць и пѣніе погребальное. Тутъ въ одинъ сутки проявлялись всѣ переходы жизненскіе, кромѣ хожденія къ олтарямъ брачнымъ.

Къ счастію выходцевъ и переселенцевъ, осень лелеила насъ и роскошью лѣта и ясностію Майской весны. Три времени года сливались въ одно время. Проѣзжая зеленѣющіяся поля *Рязанскія;* видя въ лѣтнемъ блескѣ рощи и дубравы, казалось, что природа перемѣнила ходъ свой. Но подъ личиною запоздалаго блеска, какія грозныя таились бури!

Путевыя мечты.

Доколѣ скитаемся на землѣ до завѣтной могилы, дотолѣ для насъ странниковъ, различныхъ разрядовъ, *настоящее* промелькиваетъ быстрымъ оплетомъ, а мысль залетаетъ

въ нно *будущее*, которое едва ли увидимъ. »Nous ne vivons jamais, nous espérons de vivre:« сказалъ *Паскаль* и повторилъ *Вольтеръ*.

»Живя, мы не живемъ; надеждѣ жизнь ввѣряемъ.«

Продолжая наше странствіе верьхомъ и любуясь природою, мы сходили съ лошадей и ведя ихъ подъ повода по опушкѣ рощей и дубравъ, разсуждали и мечтали о будущемъ жребіи Отечества: »Если, сверьхъ чаянія, говорили мы: »Наполеонъ остановится зимовать въ Москвѣ; надобно будетъ броситься въ лѣса Смоленскіе; собрать новыя дружины изъ крестьянъ и составить такое же лѣсное ополченіе и въ сопредѣльныхъ Губерніяхъ. Безоборонною сдачею Москвы, мы доказали Европѣ, что не приковываемъ независимости Отечества ни къ улицамъ городовъ, ни къ стѣнамъ столицъ. А потому лѣса должны быть жилищемъ нашимъ, до вытѣсненія завоевателя изъ земли Русской. Мы, можетъ быть, одичаемъ; но когда ударитъ часъ избавленія Отечества, мы выйдемъ изъ глубины лѣсовъ съ освѣженными, съ обновленными душами. Онѣ умирали; онѣ исчезали въ вихрѣ, такъ называемаго, *большаго свѣта*. Въ общемъ круженіи забывали и жизнь лич-

ную и жизнь Отечества. Странное дѣло! Добрый *Жанъ - Жакъ - Руссо* увѣрялъ, что когда Европа и Россія изнемогутъ подъ бременемъ роскоши, тогда полудикія племена горныя и степныя, нагрянутъ на Россію и на Европу и повергнутъ ихъ въ оковы свои. Но, чтобы онъ сказалъ, если бъ при жизни его выхлынуло нашествіе изъ нѣдръ образованной и роскошной Европы?... Нашъ вѣкъ, вмѣстивший въ себя нѣсколько вѣковъ: есть повѣрка сполѣзній прошедшихъ и указатель на будущее. Гордыня и тщеславіе все перепачкали, все исказили. Нѣтъ задушевнаго быта человѣческаго ни въ Россіи, ни въ Европѣ. Но необычайныя событія производятъ и необычайныя преобразованія общественныя. На этомъ основаніи мы предполагали:

Во-первыхъ: что сближеніе дворянъ съ крестьянами къ взаимной оборонѣ Отечества, сблизитъ ихъ и на поприщѣ жизни нравственной и что, не посвящая ихъ въ философы, они, покрайнѣй мѣрѣ, уступятъ имъ чреду людей.

Во-вторыхъ: мы думали, что владѣльцы тысячей душъ, брося прихоти моды столичныхъ и городскихъ, заживутъ въ помѣстьяхъ своихъ, чтобы опять *различныхъ*

управленій (*), не гибли имущества и не спрадали наши почтенные питатели рода человѣческаго и Отечества; то есть: земледѣльцы.

Наконецъ, мы воображали, что уничтоженіе всепожирающихъ модъ и перемѣна безжизненнаго воспитанія, сродятъ души всѣхъ сословій и вдохнутъ въ нихъ новое бытіе.«

Утопія! утопія! мечта! мечта! Но Суворовъ нашъ и въ славѣ своей и подъ сѣнями крѣпостей и въ раздумьяхъ о славѣ, по собственному признанію, былъ: *въ непрестанной мечтѣ!* А мечтѣ и мечтамъ еще болѣе разгула подъ открытымъ небомъ и въ виду природы, цвѣтущей безъ всякой примѣси дѣлъ человѣческихъ.

Рязань.

Но пріѣздѣ въ *Рязань*, застали мы намъ нѣсколько артиллерійскихъ ротъ, отправленныхъ, какъ мы видѣли, до сраженія Бородин-

(*) Слова изъ собственноручныхъ записокъ Князя Юрія Владиміровича *Долгорукова.*

скаго. Изъ всѣхъ роскошей жизни вещественной, я привыкъ къ ежедневной перемѣнѣ бѣлья. А потому тяжело мнѣ было мчаться верьхомъ отъ Москвы до Рязани въ одной, полуистлѣвшей рубашкѣ. Въ Рязани заплатилъ я три рубли за *ратническую рубашку* и почиталъ это драгоцѣнною находкою. На дорогѣ къ Рязани встрѣтилъ я покойнаго Ф: Ф: *Кузмина*, извѣстнаго математическими свѣденіями и учителя *Рахманова*, издателя *Военнаго журнала*, убитаго подъ *Лейпцигомъ*. Съ нимъ ѣхалъ пріятель его Н: А: *Двигубскій*, также и Математикъ и Физикъ и Естествоиспытатель. Оба они признались мнѣ, что запаслись кучею *романовъ*, чтобы чѣмъ нибудь разсѣивать горе и кручину. Читали мы въ печатныхъ запискахъ, что и *Кутузовъ* чтеніемъ *Жанлисовыхъ* романовъ разсѣивалъ глубокую свою думу подъ *Тарутинымъ*, откуда рыцарскимъ Французскимъ слогомъ писалъ къ супругѣ своей: »фортуна — женщина утомилась приголубливать угрюмаго Наполеона; она оттолкнула его и подала руку мнѣ старику, присяжному обожателю прекраснаго пола.»

Въ это необычайное время историческихъ событій, и живые *романы* странствовали и бродили, пускаясь на произволъ судьбы

и куда глаза глядятъ. Изъ *Рязани* два брата мои *Федоръ* и *Григорій*, отправились къ арміи, а я остался, какъ будто бы въ пустынѣ.

Касимовъ. Пожертвованія Россіи.

До входа непріятеля въ Москву разстался я съ семействомъ; за Москвою потерялъ его изъ виду; изъ Рязани выѣхалъ *странникомъ — сиротою.* Подъ *Касимовымъ* встрѣтился я съ тогдашнимъ Московскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ Н: В: *Обресковымъ.* Къ нему и дорогою пріѣзжали изъ Московскихъ Уѣздовъ чиновники для принятія наставленій, касательно рекрутскаго набора. Въ одно время было и *ополченіе* и *наборъ рекрутскій*, и необыкновенныя поставки для арміи или *реквизиція.* Въ одно время дѣйствовало *войско;* сражались *дружины поселянъ* и составлялась *резервная* или *запасная армія*, служившая неистощимымъ рассадникомъ въ войну заграничную. Исполинская Россія обладала и исполинскими средствами. Скажу мимоходомъ, что Н: В:

Обресковъ чрезвычайно былъ рѣчистъ и въ кругу прекраснаго пола остроумно витійствовалъ о прелестяхъ иной лѣни, которую Епикуріецъ *Монтаній*, называлъ: *убаюкательною подушкою умной головы*. Кажется однако, что проповѣдникъ лѣни, не былъ иногда лѣнивъ. Въ Касимовѣ засталъ я нѣсколько раненыхъ нашихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и Полковника Букинскаго, корпуснаго моего сопитомца. Онъ вышелъ въ свѣтъ почти во все безграмотнымъ, а шутъ удивилъ меня и знаніемъ языковъ и другими свѣдѣніями. *Говорящая корпусная садовая стѣна*, на которой *Графъ Ангальтъ* начертилъ всю область мысли человѣческой, способствовала, при удобномъ случаѣ, къ быстрому развитію понятія, незагнаннаго школьными указками. Соповарницъ мой былъ взятъ въ плѣнъ Французами 1799 года подъ *Цюрихомъ* въ тотъ почти самый часъ, когда въ стѣнахъ города смертельно былъ раненъ *Лафатеръ*, пламенный другъ человѣчества и великій *романтикъ* въ духовномъ полетѣ. Пробывъ во Франціи около года, *Букинскій* возвратился оттуда съ обильнымъ запасомъ просвѣщенія.

Поѣздка въ Нижній.

Въ сиротствѣ странническомъ грусть о семействѣ еще болѣе западала въ душу мою. Предполагая, что найду его въ *Нижнемъ*, куда переселился почтенный домъ *Архаровыхъ*, близкій намъ по воспитанію въ немъ жены моей: я рѣшился туда ѣхать. Но съ чѣмъ? На пути денежномъ я, въ полномъ смыслѣ: *дожилъ до чернаго дня.* И такъ я принесъ чистую исповѣдь въ чахоточномъ бытіи моего кармана Николаю Васильевичу *Обрескову*. Его уже нѣтъ въ живыхъ, но я живо помню, какою готовою рукою подписалъ онъ мнѣ безпошлинную подорожную и далъ двадцать пять рублей на дорогу. Спѣшу въ Нижній: но чуть было не сполкнулся съ новою бѣдою на впорой станціи. Перемѣняя лошадей, я забылъ въ избѣ мѣшокъ съ деньгами. Мы проскакали уже съ полверсты, вдругъ слышу голосъ: *постой! постой! баринъ!* Останавливаемся и крестьянинъ, гнавшійся за мною верьхомъ, подалъ мнѣ мѣшокъ, который былъ для меня тогда дороже *Язонова руна золотаго.* Возбуждайте и пробуждайте нравственное чувство; природа засѣяла въ немъ сѣмена свои.

Нижній.

Завидя вдали *Нижній* съ возвышенія, мнѣ показалось, что онъ тонетъ въ лмѣ. Тогда носился слухъ, будто бы онъ замѣнитъ сгорѣвшую Москву. Отъ злой ли гробовой мысли или отъ горя сердечнаго, не знаю? Но знаю только то, что видъ Нижняго не поразилъ меня. Одинъ *Мининъ* завѣтнымъ голосомъ откликался въ душѣ. Въ стѣнахъ города спѣшу въ гостепріимный домъ *Архаровыхъ:* увы! о семейственѣ моемъ не слышу никакой вѣсти и не было никакой вѣсти.

Московскіе выходцы въ Нижнемъ.

Казалось, что все поприще Московской Словесности переселилось въ *Нижній.* Тутъ былъ нашъ Исторіографъ Н: М: *Карамзинъ;* тутъ былъ любитель Русскаго и Французскаго парнаса В: Л: *Пушкинъ;* тутъ былъ А: В: *Малиновскій,* начальникъ Московскаго Архива; тутъ былъ и Константинъ Федоровичъ *Батюшковъ,* переходившій попеременно отъ

Граціи къ громамъ *Беллоны* и *Марса*. Тогда еще блисталъ онъ и весенпею жизнію и прелестію ума. Узнавъ, что я пріѣхалъ въ Нижній съ одною рубашкою, онъ отъ безыменнаго прислалъ мнѣ различнаго бѣлья. Онъ теперь объ этомъ не припомнитъ, переживъ и себя и очаровательныя думы свои. Я гдѣ то читалъ, что волшебный воздухъ Италіи, дѣйствуетъ на мозгъ не привычныхъ. Такъ ли это или нѣтъ: но поэтъ нашъ изъ подъ яснаго небосклона Италіи, возвратился съ унылою душою. *Паскалю*, испуганному паденіемъ кареты, почти непрестанно мечталась отверстая бездна; но онъ могъ мыслить и передалъ потомству мысли, съ которыми *Вольтеръ* и *Кондорсетъ* сочетали замѣчанія свои. Батюшковъ злополучнѣе *Паскаля*. Ему кажется, что бездна могильная поглотила всѣхъ друзей его и что мимо глазъ его идетъ новое поколѣніе людей, чуждыхъ душѣ его и сердцу. Умеретъ въ душевной жизнѣ и живетъ въ пустынномъ сиротствѣ: мечта горестная и убійственная! Но Батюшковъ живетъ въ отверзтіяхъ, дышущихъ весеннимъ бытіемъ ума и чувствительности. Онъ очень извинялся передо мною въ Нижнемъ, въ томъ, что въ рукописныхъ своихъ стихахъ подшучивалъ въ Москвѣ надъ моимъ

Русскимъ Вѣстникомъ. »Обстоятельства, сказалъ онъ: оправдали васъ и ваше изданіе.« Батюшковъ, А: О: Малиновскій и другіе, вызывали меня издавать ежедневные листки; я отказался. Тоска сердечная отбивала у меня охоту отъ перьевъ и чернилъ.

Поэта нашего *Жуковскаго* не было въ Нижнемъ. Съ пламенною душою поспѣшилъ онъ къ развѣвающимся знаменамъ Русскимъ. Пареніе духа его усиливалось полетомъ необычайныхъ событій. Онъ видѣлъ сподвижниковъ новой, небывалой дотолѣ войны на лицѣ земли. Онъ вникъ въ душу каждаго изъ нихъ и въ пѣсняхъ своихъ передалъ имъ блескъ ихъ доблестей; въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя сливались съ громами пушечными. Пылкая душа окрилялась, видя сотоварищей юныхъ дней своихъ, летѣвшихъ на смерть или къ побѣдѣ. Мы не завидуемъ заграничнымъ поэтамъ, вступившимъ въ ряды новоополченныхъ воиновъ. Палъ и у насъ на лаврахъ юный *Кайсаровъ*, обмѣнявшій *каѳедру* Русской Словесности Дерптскаго Университета на шумъ грозныхъ битвъ. *Батюшковъ*, питомецъ сердца и Грацій, былъ подъ градомъ пуль, картечей; былъ раненъ и снова готовился подъ знамена ратныя. Князь П: А: *Вяземскій* шелъ по слѣдамъ своихъ друзей,

и былъ на биткѣ *Бородинской.* Тогда самоопрѣченіе было: *живою поэзіею души.*

Предположенія и вѣсти.

Предполагали, что въ Нижнемъ устроится главное ополченіе и двинется къ Москвѣ *Мининскими путями.* Предполагали также, что нашъ Исторіографъ будетъ сопровождать его. Въ тоже время изъ писемъ Графа *Растопчина* видно было, что онъ негодовалъ на Кутузова. Увѣряли, что нѣкоторые Генералы подавали голосъ, чтобы пригласить на совѣщаніе о Москвѣ Графа *Растопчина; Кутузовъ* не согласился. Какъ бы то ни было: по Графу нечего было дѣлать на совѣщаніи и не для чего было обнажать шпаги. По Уставу дѣйствующей арміи, изданному 1811 года, Главнокомандующій войскъ при первомъ шагѣ въ какую бы то ни было Губернію, уполномочивался и во всѣхъ внутреннихъ распоряженіяхъ того мѣста. Изъ этой подвѣдомственности не былъ

изъятъ и Графъ Растопчинъ. А потому, какъ мы видѣли, мимо его выпровожденъ изъ Москвы пожарный снарядъ. Есть также печатное извѣстіе, что партизанъ *Фигнеръ*, по сдачѣ Москвы, оставался въ Москвѣ; что у него на квартирѣ было множество фейерверочныхъ припасовъ и что, когда онъ явился въ станъ *Тарутинскій*, но Кутузовъ въ виду арміи обнималъ таинственнаго выходца изъ сожженной Москвы. Въ Нижнемъ также разбѣгалось по рукамъ Французское письмо, упомянутое мною. Въ Нижній донеслась и молва, что Русское *Тарутино* превратилось въ *каламбуръ* Французскій. Въ уста Наполеона влагали слѣдующее признаніе Кутузову: Ta routine m'a déroute; то есть: *твой навыкъ сбилъ меня съ толку*. Думало ли когда нибудь Русское Тарутино, что по выговору своему, перейдетъ въ замысловатый Французскій каламбуръ? Но — чего на свѣтѣ не бываетъ.

Смоленскъ въ два двѣнадцатыя года.

Переселеніе Русскихъ въ Россіи часъ отъ часу болѣе умножалось и въ это переселеніе

встрѣчали и родныхъ и близкихъ сердцу, которыхъ въ обширной Россіи не видали по нѣскольку лѣтъ. Въ обстоятельствахъ необычайныхъ пробуждаются въ душѣ и необычайные порывы: сердце, какъ будто бы спитъ въ расчисленномъ ходѣ обыкновеннаго времени. Но за то въ одинъ день душевной жизни, чувствуемъ то, чего не доставляютъ цѣлые годы, пролетающіе мимо души. Мы это испытали тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года. Промежутки десятковъ лѣтъ исчезали при встрѣчахъ неожиданныхъ, внезапныхъ. А большая часть такихъ встрѣчъ происходила между выходцами изъ двухъ великихъ жертвъ, палѣвшихъ въ прахѣ пожарномъ: между выходцами изъ *Смоленска* и *Москвы*.

По опредѣленію судебъ неисповѣдимаго Провидѣнія, на Смоленскъ налегла первая туча новаго злоключенія въ первый *двѣнадцатый* годъ, то есть 1612 года; и отъ Смоленска засвѣтилась первая заря избавленія Отечества, отражавшая лучи свои на стогны Московскія, а оттуда на стогны Нижегородскіе. Изъ стѣнъ Смоленска въ первый *двѣнадцатый* годъ изліялъ первый призывный голосъ *братій* Смоленскихъ къ *братьямъ* Московскимъ и къ *братьямъ* другихъ городовъ. Отъ-

савъ бѣдственный свой жребій, Смоленскіе жители въ заключеніи грамоты своей въ Москву, говорили: »Для Бога, положите крѣпкій совѣтъ межъ себя; пошлите въ Новгородъ и на Вологду и въ Нижній нашу грамоту и свой совѣтъ къ намъ пишите: стоимъ *всею* землею за вѣру праотцевъ, покамѣсть еще свободны, а не въ работѣ и въ плѣнъ не разведены.«

Въ первый *двѣнадцатый* годъ, Смоленскъ, первый предложивъ союзъ общаго брапскаго союза; первый также отправилъ и дружины свои подъ хоругви Отечества. Прибытіе *дружинъ Смоленскихъ* въ Нижній-Новгородъ и самоотрѣченіе возбужденное въ Нижегородцахъ голосомъ Космы *Минина*, вызвали Князя *Пожарскаго* на новое поприще битвъ и едва онъ двинулся на подвигъ спасенія земли Русской, новыя дружины изъ предѣловъ Смоленскихъ; дружины *Вяземскія* и *Дорогобужскія* вспрѣнили его и присоединились къ общему ополченію.

Пролетѣли ровно два столѣтія и Смоленскъ во второй *двѣнадцатый* годъ, по осени 1812 года; первый вывелъ дружины свои подъ хоругви ополченія и въ стѣнахъ его раздался первый голосъ самоотрѣченія. Сила слова роднаго, въ обыкновенное время, подобно чув-

сивамъ сердечнымъ, какъ будто бы коснѣешь и запереваешся въ рѣчахъ, произносимыхъ или праздным досугомъ или бросаемыхъ мимоходомъ. Но голосъ быстрою молніею излетаетъ изъ глубины души въ тѣ торжественные часы, когда душа вызываетъ души на жертвы за Отечество.

При составленіи дружинъ Смоленскаго ополченія, находился Генералъ-Маіоръ Владиміръ Ивановичъ *Оленинъ*. Его уже нѣтъ въ живыхъ; но отечественный его духъ и дружба его ко мнѣ, живою еще памятью откликаются въ сердцѣ моемъ. 1805 года онъ служилъ въ гусарахъ. Въ жару битвы *Аустерлицкой* эскадрону его данъ былъ приказъ сбить съ одной высоты Французовъ. Быстро понесся онъ туда; взлетѣлъ и попалъ подъ сабли, отовсюда блеснувшія надъ нимъ. Черепъ его, въ полномъ смыслѣ, искрошенъ былъ. Кровь рвалась изъ ранъ кипячимъ ручьемъ. Французскій офицеръ, ухватя лошадь его за узду, кричалъ: »brave officier, rendez votre sabre!«—»Prenez ma vie!« возразилъ онъ и безъ чувствъ упалъ на землю. *Оленинъ* взятъ былъ въ плѣнъ и разсказывалъ мнѣ, что искуснѣйшіе Французскіе врачи, какъ будто бы порывались соревнованіемъ къ исцѣленію ранъ его, располосившихъ го-

лову въ различныхъ направленіяхъ отъ одного края до другаго. Съ неизгладимыми знаками ранъ своихъ, *Оленинъ* сошелъ и въ могилу; а вотъ сущность рѣчи его, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и произнесенной въ совѣщаніи дворянъ Смоленскихъ, когда Александръ Первый не усумнился возвѣстить Отечеству объ общей опасности Отечества.

М: Г:

»Безсмертный залогъ любви къ намъ Государя, — довѣренность Его къ намъ. Мы внали голосу Его, какъ глаголу небеснаго Провидѣнія, которое въ настоящемъ видѣ представляетъ очамъ народа то, что служитъ къ сохраненію жизни Отечества.

»Друзья и сотоварищи! Мы уже награждены; и, скажу рѣшительно, мы награждены даже и свыше пламеннаго нашего рвенія: намъ далъ Государь возможность первымъ явить Ему наше самоотреченіе и обречь жизнь за спасеніе Отечества. Многіе изъ насъ были на полѣ битвъ: мы знаемъ съ кѣмъ сражается наше войско и съ кѣмъ сразятся наши дружины. Непріятель отважень, пылокъ; готовъ на смерть для славы и побѣдъ. Но мы помнимъ завѣтное слово Суворова и слабой

мой голосъ, повторитъ его откликъ: *легкія побѣды не льстятъ сердцу Русскому!* Трудъ нашъ подвигъ. Но намъ предъ лицемъ Европы и предъ лицемъ цѣлаго свѣта предстоятъ двѣ побѣды: побѣда мужества — надъ врагомъ — сопротивникомъ; и побѣда великодушія, надъ врагомъ побѣжденнымъ!«

Въ сожженномъ Смоленскѣ, занятомъ полками Наполеона, разсыпѣлены были *Шубинъ*, гражданскій чиновникъ и полковникъ *Енгельгардъ*. Первый въ Духовщинскомъ Уѣздѣ; а второй въ стѣнахъ Смоленска во рву за Молоховскими воротами. Когда по вступленіи въ *Вильну* Кутузова, прибыли туда нѣсколько Смоленскихъ дворянъ привѣтствовать его съ наименованіемъ: *Князелъ Смоленскимъ*; Князь Смоленскій немедленно исходатайствовалъ у Государя щедрыя награды родимъ *Енгельгарда* и вдовѣ *Шубина*.

Палъ также жертвою за край родной и на родной землѣ, подполковникъ Василій Петровичъ *Селичевъ*.

Вотъ его подвигъ.

Прослужа семнадцать лѣтъ на воинномъ поприщѣ, при нашествіи непріятеля 1812 года, онъ добровольно вызвался на чреду *Рословскаго* Капитана-Исправника, чтобы быть и охранителемъ и защитникомъ роднаго уѣзда.

Услыша о роковомъ часѣ, прогремѣвшемъ надъ Смоленскомъ, онъ немедленно выпроводилъ всѣ бумаги изъ присутственныхъ мѣстъ и разослалъ воззванія къ оставшимся дворянамъ, приглашая ихъ къ охраненію и защитѣ уѣзда. Къ дружинѣ дворянъ, присоединились и Рословскіе граждане, соревнуя гражданамъ Смоленскимъ, изъ которыхъ нѣкоторые пали на стѣнахъ родиаго города, огромляемаго непріятельскими батареями. Учредя въ надлежащихъ мѣстахъ засады и разставя наблюдательную цѣпь, Подполковникъ *Селичевъ* сильно и отважно нападалъ на отряды непріятельскіе, покушавшіеся вторгнуться въ предѣлы Рословля; взялъ въ плѣнъ четыреста Французовъ и отправилъ ихъ въ городъ Брянскъ къ Генералу *Бухмееру*, который прислалъ къ нему пятьдесятъ козаковъ. Смѣлые отряды разноплеменные, устремлялись и къ рубежамъ Бѣлоруссіи и къ рубежамъ Орла: но вездѣ встрѣчали или отпоръ, или гибель, или плѣнъ. Наконецъ начальникъ Наполеоновыхъ войскъ въ Смоленскѣ, выслалъ противъ Русскаго Подполковника полка два пѣхоты и полкъ конницы. Рословль былъ захваченъ и разоренъ. Съ остаткомъ дружины своей *Селичевъ* рѣшился отбиться или умереть. И онъ, подъ градомъ пуль, палъ въ десятии

*

верстахъ отъ Рославля. Услыша вѣсть о погибели храбраго сына, горестная его мать съ другимъ сыномъ, едва двигавшимся отъ ранъ, изъ скуднаго роднаго своего пріюта, принуждена была бѣжать и укрыться въ чужомъ углѣ.

Состояніе Москвы въ Сентябрѣ 1812 года.

Отъ 17 Сентября, частные пристава, учрежденные Французскимъ начальствомъ, доносили слѣдующее:

»Новая слобода выгорѣла до самой Церкви Святаго Николая: Церковь ограблена.« *Моренъ.*

»Половина *Воротниковъ* уцѣлѣла; другая часть, сосполвшая изъ каменныхъ домовъ, выгорѣла. Въ приходѣ *Пилена*, остался священникъ съ причетомъ. Церковь выгорѣла: внутри живутъ солдаты 55-го полка.«

Все *Сущево* уцѣлѣло; Церкви ограблены: въ нихъ живутъ солдаты.

Фаберъ, приставъ *Пречистинской* части, доносилъ: »хотя грабежъ умепьшился, но все еще продолжается.

»Хлѣбныхъ запасовъ нигдѣ не нашли.

Интендантъ или Управитель внутренняго продовольствія въ Москвѣ, *Лесепсъ*, объявлялъ: »У меня нѣтъ ни *хлѣба*, ни *муки*; а о *курицахъ* и о *баранахъ*, нечего и говорить.«

Частный Приставъ *Фаберъ*, въ донесеніи своемъ прибавилъ: »Жители не возвращаются.«

Частный Приставъ *Реми*, отъ 23 Сентября докладывалъ: »Завтрашняго числа начнется служба въ Дѣвичьемъ монастырѣ.«

»Во всей моей Части нѣтъ ни одного трубочиста.«

Въ *Біографіи* Маршала *Бессіера* сказано, что во время Московскаго пожара, голодная толпа отчаянныхъ жителей вбѣжала къ нему въ домъ. У Маршала накрытъ былъ столъ на нѣсколько приборовъ и Сочинитель Біографіи прибавляетъ, что добродушный Маршалъ, оборотясь къ гостямъ своимъ, сказалъ: *Господа! уступимъ нашъ обѣдъ, мы найдемъ другой!*

Такъ ли это или нѣтъ? мы рады вѣрить доброму дѣлу. А сколько бы было пировъ въ роскошной Москвѣ, если бъ и *Бессіеръ* и другіе Маршалы посѣтили ее *гостями мирными!*—Но тогда была бѣда и нашимъ Мо-

сковскимъ узникамъ и полкамъ Наполеона. Въ окрестностяхъ Москвы за *кусокъ хлѣба*, за *клочекъ сѣна*, за *горсть* овса, встрѣчали и раны и смерть.

Горестно!

Письмо Лессепса къ Голландскому Генералу Вандедену.

»Генералъ! Изъ толпы мужиковъ отвѣчаю на вашу записку. Я ничтожнѣйшій управитель въ цѣломъ мірѣ: вы это увидите изъ посылки, (онъ конторой красною). Не смѣю даже сказать, что дѣлюсь по братски. У меня нѣтъ ни *хлѣба*, ни *луку*; а о *курицахъ* и *баранахъ* и — помыслить не могу. Но вчера подарили мнѣ нѣсколько яицъ и мнѣ удалось купить четыре бутылки вина: спѣшу этою находкою подѣлиться съ вами. Несказанно сочту себя счастливымъ, если это послужитъ залогомъ готовности моей служить вамъ.«

Переводъ и подлинникъ письма помѣщены были въ Русскомъ Вѣстникѣ 1813 года.

Приказъ Наполеона.

»Повелѣвается главному управленію осмотрѣть все оставленное въ городѣ жителями, бѣжавшими и бросившими свою собственность. Мѣра эта нужная для того, чтобы раздѣлить поровну то, что уцѣлѣло въ городѣ отъ продолжающихся безпорядковъ. Ни одинъ *купецъ* не приступаетъ къ законному торгу: одни только полковые *маркитанты* и солдаты присвоили себѣ *право* продавать добычу, награбленную ими.

»Не грабить водки, нужной для больныхъ; не распарывать кожъ, нужныхъ для башмаковъ. Послушаніе въ этомъ пунктѣ необходимѣе, чтобы мы дойдемъ до крайности: ибо заготовленное въ *Минскѣ* доставлено будетъ въ Москву на саняхъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.«

Вотъ *Статистика* Москвы въ девятнадцатомъ столѣтіи 1812 года.

Подвиги Подмосковныхъ
воиновъ — поселянъ.

Личная безопасность и духъ рвенія, возбужденный необычайными событіями 1812

года, поощряли Подмосковныхъ поселянъ составлять дружины и отражать отряды непріятельскіе, разсыпавшіеся въ окрестностяхъ Москвы.

Къ дополненію исторической картины 1812 года предлагаю нѣкоторые изъ подвиговъ *воиновъ — поселянъ.*

Дѣла воиновъ — земледѣльцевъ по Звенигородской округѣ.

Приближаясь къ Москвѣ, непріятель занялъ почти весь Звенигородской уѣздъ, кромѣ малой части селеній къ сторонѣ за упраздненный городъ Воскресенскъ, которой и при приходѣ всѣхъ его силъ, не былъ захваченъ. Жители окрестные, жители Воскресенска и жители нѣкъ селеній, которые или захвачены были, или сожжены, собрались къ общей оборонѣ. Призывая на помощь Бога, они единодушно положили защищать Воскресенскъ и не пропускать за него враговъ. Предпріятія свои основали они не на слѣпой отважности, но

на благоразумiи и осторожности. Они учредили дневную и ночную стражу, разставили караулы по лѣсамъ и по всѣмъ мѣстамъ, откуда скрытно можно наблюдать непрiятелей; часто взлезали для наблюденiя на вершины деревъ, хотя можетъ быть и не слыхали, что Суворовъ то же дѣлалъ. Въ перелѣскахъ, за буераками, вездѣ осторожные *воины — земледѣльцы* разставляли *недремлющую стражу*. Сверхъ того условили, чтобы по звону колокольному сбираться имъ немедленно верхами и пѣшкомъ, гдѣ услышатъ первой звонъ. На повѣстку сбѣгалось множество осторожныхъ *воиновъ — земледѣльцевъ*: иные были вооружены ружьями, другiе копьями, топорами, вилами и косами. Сколько побужденiй оживляли *воиновъ — поселянъ!* Въ глазахъ ихъ горѣли родныя ихъ пепелища, пылали верхи храмовъ Божiихъ; въ лѣсахъ далеко отъ нихъ укрывались ихъ жены, ихъ младенцы, ихъ старики, не могущiе поднять ни оружiя, ни рукъ!

Вооруженные поселяне неоднократно прогоняли непрiятельскiе отряды, приходившiе отъ Звенигорода и со стороны отъ Рузы; часто отражали ихъ отъ самаго Воскресенска, неоднократно бывали въ сраженiяхъ одни и съ козаками; поражали,

брали въ полонъ и доставляли плѣнныхъ козацкимъ карауламъ. Въ Звенигородской округѣ убито, ранено и взято въ плѣнъ непріятелей вооруженными обывателями болѣе *двухъ тысячъ*. Такимъ образомъ *воины — поселяне* защитили городъ Воскресенскъ, спасенъ монастырь, Новымъ Іерусалимомъ называемый, и охранена нѣкоторая часть селеній.

Въ дѣлахъ *воиновъ — поселянъ* особенно отличились Голова экономической Вельяминовской волости *Иванъ Андреевъ* и села Лучинскаго Г. Голохвастова сотенной *Павелъ Ивановъ*. Голова Вельяминовской волости снаряжалъ, поощрялъ поселянъ, самъ выѣзжалъ на сраженіе, часто бился съ врагами, много способствовалъ благоразумными совѣтами и распоряженіями и когда поселяне его благодарили; онъ говорилъ: *благодарите Бога! Онъ насъ вразумляетъ*. Сотенный *Павелъ Ивановъ* привелъ съ собою всѣхъ своихъ сыновъ; снаряжалъ людей, бывалъ въ сраженіяхъ, былъ раненъ и самъ перевязывалъ одного раненаго сына.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ *воиновъ — поселянъ*, и другіе не мало способствовали къ защитѣ Воскресенска, монастыря и нѣкоторыхъ селеній. Звенигородскій мѣщанинъ *Ни-*

колай Овчинниковъ, живший въ Воскресенскѣ, выѣзжалъ неоднократно на битву, мужественно сражался и раненъ въ руку. Воскресенскій купецъ *Пентюховъ*, Звенигородскій мѣщанинъ *Иванъ Горяиновъ*, дворовой человѣкъ Князя Голицына *Алексѣй Абросимовъ*, Г. Колошина служители *Алексѣй Дмитріевъ*, *Прохоръ Игнатьевъ*; помѣщика Ярославова *Федоръ Серебревъ*, вотчинный старостна Графа Остермана села Ильинскаго *Егоръ Яковлевъ*, Г. Ардаліонова сельца Ивашкова *Устинъ Ивановъ*, и погожъ сельца крестьянинъ *Егоръ Алексѣевъ*. Всѣ мужественные защитники Воскресенска и сами храбро бились и другихъ одушевляли.»

Приписка.

И люди, приверженные къ Наполеону, утверждаютъ, что онъ опасался *разговоровъ семейныхъ* (*) и усиливался облекать завѣсою даже и очевидную опасность. Въ силу этаго вреднаго правила, напечатано было 1812 года въ заграничныхъ вѣдомостяхъ о Москвѣ. »Москва есть кладовая *Азіи* и *Европы*; »лавки въ ней обширны и богаты: всѣ домы »запасены были на восемъ мѣсяцевъ. Наканунѣ

(*) Jaseries de famille.

»и только въ самой день входа нашего въ Москву, »увидѣли опасность, угрожавшую Москвѣ.« (*)

Ложь сама собою обнаружилась при первомъ шагѣ Наполеоновыхъ полковъ въ Москву. Злополучныя жертвы, прикованныя къ колесницѣ завоевателя, принуждены были разсыпаться отрядами къ поддержанію жизни, обуреваемой отовсюда и голодомъ и смертію. Сколь пагубны намъ обманы, гдѣ надобно праводушною совѣстью предупреждать гибель человѣчества!

Дѣла воиновъ — поселять по Верейской Округѣ.

Въ исходѣ Августа и въ началѣ Сентября, непріятельскіе отряды, томимые голодомъ, непрестанно нападали на *Вышегородскую* волость Графини *Головкиной*. Расторопные старосты Никита *Федоровъ* и Гаврила *Мироновъ*, съ сельскою своею дружиною, отважно и неустрашимо отражали нападенія.

(*) № 164, *Вѣдом: бывшаго Д: Уст: Ельбскихъ.*

Бѣгущіе отряды непріятельскіе покушались перейти *Протву рѣку*, на которой была мукомольная мѣльница о пяти поставахъ. Въ руки ихъ могъ бы достаться запасный казенной анбаръ, въ которомъ хранилось болѣе пяти сотъ четвертей ржи.

Два писаря Вышегородской волости, *Алексѣй Кирпишниковъ* и *Николай Усковъ*, немедленно бросились въ селеніе. »Друзья! воскликнули они: въ послѣдній разъ докажемъ нашу вѣрность: враги бѣгутъ изъ Москвы; вооружимся! Богъ намъ помогалъ; Богъ намъ поможетъ.« Мгновенно собралось до пяти сотъ *воиновъ—поселянъ*, и полетѣли противъ отряда непріятельскаго, состоявшаго изъ трехъ сотъ человѣкъ. Между тѣмъ, когда мужественные крестьяне отражали отрядъ непріятельскій, бывшій въ то время на мѣльницѣ работникъ Можайской округи, экономической *Ретайрской* волости, Ильинской слободы крестьянинъ *Петръ Петровъ Колмолаковъ* и товарищъ его изъ деревни Лобованой Графини же Головкиной *Емельянъ Минаевъ*, давъ другъ другу крѣпкое слово или *умереть* или *отбить* враговъ; подъ часпыми ружейными выстрѣлами, разрушали валы плотины и спускали воду, разбрасывая оплоты, которыми удерживалась она въ прудѣ. Спу-

стія воду, остановили они непріятельскій отрядъ; спасли домъ, хлѣбный запасной анбаръ; дворы и имущество набережной слободки, состоящей изъ сорока осьми домовъ, церковное жилье: наконецъ отстояли вотчинную церковь Успенія Божіей Матери. Мужествомъ *воиновъ — поселянъ*, при томъ же случаѣ спасены селы *Доброво* и *Понизовье*. Служители олтарей Господнихъ, благословенные Святѣйшимъ Сvнодомъ на оборону Отечества, также ревностно участвовали въ защитѣ селеній и храмовъ Божіихъ. *Іоаннъ Скабеевъ*, Верейскій соборный Священникъ, села Дубровы, прилежащаго къ селу Вышегороду, съ рвеніемъ пастырскимъ возбуждалъ крестьянъ непоколебимо стоять за вѣру и родную землю! Успенской церкви пономарь *Василій Семеновъ*, находясь тогда въ селѣ *Дубровѣ*, и животворясь примѣромъ усерднаго пастыря, участвовалъ въ его общеполезныхъ подвигахъ и неоднократно съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчалъ и гналъ непріятеля.

Подвигъ гражданъ города Вереи.

Воины—поселяне дѣйствовали въ округѣ *Верейской*, а мѣщане Верейскіе, дѣйствовали

при освобожденіи перваго изъ Русскихъ городовъ, занятыхъ 1812 года непріятелемъ; имя ему: *Вереи.* Этотъ лавръ снискалъ Генералъ *Дороховъ.* На трудный, убійственный приступъ вели его четверо *Верейскихъ* мѣщанъ. Нещадя жизни, открытою грудью бросались они на валы крѣпостные и на грудяхъ ихъ блеснули военные знаки, Георгія побѣдоносца.

Храня въ незабвенной памяти подвигъ гражданъ *Верейскихъ, Дороховъ,* уклонясь за болѣзнію съ поприща военнаго, писалъ къ жителямъ *Вереи:* »Если вы слышали о Генералѣ *Дороховѣ,* который освободилъ вашъ городъ отъ враговъ отечества нашего; то въ воздаяніе — дайте мнѣ три аршина земли для вѣчнаго моего успокоенія при той церкви, гдѣ, вмѣстѣ съ храбрыми вашими гражданами, я взялъ приступомъ укрѣпленіе непріятельское. Дѣти мои будутъ васъ благодарить; а я и въ могилѣ награжденъ буду — любовью вашею.«

Нижній 1612 *и Нижній* 1812 *года.*

Нижній 1812 года, обширною отмежевался полосою отъ того Нижняго 1612 года,

когда на стогнахъ его гремѣлъ голосъ мясного продавца Космы Минина Сухорукова: »Продадимъ домы наши! заложимъ жены и дѣтей!« На берегахъ Волги, при сліяніи съ нею Оки, въ стѣнахъ Нижняго *большой Московскій свѣтъ* соединился съ *большимъ Нижегородскимъ свѣтомъ*. Были визиты, былъ баспонъ, были званые обѣды. Представьте картину 1612 и картину нынѣшняго 1812 года, и вы увидите въ исполинской Россіи *двѣ Россіи*, различныя внѣшнимъ видомъ, нравами, обычаями и образомъ мыслей. Какъ это и отъ чего? Сочинитель Записокъ замѣчаетъ; Историкъ дополняетъ.

Дѣйствіе природы. Первое Октября 1812 *года.*

Упомянулъ я, что никакія сношенія, существовавшія до нашествія, не могли извѣстить меня о семействѣ моемъ: но тутъ природа взяла свои права. А какъ: увидимъ.

Наступилъ день 1 перваго Октября. Наступилъ день, въ который угодно было Про-

видѣнію назначить *первыя* движенія *Наполеону* къ выходу изъ Москвы; а мнѣ, горестному страннику, назначишь первую встрѣчу съ семействомъ.

Разскажу сперва о послѣднемъ обстоятельствѣ:

Перваго Октября съ мыслями туманными въ десять часовъ утра вошелъ я въ спальню Ивана Петровича *Архарова*. Радушный мой гостепріимецъ лежалъ еще въ постелѣ; а подлѣ него сидѣлъ не знакомый мнѣ человѣкъ въ мундирѣ морской службы. Завязался общій разговоръ. Незнакомецъ пристально всматривается въ меня и прислушивается къ моему голосу. Порывисто встаетъ онъ и говоритъ: »Позвольте спросить, какъ васъ зовутъ?« Я откликнулся вполнѣ: а незнакомецъ продолжалъ: »Извините, что не зная васъ, я отнесся къ вамъ. Голосъ вашъ сходенъ съ голосомъ вашего братца Ивана Николаевича, который теперь съ Княземъ *Лобановымъ* въ городѣ *Горбатовѣ*, гдѣ и семейство ваше.« Вѣстникомъ по сходству голоса былъ мичманъ Сущовъ.

Перекрестясь въ восторгѣ душевномъ, я поспѣшилъ за подорожною и полетѣлъ въ *Горбатовъ*. Быстро мчалась моя тройка;

еще быстрѣе сердце стремилось къ милымъ. Сердце и мысли мои были у колыбели дочери и съ матерью ея. Молитвой примчался я въ *Горбатовъ* въ шестомъ часу вечера, то есть въ тотъ самый часъ, когда за мѣсяцъ передъ тѣмъ, выѣхалъ отъ непріятеля изъ Москвы. Былъ еще только четвертый годъ нашего супружества. Мы пошли къ олтарю брачному не по расчетамъ и не по успѣвамъ свѣтскимъ; насъ вели къ нему сердце и любовь. Что же чувствовала подруга моя въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, слыша, что я былъ и при арміи и въ тѣхъ мѣстахъ, куда ожидали непріятеля? Тутъ говорятъ одни слезы; а что онѣ говорили? того не выскажетъ перо.

Вотъ повѣсть о разлукѣ нашей.

»Въ то самое время, когда въ Коломнѣ почли мы перевязывать рану брату нашему Григорію Николаевичу, ѣхавшій съ нами Полковникъ *Кочубей*, отыскалъ роту двоюроднаго брата нашего Владиміра Андреевича *Глинки* и извѣстилъ обо мнѣ мое семейство. Немедленно разосланы были гонцы отыскивать меня и братьевъ моихъ. Тщетны были всѣ ихъ поиски. Между тѣмъ вѣсть о приближеніи непріятеля въ Коломну, часъ отъ

онъ часу усиливалась. Родспвенникъ мой получивъ приказъ слѣдовать съ артиллерійскою своею ротою въ *Орелъ*, присовѣтовалъ семейству моему ѣхать по Владимірской дорогѣ. Подъ покровомъ одного Провидѣнія прибыло оно къ темной ночи въ городокъ *Егорьевскъ*. Карета, занятая въ Москвѣ, остановилась на пустой улицѣ. Накрапывалъ дождь. Мракъ ночи сгущался. Престарѣлая родспвенница жены моей, выѣхавшая съ нею, готовила изъ испеченнаго хлѣба пищу для нашей дочери — младенца, оставленной бѣжавшею кормилицею подъ Москвою. Вопли младенца и гробовая тоска, истомляли душу ея матери. Вдругъ слышитъ она голосъ: »Поѣзжайте въ богадѣльню; тамъ васъ примутъ.« Быстро выглянувъ изъ кареты, жена моя увидѣла старика у кареты, опершагося на костыль съ непокрытою головою. Вѣтеръ развѣвалъ сѣдины его. Жена моя готовилась его благодарить, но онъ изчезъ, какъ призракъ скоропечный. Слѣдуя внушенію старика, семейство мое направило путь къ богадѣльнѣ и принято было съ Христіянскою готовностію. Есть пословица, что *бѣда, бѣду слѣдитъ*. Случается, что и отрада идетъ въ слѣдъ за отрадою. На другой день пришли въ *Егорьевскъ* полки Князя *Ло-*

банова; на другой день братъ мой Иванъ Николаевичъ, бывшій при Князѣ *квартермистрѣ*, встрѣтилъ мое семейство и сопровождалъ его до *Горбатова*, гдѣ не ожиданная судьба и меня соединила съ нимъ.

Состояніе Французскихъ войскъ въ Москвѣ до Октября мѣсяца 1812 *года.*

Съ приближеніемъ Октября наступало и раннее предвѣстіе грозы зимней. Русскіе *Партизаны* и Подмосковныя дружины поселянъ, внезапными налетами огромляли полки нашествія, исчезавшаго, но еще все сильнаго и готоваго къ битвамъ упорнымъ. Въ тѣ дни, пока не пагрянули бури зимнія, голодъ былъ губительнѣйшимъ оружіемъ. Каждый поискъ къ добыванію продовольствія для конницы и пѣхоты, сопровождался значительнымъ урономъ. Подвозъ печенаго хлѣба назначенъ былъ изъ подъ *Дорогобужа* и *Вязьмы:* не успѣшна была и эта мѣра; перехватывались подвозы. Въ Русскомъ

Вѣстникѣ помѣщенъ былъ Французскій приказъ, въ слѣдствіе котораго судили чиновника, потерявшаго повозки съ печенымъ хлѣбомъ, провожаемыя имъ отъ *Селявса* къ Москвѣ. А что было тогда въ Москвѣ? То высказано выше въ собственномъ признаніи главнаго продовольствователя Москвы, *Лесепса*. Учрежденная подъ надзоромъ его градская дума для продовольствія въ Москвѣ оставшихся Московскихъ жителей, на ряду съ непріятелемъ несла крестъ горькихъ нуждъ насущныхъ.

А между тѣмъ, *Тутолминъ*, начальникъ Воспитательнаго дома, оставшійся въ Москвѣ съ тѣми питомцами, которыхъ не препроводили въ *Казань*: Тутолминъ выглядывалъ положеніе *Наполеона* и сообщалъ о томъ Генералу *Винцегероде*, стоявшему съ отрядомъ въ *Клину*, откуда разсылалъ разъѣзды къ Москвѣ. Посредствомъ *Тутолмина*, Штабъ-Лѣкарь *Даниловскій*, подъ видомъ добыванія муки и хлѣба для питомцевъ, получилъ дозволеніе отъ Французскаго начальства отправиться за Москву. Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1813 года предложено было подробное извѣстіе о *Даниловскомъ*, который сообщилъ отряду *Винцегероду* всѣ нужныя свѣдѣнія.

Къ тяжкимъ нуждамъ продовольствія, въ войскѣ Наполеона начинала проявляться боязнь, тревожащая воображеніе и душу. По дорогѣ къ *Троицѣ — Лаврѣ* раскинута была цѣпь одного казачьяго полка, а отряду Французовъ, шедшему туда мечталось, что сильное ополченіе заслоняетъ *Троицу — Лавру*. Мелькавшія дружины поселянъ представлялись казаками, разсыпавшимися повсемѣстно.

При разгромѣ мыслей, при волненіи душевномъ и *стратегія* и *тактика* сбиваются съ пути своего. А въ такомъ недоумѣніи одно слово, одинъ неосторожный шагъ — ведутъ къ погибели.

Среди трепетнаго недоумѣнія, *Октября перваго,* началось первое отступленіе нашествія.

Вотъ какъ это было.

По занятіи Москвы Маршалъ *Ней* двинулся къ *Богородску* и остановился на пороховомъ заводѣ Маіора *Беренца,* остававшагося на заводѣ въ сермягѣ и съ подвязанною бородою. Октября перваго долетѣлъ туда приказъ *Наполеона* о выступленіи войскъ изъ Москвы. Быстро пробѣжавъ приказъ *Ней* ударилъ себя въ лобъ рукою и вскричалъ: Ah! quel malheur! Ахъ! какая бѣда! Загремѣла вѣстовая пушка и полки *Нея* устремились

къ Москвѣ и въ Москву. Въ тотъ же самый день начальникъ отряда, споявшаго въ *Дмитровѣ*, въ прещеніи и смущеніи душевномъ, отслужилъ молебенъ *Николаю Чудотворцу* и поспѣшилъ въ Москву.

И такъ не одно Тарутинское сраженіе, происходившее черезъ пять дней до первыхъ движеній къ отступленію: выпѣснило *Наполеона* изъ Москвы. Судъ Божій велъ его къ Москвѣ, ввелъ въ Москву и вывелъ оттуда послѣдніе его полки на *тринадцатое* Октября, то есть въ то самое время, когда за два столѣтія до нашего 1812, ударилъ для Москвы часъ избавленія.

Шестыя числа 1812 *года.*

1812 года Іюля *шестаго* послѣдовало воззваніе изъ Полоцка къ первопрестольной столицѣ Москвѣ, возвѣщавшее объ общей опасности отечества. Іюля *шестаго* въ завѣтной области лѣтописей нашихъ увѣковѣчилось самоотреченіе города *Козельска* въ грозное нашествіе *Батыя*. Въ этотъ самый день, то есть Іюля шестаго 1812 года,

одинъ изъ Гражданъ Козельскихъ вѣщалъ въ Градской думѣ: »Въ нашествіе *Батыя*, городъ нашъ, огороженный сваями, защищался шесть недѣль отъ несмѣтныхъ полчищъ Батыя и палъ тогда, когда пали мужественные его Граждане. Не дай Богъ, чтобы нога новаго завоевателя ступила на землю предковъ нашихъ; но если ступитъ, мы не посрамимъ имени праотцевъ и мы до послѣдняго положимъ голову за родной городъ и за отечество!« (*)

Шестаго Сентября происходило Тарутинское сраженіе. Того же *шестаго* числа, когда побѣда озарила берега Пары, Англичане и Испанцы, союзники наши, на другомъ краю Европы разбили Наполеоновы полки и заняли Мадритъ. Странное дѣло! Хотя Наполеонъ затѣснилъ войсками своими твердую землю и хотя громы пушечные не оглашали валы морскіе: но онъ и войну 1812 года, называлъ *войною морскою;* то есть: войною противъ Англіи. Людовикъ XIV, сердясь на насмѣшки Голландскихъ журналистовъ, наводнилъ Голландію войсками своими; уже ли и Наполеонъ за ребяческія

(*) См. Русскій Вѣстникъ 1812 года.

Лондонскія карикатуры, объявилъ въ душѣ своей непримиримую войну Англичанамъ? Послѣ нашествія на Россію и ревностнѣйшіе приверженцы Наполеона, говорили: *мы не знаемъ, чего онъ желаетъ! Нарбонъ*, отправленный въ началѣ 1813 года посломъ въ Австрію, отчасти объяснилъ эту загадку. »Война Наполеона, говорилъ онъ: »война политическая противъ Англіи. . . . Онъ воюетъ не противъ Россіи, не противъ Пруссіи; онъ не на Австрію негодуетъ: онъ мститъ на врага, который какъ змѣя жалитъ его въ грудь, когда удается ему привстать. Этотъ врагъ долженъ изчезнуть; а безъ того нѣтъ сна для Наполеона даже и на ложѣ усѣянномъ лаврами и осѣненномъ побѣдоносными знаменами.« – Не льзя также не подивиться: какимъ образомъ въ одно время *Россія* и *Испанія* съ двухъ крайнихъ рубежей Европы, должны были подавать другъ другу руку! Прошедшее ожило въ ходѣ 1812 года. 1780 года *Булгаковъ* писалъ къ Екатеринѣ Второй: »Когда нѣкоторыя изъ Европейскихъ Государствъ, домогаются поджигать противъ насъ Турцію, *Испанія* непоколебимо предана Россіи; союзъ ея съ нами, союзъ — добродѣтели.«

Шестаго Сентября 1812 жители Пскова поднесли Графу Виттенштейну хлѣбъ — соль и икону Святаго Гавріила Псковскаго.

Шестаго Октября взятъ былъ штурмъ самый Полоцкъ, откуда Іюля *шестаго* разнеслась по предѣламъ отечества нашего вѣсть объ общей опасности отечества.

Шестаго Ноября на завѣтной землѣ Русской, подъ Краснымъ въ предѣлахъ Смоленска, занятаго непріятелемъ въ пожарномъ пламени *шестаго* Августа; прогремѣлъ рѣшительный бой, доставившій Кутузову наименованіе: *Князя Смоленскаго.*

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Душевное томленіе Наполеона до вторженія въ Россію. — Наполеонъ, орудіе суда Божія. — Паденіе роскошнаго міра на пожарноль пепль Москвы. — Лессепъ, интендантъ Москвы при Наполеонѣ. — Рать суда Божія. — Наполеонъ въ Варшавѣ.

Душевное томленіе Наполеона до вторженія его въ Россію.

Просто и чистосердечно предложилъ я очевидныя событія тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года; а здѣсь предлагаю ихъ *въ сношеніи съ судьбами Провидѣнія.* О связи земли съ небесами говорили и древніе и язы-

ческіе писатели. Вотъ какъ объясняется о немъ *Гиппократъ*. »Все, говоритъ онъ: зависитъ отъ Божества. Обозрите, изслѣдуйте то, что называете *случаемъ* и вы увидите, что нѣтъ *случая*. Во всемъ есть причина непреложная, а въ этой причинѣ, есть причины предварительныя. Ни въ нравственномъ, ни въ вещественномъ мірѣ, нѣтъ случая. *Случай* есть плодъ незнанія *причинъ*.« (*)

Уже *Наполеонъ* къ имени избраннаго Императора присовокупилъ союзъ родственный съ древнимъ домомъ Австрійскимъ: онъ супругъ дщери Императора; онъ отецъ внука Императора. Чего ему желать? Говорили и у насъ люди умные въ тѣ первые дни, когда *Наполеонъ* облекся въ порфиру Императорскую: »чего ему желать? и ему и его полководцамъ, остается только удомосѣдиться и пиры пировать.« Но тогда оставалось ему еще желать равной чреды съ вѣнценосцами наслѣдственными: и желаніе его осуществилось. А онъ все мраченъ! — Сложивъ руки на грудь, волнуемую недугомъ забытъ, подъ ярмомъ думы глубокой, онъ медленно ходитъ въ чертогахъ своихъ, или бросясь на одръ, ищетъ успокоенія. Тщетно! Днемъ и ночью

(*) См. книги Гиппократа: *присяга* и *искусство*.

сонъ бѣжитъ отъ очей его. Все вокругъ его молчитъ; а онъ — среди тишины и безмолвія устремляется съ одра; оглядывается во всѣ стороны и испускаетъ вопль: *кто меня зоветъ въ Россію?*

Сочинитель книги о военномъ искусствѣ, Баронъ *Роніа*, увѣряетъ, что Наполеону неудалось въ Россіи отъ того, что онъ преждевременно ослабѣлъ умомъ. »Но отъ чего произошелъ ранній упадокъ его ума?« Злополучіе, говоритъ Историкъ *Тацитъ:* »огромляетъ душу.« Повидимому, *Наполеонъ* былъ счастливѣйшимъ изъ сыновъ земныхъ: *повидилому*, а не по душевному. Въ сердцѣ, въ душѣ, въ мысляхъ, онъ былъ великимъ страдальцемъ. Одна мысль, сливаясь съ другою, томила и истомляла его и дни и ночи (*). По свидѣтельству историковъ нѣтъ такой силы человѣческой, которая не подчинялась бы силѣ преобладающей.« Эта невидимая сила: *судъ Божій.* Не *Наполеонъ* звалъ себя въ Россію; туда призывалъ его—*судъ Божій!* Сочинитель о военномъ искусствѣ, прибавляетъ: »Люди разсудительные предвидѣли паденіе *Наполеона*, когда онъ одною рукою захватилъ *Кадиксъ*,

(*) Слова Наполеона Папѣ *Пію* седьмому.

а другую простиралъ къ *Москвѣ.*« Большое различіе между войною Испанскою и нашествіемъ на Россію. По собственному произволу предпринявъ походъ въ Испанію и сердясь на пропивурѣчія, *Наполеонъ* говорилъ: »И земля Испанская и помыслы укорительныя изчезнутъ подъ полетомъ громоносной колесницы моей.« Но онъ не восклицалъ: »Кто зоветъ меня въ Испанію?« Зовъ невидимый, зовъ *суда Божія* высказывался въ вопросительномъ восклицаніи Наполеона: *кто меня зоветъ въ Россію?*

Не подъ сводомъ дворца *Тюльерійскаго*, но на скалѣ *Елеиской*, въ виду необозримаго Океана, опыскивая себя въ самомъ себѣ и соображая *прошедшее* съ *настоящимъ*, Наполеонъ сказалъ: *мнѣ должно было побѣдить въ Москвѣ.* Это мысль послѣдственная, а не первоначальная. Не двинулся еще *Наполеонъ* въ Россію и въ умѣ его все было *безъ* мысли, безъ цѣли; онъ скорбѣлъ, онъ шопулъ въ бездиѣ недоумѣнія, онъ голосомъ болѣзненнымъ восклицалъ: *Кто зоветъ меня въ Россію?* Кто его звалъ въ Россію?« Тотъ »*судъ Божій*, который на борьбу съ народами вызывалъ вождей среднихъ вѣковъ.

Посмотрите! тамъ на исполинскихъ развалинахъ міра древняго, міра Римскаго: призракомъ туманнымъ возносится Вандалъ *Гензерикъ;* мужъ давнолѣтній, но крѣпкій рамены, окованный, запѣненный думою невѣдомою; онъ мрачно озирается во всѣ стороны и — ничего не видитъ; онъ прислушивается къ какому-то тайному, отдаленному зову и — все вокругъ его безмолвствуетъ. Тяжело воздымается грудь его; кажется, въ немъ изчезли и мысль и жизнь. Между тѣмъ мореходная рать его готова и раздается голосъ кормчаго; »Повелитель! къ какимъ народамъ прикажешь нести мечъ и огонь?« Дикимъ, гробовымъ голосомъ отвѣчаетъ завоеватель; *плыви къ народамъ грѣшнымъ.*«

А нашъ вѣкъ былъ ли до нашествія *Наполеона* вѣкомъ праведникомъ? А въ нашъ вѣкъ вездѣ ли человѣчество цвѣло жизнію благодатною? А въ нашъ вѣкъ прекратилась ли встрѣча колесницъ кичливой роскоши съ сумою нищаго? А древняя и новая наша Москва, чѣмъ была праведнѣе Вѣны, Мадрита, Неаполя, Рима, Лиссабона, Берлина, гдѣ взвивались и парили орлы завоевателя?

Наполеонъ орудіе суда Божія.

Наполеонъ родился 1769 года, въ тотъ самый годъ, когда при Екатеринѣ Второй вспыхнула *первая* Турецкая война. Подъ шумомъ Русскихъ громовъ возрасталъ онъ; а когда на рубежахъ *Персіи* 1796 года умолкали громы царствованія Екатерины; *Наполеонъ* явилъ дивный подвигъ, облетѣвъ вершины *Альпійскія* и устремя побѣдоносные перуны съ высоты горъ *Апенинскихъ*.

И такъ колыбель новаго завоевателя сблизилась съ первыми звуками оружія полковъ Екатерины Второй; а съ утихающимъ шумомъ того же оружія: блеснула слава *Полководца—Бонапарта*, изумившая народы и вселенную. Но что значитъ эта слава? Съ первостепенной чреды воинской славы осьмнадцатаго вѣка, Фридерикъ *второй* вѣщалъ: »Тридцать вѣковъ и крови и убійствъ, подвинули ль человѣчество хотя на шагъ къ счастливой его цѣли? *Ни на шагъ!*«

И такъ къ изобличенію грозной славы, Провидѣніе вызвало изъ нѣдръ тѣснаго уголка земли, обхваченной волнами морскими; вызвало исполнителя судебъ своихъ.

»сказано: »опасенъ жребій умовъ отважныхъ; »по чего не сдѣлаютъ они, когда движетъ ихъ воля горьняя?« Прибавимъ; и чего не дѣлаетъ для нихъ содѣйствіе Промысла вышняго? Зависть *Директоріи* ссылаетъ Бонапарта въ Египетъ на гибель, на смерть. Адмиралъ *Нельсонъ* гонится за нимъ по волнамъ; онъ ускользнулъ и взялъ *Мальту*. Его вызываютъ изъ Египта во Францію. На морѣ подстерегаютъ его враги; уже гремятъ пушки. Спрашиваютъ: куда плыть? *Къ берегамъ Франціи!* отвѣчаетъ Бонапартъ; и — внезапный туманъ обхватилъ море и укрылъ его. До столицы Франціи, грозятъ ему убійцы; въ стѣнахъ пяти-сотнаго совѣта кинжалъ Арены летитъ на грудь его. А онъ живъ: онъ Консулъ. Лордъ *Малезбури, Мале-Дюпанъ* и другіе первостепенные политики того времени предполагали, что на поприщѣ *перваго* Консула Бонапартъ не устоитъ и шести мѣсяцевъ. А онъ Консулъ пожизненный; адъ изрыгаетъ на него ярость свою и, онъ живъ; онъ Императоръ. Англія разглашаетъ, что Франція пустыня безлюдная; а онъ изъ мнимой пустыни выводитъ свѣжее войско; громитъ Германію; потрясаетъ Европу; колеблетъ древнія основанія державъ вѣковыхъ; онъ *Императоръ* Францу-

зовъ; онъ *Король* Италіи; онъ *Протекторъ* Швейцаріи; онъ *Глава* Рейнскаго Союза; онъ новый *Агамемнонъ*. Вселенная смотритъ на него съ удивленіемъ и до вторженія въ Россію, почти всѣ державныя власти преклонили предъ нимъ чело.

И онъ въ Россіи! — Онъ въ Россіи по зову Провидѣнія, непостижимому для него самаго. Онъ въ Россіи и онъ уже не вопрошаетъ себя: *Кто звалъ меня въ Россію?* Какъ странникъ запоропленный быстро переноситъ дорожной шашеръ свой изъ мѣста въ мѣсто; такъ и *Наполеонъ*, порываемый вышнимъ могуществомъ, летитъ съ войскомъ своимъ изъ одного мѣста въ другое; онъ не слышитъ подъ собою земли; хочетъ остановиться и не можетъ. Назначаетъ зимній постой въ *Витебскѣ;* приказываетъ выписать актеровъ изъ Парижа: пролетѣлъ часъ, пролетѣлъ мигъ и онъ — спѣшитъ къ *Смоленску*. Тутъ за нимъ Европа, окованная силою его. Отсюда можетъ онъ угрожать и Москвѣ и далѣе. Онъ долженъ знать, что онъ Августа не далеко до дней осеннихъ; онъ долженъ знать, что бури зимнія грозно бушуютъ на равнинахъ Россіи; онъ долженъ знать, что не обезпеча тыла ополченія исполинскаго, постигнетъ его и

такая же бѣда исполинская (1); онъ долженъ знать, что полки разноплеменные, приведенные изъ подъ небосклоновъ цвѣтущей природы, несутъ съ собою гибель самимъ себѣ; но есть: взаимную *смертность* (2). Онъ долженъ былъ знать, что надобно обдумать, куда идешь, чтобы умѣть оттуда выйти (3). Онъ долженъ былъ все это знать и сообразить; но онъ ничего и не зналъ и не сообразилъ; *судъ Божій* отнялъ у него умъ, а далъ — свою волю.

Уже *Наполеонъ* на поляхъ Московскихъ. Занялась заря дня гибели и смерти. Въ первый разъ *Наполеонъ — Завоеватель* не довѣряетъ *Наполеону — Завоевателю;* въ первый разъ боязнь недоумѣнія напала на него и онъ говоритъ: »Бѣдная армія! какъ она пострадала; однако же осталки еще прекрасны; а гвардія цѣла (4).«

Прогремѣлъ бой *Бородинской;* бой, небывалой на лицѣ земли со времени изобрѣтенія пороха; прогремѣлъ бой убійства и

---

(1) См. Фридерикъ, соч. Фридерика втораго.

(2) См. Военныя правила *Вегеція.*

(3) Слова Маршала *Детре.*

(4) См. Записки Генерала *Раппа.*

крови: и гдѣ слава и величіе побѣдъ, ослѣпившихъ и Европу и Африку и Азію? Судъ Божій совершился: слава и величіе побѣдъ разсѣялись въ пожарномъ пламени, поглотившемъ Москву.

Судъ Божій надъ великолѣпіемъ и пышностію роскошнаго міра.

На поприщѣ человѣчества *война оружія* и *война роскоши* совершаютъ ходъ свой: одна по временамъ; другая непрестанно. На стогнахъ одного города, представляются нѣсколько городовъ. Тамъ пируетъ разгульная роскошь; а здѣсь въ шумящей скудости опъ кипѣнія и обуреванія ежедневныхъ нуждъ, заперивается мысль безпріютная. Какъ согласить такую безмѣрную противуположность? Не рѣшу этой задачи. Но изъ лѣтописей всемірныхъ видно, что когда нѣмѣетъ душа, когда безмолвствуетъ сердце; когда пронырство изгоняетъ правоту и когда *своекорыстіе* видитъ только себя, ищетъ во всемъ для себя: тогда возникаетъ *одичалость* изъ нѣдръ

внѣшняго *образованія* была общественная. Тогда города превращаются въ обители могильныя, а люди бѣгутъ въ чащу лѣсовъ и въ вертепы отдаленные.

Мы это видѣли при двухъ нашествіяхъ на Москву: при нашествіи *вооруженною* и *огненною*.

Провидѣніе, кичению человѣческому, послало и этотъ урокъ. Одинъ изъ блистательныхъ жильцевъ міра роскошнаго, оплакивая на Французскомъ языкѣ (*) развалины дымившейся Москвы, сказалъ: *Аще забуду тебѣ Іерусалиме, забвена буди десница моя!* Помнимъ ли мы сѣтованіе и гибель Москвы? Заняли ль души и мысли наши новую жизнь изъ годины испытанія? Не знаю. Но мы, еще повторяю: видѣли явный урокъ Провидѣнія. А если не допустишь этаго: то ужели Наполеонъ для того приходилъ въ Москву, чтобы въ палатахъ Кремлевскихъ подписать новый уставъ для Французскаго театра?

Взглянемъ и на земной урокъ. Въ нѣсколько дней или часовъ, тамъ, гдѣ владычествовало торжество роскоши; тамъ *первыя потребности жизни* сдѣлались драгоцѣнностію

(*) Переводъ и *подлинникъ* помѣщены въ Рус. Вѣст. 1813 года.

жизни. Сказано выше, что *Лессепсъ* былъ при Наполеонѣ *интендантомъ* или управителемъ въ Москвѣ: *Лессепсъ*, давно извѣстный въ Россіи и посѣтивший съ *Лаперузомъ* Камчатку. Онъ спалъ на Покровкѣ въ домѣ Графа П: П: *Румянцова*, отпуда, повторимъ и здѣсь: писалъ къ Голландскому Генералу *Вандедену*. »Мнѣ посчастливилось достать нѣсколько яицъ, живности, нѣсколько хлѣбовъ и двѣ бутылки вина; чѣмъ и дѣлюсь съ вами по братски.«

А въ какой домъ были отправлены въ видѣ драгоцѣнной находки *хлѣбъ*, *яицы* и *вино*? Въ богатой, обильной, роскошной домъ Николая Алексѣевича *Дурасова*, гдѣ длань лакомой и прихотливой роскоши разливала пылсячную стерляжью уху; гдѣ шампанское пѣнилось и шипѣло; гдѣ:

«Младыя дѣвы угощали,
Носили вина чередой
И Аліянтико съ шампанскимъ,
И мозель съ зельцерской водой.»

Гдѣ былъ свой домашній театръ; гдѣ прихоти всѣхъ частей свѣта угощали сладострастными отравами своими.

Что же? снова спросимъ: что значитъ внѣшній блескъ городовъ; если съ вышней ступени міра роскошнаго, они могутъ упадать на послѣднюю ступень необходимости въ *кускѣ хлѣба*?

Рать суда Божіяго.

Когда въ средніе вѣки загремѣлъ *судъ Божій* надъ Римомъ, властелиномъ міра древняго: иногда безчисленные сонмы рашниковъ, мимо воли своей, сами не вѣдая куда и за чѣмъ спѣшатъ, сбѣгались подъ знамена завоевателей. »Не мы, вопіяли *Вандалы*, не мы порываемся въ Африку: насъ гонитъ туда сила непреодолимая.« И по дѣйствію этой силы, рать суда Божіяго со всѣхъ сторонъ спремится на подвигъ смерти. Иные ѣдутъ на оленяхъ; другіе на верблюдахъ; иные плывутъ на щитахъ, другіе въ ладьяхъ бренныхъ. Не страшатся новые воины ни льдовъ сѣвера, ни бурь полдневныхъ. Такъ было въ вѣки средніе; а въ нашъ вѣкъ не изъ болотъ, не изъ дикихъ ущелинъ; не изъ

глубокихъ вершиновъ, не изъ лѣсовъ дремучихъ; но изъ столицъ, изъ городовъ блистательныхъ, изъ дивнаго, упоченнаго образованія Европейскаго, *судъ Божій* вызвалъ рапь свою девятнадцатаго столѣтія. Злополучна была она; но вѣрна своему предназначенію. Молва разглашала: *Баварцы*, *Саксонцы* и *Виртелбергцы* сдались; *Вестфальцы* перешли къ намъ и шакъ далѣе. Но никто изъ нихъ не двигался изъ подъ знаменъ *Завоевателя*. Печатныя воззванія Русскія приглашали сыновъ Германіи въ гостепріимныя нѣдра Россіи жить мирно и привольно или стать подъ знамена Принца *Ольденбургскаго*. Но полки Германскіе оспаривались съ полками *Наполеона*. Увѣряли, что Князь *Шварценбергъ* мнимыми движеніями въ пользу *Наполеона*, старался способствовать Русскимъ и извѣщалъ о томъ Генерала *Торлисова*. Но и это ходило молвою, а на дѣлѣ дрались.

Если же скажутъ, что все Европейское ополченіе, составленное изъ двадцати народовъ, просвѣщенныхъ и образованныхъ; не знало и не вѣдало, что дѣлаетъ и за чѣмъ идетъ въ Россію; если это скажутъ, то что же значитъ просвѣщеніе, образованность и все то, чѣмъ отличается Европа

девятнадцатаго столѣтія? Что такое и *тактика* и *стратегія* и вся мудрость человѣческая, если онъ того, что конница Наполеонова *плоскія подковы* не замѣнила *Русскими подковами*, (чтобы удобнѣе дѣйствовать въ гололедицу): расперялись пушки двадцати народовъ, которыя мы и *брали*, и *подбирали*?

Полагаютъ, что *Кутузовъ* противъ желанія своего далъ *Тарутинское* сраженіе и сказалъ: *я жду вспомогательныхъ войскъ*; но есть: *морозовъ*.

А развѣ *Коленкуръ*, бывшій нѣсколько лѣтъ Министромъ въ Россіи; развѣ *Лессепсъ*, знавшій Россію, не хуже Франціи; развѣ и многіе другіе не могли извѣстить Наполеона о морозахъ, о метеляхъ и о зимнихъ бурянъ, бушующихъ на обширныхъ равнинахъ Россіи?

» Слѣпые мы судьи, слѣпые!
Дивимся таковымъ дѣламъ . . . .»

Гдѣ былъ умъ цѣлаго войска? Въ тѣхъ же поднемкахъ, въ которыя судъ Божій загналъ умъ Наполеона.

Племена кочующія, поклонники *Далы*, говорятъ: *придетъ время, загорится огонь и на сѣверу*. Горѣлъ! и какъ ужасно горѣлъ огонь надежный! увидимъ далѣе.

Приговоръ Наполеона
образованію Европейскому.

Бури, мятели, голодъ, отчаяніе каждый мигъ гнали войско заграничное въ челюсти ненасытной смерти. А Наполеонъ съ *Коленкуромъ* и *Рюстаномъ* Египетскимъ въ зимней повозкѣ прибылъ въ *Варшаву*. Все дивно было въ судьбѣ Наполеона и тутъ видимъ дивное соединеніе; тутъ Императоръ Французовъ; тутъ бывшій въ Россіи Французскій Министръ; тутъ Египтянинъ, напоминавшій Наполеону и битвы у пирамидъ и походъ въ степи и битвы въ предѣлахъ *Сиріи*. Все гремѣло и отгремѣло; но приговоръ его, изреченный въ Варшавѣ *образованію Европейскому*, перейдетъ изъ вѣка въ вѣкъ. Быстрымъ взглядомъ окинувъ двѣ необычайныя крайности жребія своего, онъ сказалъ и нѣсколько разъ повторилъ: *отъ величественнаго до смѣшнаго или странnаго, — одинъ шагъ*. А чего стоилъ одинъ переломный шагъ во всѣ вѣки и во всѣ времена? Людовикъ *четырнадцатый* собираетъ войско, не бывалое до него въ Европѣ новообразованной: и для чего? чтобы

отмстить Голландіи за насмѣшки надъ нимъ Газетчиковъ и Журналистовъ Голландскихъ. Лесть назвала вѣкъ его *великимъ въкомъ*, а Людовикъ на смертномъ одрѣ сознается, что: »онъ слишкомъ любилъ войну и расточительною пышностію истощалъ бывшіе народа.«

»Кто бы думалъ, говоритъ въ запискахъ своихъ *Торси*, бывшій Министромъ Людовика: »кто бы думалъ, чтобы повелитель *Тага, Дуная* и *По*, принужденъ былъ защищаться, спустя нѣсколько лѣтъ, внутри Государства своего и заботиться о личной безопасности въ чертогахъ своихъ?«

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ вся *Военная Исторія* Императора Наполеона.

А вотъ исторія его по отношенію къ судьбамъ Провидѣнія. »Богъ творитъ завоевателей. Сильные міра ощущаютъ надъ собою силу преобладающую. Исчезаютъ для нихъ уроки прошедшаго; взоры ихъ ничего не видятъ вдали будущаго; а мысли запериваются въ вихрѣ настоящаго.«

Но если просвѣщеніе подобно солнцу, оживляющему міръ вещественный, должно

оживлять существованіе быша человѣческаго; то гдѣ же это просвѣщеніе, когда на чредѣ образованности Европейской, одинъ шагъ опять *величественнаго къ смѣшному или страшному?*

КНИГА ПЯТАЯ.

Дополнительныя подробности къ событіямъ 1812-го года.

Отечественныя доблести.—Путевыя мои записки съ семействомъ. — Генералъ-Маіоръ Бенкендорфъ, первый Начальникъ Полиціи и Комендантъ въ освобожденной Москвѣ.—Освобожденіе изъ плѣна Барона Винцегероде, захваченнаго въ Москвѣ Французами. — АЛЕКСАНДРЪ Первый въ Вильнѣ.—Учрежденіе Женскаго Патріотическаго Общества въ С. Петербургѣ.— Различныя извѣстія.—Продолженіе путевыхъ записокъ. — Общій взглядъ на 1812 годъ.

Проявленіе тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года въ мѣстныхъ обстоятельствахъ.

На мѣстѣ, начинаю съ мѣстныхъ изслѣдованій.

Недавно, наканунѣ битвы *Бородинской*, снова посѣтилъ я равнины, гдѣ гремѣлъ бой небывалый до временъ нашихъ.

Сквозь сумрачную завѣсу вечера луна безмятежная проглядывала въ полномъ блескѣ и изливаясь на прахъ двадцати народовъ, смѣшавшійся въ исполинской могилѣ съ прахомъ сыновъ Россіи; вызывала изъ души великія воспоминанія, перешедшія въ дивный объемъ всемірной судьбы человѣчества.

Три рѣчки орошаютъ поле Бородинское: *Война, Колоча, Стонецъ.*

Подъ Семеновскимъ, гдѣ гремѣлъ адъ Наполеоновыхъ батарей, струится рѣчка: *Огникъ;* а около шѣхъ мѣстъ, гдѣ рѣшена была сдача Москвы, впадаетъ въ Москву рѣку, рѣчка: *Сѣтунь.*

Пять наименованій рѣчекъ, какъ будто бы высказываютъ ратную судьбу тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года.

Ввелъ съ собою завоеватель на поле Бородинское и *войну* и *битву* и *стонъ!* Разливались молніи, кипѣлъ бой на рѣчкѣ *Огникѣ.* Услыша вѣсть о сдачѣ Москвы, *сѣтовала* Россія.

Война, — Война.

Колоча, — Битва.

Стонецъ, — Стонъ.

Огникъ, — Огонь.

Сытунь, — Сѣпованіе.

Какой постепенный ходъ глагола завѣтнаго! Глагола неисповѣдимаго!

А шеперь, еще повторяю: на равнинахъ дивныхъ; на поляхъ завѣпныхъ; подъ *Семеновскимъ*, любовь супруги и матери соорудила храмъ во имя *Христа Спасителя*. А шеперь шамъ: »гдѣ сражались воины, ополченные оружіемъ земнымъ; шамъ изъ праха убіенныхъ рука Божія извела воиновъ, вооруженныхъ щипомъ вѣры и любовью благодатною (*).« Тамъ шеперь *Женская Новоспасская община*, устроившаяся подъ руководствомъ вдовы Генерала Александра Алексѣевича *Тучкова*, павшаго, какъ выше упомянуто, въ день биппвы *Бородинской* на батареи подъ *Семеновскимъ*, гдѣ смерть парила повсемѣспно и гдѣ спруишся рѣчка *Огникъ*.

Община обводишся каменною спѣною. Неподалеку оппуда, за заднею спѣною опъ сада, видѣнъ ровъ, гдѣ при громѣ баппарейномъ, обѣдалъ *Наполеонъ*. Погасла подъ *Бородинымъ* и *Семеновскимъ* счасшливая звѣзда

(*) Слова изъ проповѣди, говорсиной въ Новосозданномъ храмѣ.

завоевателя; проявилось нам и дивное затмѣніе политической его прозорливости. Судъ Божій тяготѣлъ надъ нимъ.

Въ жару битвы Бородинской на одной изъ нашихъ батарей, взяты были въ плѣнъ, артиллерійскій Генералъ *Лихачевъ* и Смоленскій дворянинъ Петръ *Клачковъ*, служившій въ ополченіи Смоленскомъ. Плѣнныхъ представили *Наполеону* и на вопросъ его: *какъ идетъ война Россіи съ Турціей?* Они отвѣчали, что миръ давно уже заключенъ и празднованъ. »Не можетъ быть« возразилъ Императоръ.

Скажутъ, что Англинскіе корабли, грозившіе черногамъ Султана, заслоняли отъ Наполеона вѣсти Стамбульскія. Отвѣчаю: воля небесная, не отнявъ у человѣка умъ, по ходу опредѣленій своихъ, не заслоняетъ отъ него міра политическаго и иногда, когда стѣны пеминчныя заграждаютъ въ очахъ его дѣйствія современныя. Русскій Посланникъ *Булгаковъ*, томясь въ семибашенномъ замкѣ и лишенный чернилъ, ревностною кровью своею писалъ къ Потемкину о дѣлахъ Турецкихъ и Князь Таврическій сознавался, что *Булгаковъ* изъ семибашеннаго заключенія, дѣйствовалъ и содѣйствовалъ къ безкровному покоренію Крыма.

Отъ чего въ предѣлахъ Россіи въ *Наполеонѣ* не спало *Наполеона?* Отъ чего, повторимъ и здѣсь: до выступленія изъ *Парижа* и до выхода изъ чертоговъ *Тюльерійскихъ*, подъ бременемъ скорби гробовой, для него самаго непостижимой, онъ вопіялъ: *кто? кто зоветъ меня въ Россію?* (*)

О равнинахъ завѣтныхъ, гдѣ кипѣла и гремѣла битва исполинская, спрашивалъ я у Русскихъ воиновъ: не испытывали ль они предварительно названія урочищъ равнинъ *Бородинскихъ* и *Семеновскихъ?* Отвѣтъ былъ отрицательный. Посѣтя Обитель *Колоцкую*, сопредѣльную полю *Бородинскому*, спрашивалъ я у благодушныхъ иноковъ: нѣтъ ли какого письменнаго или изустнаго преданія о чудномъ соединеніи названія рѣчекъ, разительно высказывающихъ судьбу нашего *двѣнадцатаго года.* И шутъ не только не было ни какого поясненія, но я узналъ, что изъ всѣхъ жильцевъ, населявшихъ обитель 1812 года, не осталось ни одного человѣка: всѣ сошли въ могилу.

Память дѣяній минувшихъ! Быстро исчезаешь ты и въ переломѣ лѣтъ и переходѣ поколѣній съ лица земли.

(*) См. записки Графа *Сегюра.*

Память минувшаго нерѣдко высказывается безмолвною землею. Въ нашъ вѣкъ подъ дремучими лѣсами Сѣверной Америки, нѣдра земли выказали памятники городовъ Римскаго зодчества. Но ни нѣдра земли, ни молва преданій не возвѣстятъ намъ: какая рука перекинула за океанъ Римскіе памятники, пережившіе въ пространствахъ земныхъ всемірную державу Римскую.

Гробовымъ названіемъ и подъ Смоленскомъ высказывается почной пріютъ Наполеона. Въ виду огромляемыхъ стѣнъ *Годунова*, онъ провелъ ночь въ селеніи *Чертищахъ*. Тамъ сказалъ онъ полководцамъ своимъ: *вино налито въ чашу* (*). Мутно было это вино на равнинахъ Бородинскихъ! Со вздохомъ передъ битвою говорилъ Наполеонъ о трудахъ, о испомленіи блестящихъ полковъ своихъ. *Но*, прибавилъ онъ: *чаша налита; выпьемъ ее* (**).

Онъ испилъ эту чашу; но не чашу радости Осіяновской!

Онъ испилъ чашу скорби и съ кроваваго пира Бородинскаго двинулся на берега *Сѣтуни*, гдѣ былъ почной его пріютъ и гдѣ

(*) Записки Генерала *Panna*.

(**) Тамъ же.

узналъ, что Москва ему оставлена какъ жертва, обреченная за охраненіе жизни Россіи.

Думалъ ли *Наполеонъ*, что душа его скорбитъ на берегахъ *Сытуни*, упыло вливающей струи свои въ лоно Москвы рѣки? Думалъ ли онъ, что съ береговъ четырехъ рѣчекъ, высказывающихъ и *войну* и *битву* и *стонъ* и *огонь:* съ думою сѣпующею онъ перейдетъ на берега *Сытуни?*

Онъ не думалъ о томъ и не зналъ.

Бѣдный сынъ земли!

А этотъ бѣдный сынъ земли; этотъ странникъ мимолетный, мыслію отважною межуетъ и размежевываетъ вселенную!

И пусть мысль смертнаго межуетъ и размежевываетъ обитель человѣчества: но для любви и для соединенія душъ и сердецъ.

Не подъ гнетомъ только бѣдственнаго жребія, опуманивалось чело *Наполеона;* оно немнѣло и тогда, когда звѣзда его сіяла въ полномъ блескѣ внѣшняго счастія земнаго.

Вотъ примѣръ.

»Послѣ громкой *Ваграмской* битвы, начались прогулки въ окрестностяхъ Вѣны. Баденская *Сентъ-Еленская* долина, находящаяся миляхъ въ трехъ отъ Шенграбена, особенно заманивала къ себѣ полководцевъ

Французскихъ. Насьщаясь о прелестяхъ очаровательной долины, *Наполеонъ* въ исходѣ Сентября 1809 года, пустился туда верьхомъ одинъ и, какъ будто бы укрываясь отъ всѣхъ очей.

»Сводъ небесный, говоритъ сочинитель расказа, Баронъ *Мортемаръ*, отражаясь ясною восточною лазурью, напоминалъ *Наполеону* ту славу, когда указывая на пирамиды, онъ сказалъ воинамъ своимъ: *съ высоты пирамидъ сорокъ столѣтій смотрятъ на насъ!* Свѣшлѣло небо, но Наполеонъ окинувъ взоромъ прелести долины *Сентъ-Еленской*, быспро взвился на не большой пригорокъ, отъкуда въ очахъ его мелькнули развалины. Внезапно забушевалъ вѣтръ осенній; листья съ шумомъ слетали съ деревъ. Казалось, что тутъ откликнулись унылые звуки *Омировой Иліады.*

»Съ глубокою думою на челѣ прискакалъ Наполеонъ въ *Шенерабенъ.* Угрюмо озиралъ ряды ожидавшихъ его Маршаловъ и увидя Герцога *Невшательскаго*, сказалъ: *знаете ли, что въ этой давно безмолвной долинѣ Сентъ-Еленской, захочешь и поселиться и умереть.*«

О человѣкѣ должно судить по спремленію и направленію его духа. Математика не стѣснила въ Наполеонѣ полета его мыслей.

И онъ былъ мечнателемъ. Онъ читалъ романы и въ весне лѣтъ своихъ хотѣлъ быть драгикомъ. На роздыхѣ войскъ, садясь подъ деревомъ или на вершинѣ холма, онъ парилъ за *Оссіяномъ* въ безбрежную даль вѣковъ (*).

И такъ: если кто ошъ судьбы Наполеона тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года отдѣлитъ судьбы Провидѣнія; тотъ тогда изслѣдуетъ: *до чего можетъ простираться напряженіе воображенія, поглощеннаго одною постоянною мыслію?*

Проявленіе двухъ вѣковой мысли въ событіяхъ 1812 года.

Скажутъ: что владычествующею мыслію Наполеона, была даже самая мысль, которая, въ семнадцатомъ столѣтіи двадцать одинъ годъ заполоняла умъ *Генриха*

(*) И Суворовъ былъ *мечтателемъ*. Занимаясь поправленіемъ крѣпостей въ Финляндіи 1791 года, онъ писалъ къ А. И. Горчакову: *я въ непрестанной мечтѣ.*

четвертаго; мысль, чтобы войною завоевать вѣчный миръ Европейскій.

Это правда. А потому и разсмотримъ эту *двухъ вѣковую мысль.*

»Умъ человѣческій, говоритъ *Сюллій* въ запискахъ своихъ, страстно прилѣпляясь къ тому, что ему кажется превосходнымъ и блестящимъ, сильно негодуетъ, если ему представляютъ мечту ихъ предметовъ. Но и въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, существуетъ сторона противуположная. Мы или по слабости не достигаемъ предполагаемой цѣли или по недальновидности не вѣримъ тому, въ чемъ убѣжденъ мысль зоркая и парящая.« — »Я самъ, продолжаетъ *Сюлли:* едва ли слушалъ, когда Король въ первый разъ повѣстилъ мнѣ о системѣ политической, въ слѣдствіе которой можно размежевать Европу и управлять ею въ видѣ одного нераздѣльнаго семейства. Но когда я вникъ въ его мысль; когда все взвѣсилъ, все предусмотрѣлъ и предуготовилъ: тогда убѣдился, что намѣренія *Генриха* были основательны въ источникѣ своемъ, обширны во всѣхъ подробностяхъ, блистательны въ послѣдствіяхъ и въ исполненіи.« (*)

(*) Записки *Сюлли:* часть 8, книга 30.

Замѣтимъ, что въ семнадцатомъ столѣтіи *Генриху* надлежало выпуждать у Европейскихъ областей согласіе къ утвержденію его системы, но въ девятнадцатомъ вѣкѣ почти вся судьба Европы была въ рукахъ Наполеона.

Что же бы сдѣлалъ *Генрихъ* съ Россіей, еслибъ она отринула политическую его систему? *Сюллій* отвѣчаетъ: »Въ случаѣ несогласія Россіи, сей тоже бы угрожало, что и Турціи. У нее бы отобрали области, порубежныя Европѣ и загнали бъ въ Азію, гдѣ она по волѣ своей могла бы рапоборствовать съ Персіянами и съ Турками.«

Такія же мечты, спустя два столѣтія винпали и въ умѣ Наполеона. И онъ домогался завоевать вѣчный миръ Европейскій. А для чего? Для того же, для чего и *Генрихъ* четвертый. Вотъ, что говорилъ *Наполеонъ*.

»Требовали, чтобы я на чредѣ верховной власти былъ *Вашингтономъ*. Слова пустой звукъ, особливо, когда выговариваются безъ познанія времени, мѣстъ и обстоятельствъ. За Океаномъ, въ Америкѣ, былъ бы я *Вашингтономъ;* но во Франціи и въ Европѣ, мнѣ надлежало быть *Вашингтономъ впрочанныхъ*. Но гдѣ? На сеймѣ Государей побѣжденныхъ или покоренныхъ и въ санѣ *всемір-*

наго диктатора? Я домогался его. Кто же за то повинишь меня? Тогда только, а не прежде могъ бы я оказать умѣренность, мудрость и безкорыстіе *Вашингтона.*

»Если доживу до Понедѣльника, говорилъ *Генрихъ* четвертый, »то слава моя начнется съ Понедѣльника.« Не сбылось: Генрихъ погибъ въ Пятницу за три дни до вожделеннаго Понедѣльника.

»Повторяю и не перестану повторять;« говорилъ *Наполеонъ*, »мнѣ надлежало побѣдить въ стѣнахъ Москвы.« Объ этомъ думалъ Наполеонъ на скалѣ, когда Океанъ отмежевалъ отъ него все пространство земное.

Отъ чего же постигла неудача и *Генриха* и *Наполеона* на стезѣ одной и той же мысли? *Сюллій* отвѣчаетъ и за *Генриха* и за *Наполеона.* »Il n'est au pouvoir de l'humanité que de préparer et d'agir; le succès est l'ouvrage d'une main plus puissante (*).«

Обратимся къ проявленіямъ судьбы нашего *двѣнадцатаго года.*

(*) »Во власти человѣчества только приготовлять и дѣйствовать; успѣхъ — дѣло руки могущественнѣйшей.«

Съ береговъ *Сѣны* Наполеонъ переселился въ сѣни Кремля. Но и оттуда, какъ будто бы странникъ безпріютный, бурею исполинскаго пожара загнанъ былъ подъ своды *Петровскаго* дворца, гдѣ *готическое* зодчество, указывая девятнадцатому столѣтію на жребій вѣковъ среднихъ, опламененныхъ и залитыхъ кровью, какъ будто бы вопрошало: »уже ли судьба человѣчества не перемѣнилась и со времени тѣхъ вѣковъ шумныхъ?«

Замѣтилъ я выше что опытъ напряженія душевнаго мысль достигаетъ напряженія необычайнаго, отъ напора котораго человѣкъ, какъ будто бы дѣйствуетъ мимо самого себя. Предположимъ на время, что въ такомъ *напряженіи мысли*, тяготившей его и не призываемой имъ, *Наполеонъ* въ сумрачномъ недоумѣніи восклицалъ къ невидимому призывавшею: *кто? кто зоветъ меня въ Россію?*

Изложу и другую мысль; мысль, что *соразмѣрно ходу ума человѣческаго, усиливаются и уроки Провидѣнія.*

Предлагаю доказательства историческія.

Въ семнадцатомъ столѣтіи подъ знаменами *Декарта*, *Локка* и другихъ свѣтилъ наукъ, умъ человѣческій далеко шагнулъ отъ среднихъ вѣковъ; но успѣхи его не прегра-

дали пупь войнѣ и вопреки *послѣ потопному* глаголу Божіему, кровь человѣческая обагряла землю. »Не стыдно ли намъ, говоритъ *Сюлли:* не страшная ли укоризна для народовъ образованныхъ, что вся мудрость ихъ, не только не спяжала спокойствія, но и не успираетъ ихъ отъ неистовствъ, которыми глупаются въ племенахъ дикихъ и необразованныхъ.«

Въ осьмнадцатомъ столѣтіи умъ человѣческій разширилъ себѣ поприще исполинское, но судьба человѣчества часъ отъ часу болѣе огромлялась перунами войны. А потому, и здѣсь повторяю; *Фридерикъ* второй, Король — воинъ и Поэтъ, сказалъ:

»Trente siècles de sang, de meurtres héréditaire,
Qu'ont-ils enfin produits après mille combats?
Au bonheur des mortels ont-ils dans leur carriére,
Avancé d'un seul pas?“

„Лилась рѣками кровь, народы исчезали
И битвъ безчисленныхъ перунъ гремѣлъ въ вѣкахъ;
Но къ счастію людей путей не пролагали
Тѣ битвы, ни на шагъ.“

Это и поэзія и исторія.

А вотъ урокъ Провидѣнія, *сокрушительный раскинувшемуся объему ума въ половинѣ осьмнадцатаго столѣтія.*

При переговорахъ о мирѣ *Утрехтскомъ* 1712 и 13 годовъ, онъ безпечности или онъ коварной закидной мысли тогдашнихъ *дипломатовъ,* не разграничили клочка земли въ сѣверной Америкѣ, но есть *Акадіи* или новой Голландіи. Кто бы подумалъ, что онъ такой ничтожной не размежевки, 1756 года пламя войны обхватитъ почти всю Европу и перелетитъ за Океанъ? Но это было: и въ тотъ же роковой годъ челюсти земли поглотили *Лиссабонъ;* море грозно разливалось; громы подземные колебали берега Африки и истребляли города. »Отъ чего, говоритъ *Фридерикъ* второй; отъ чего вмѣстѣ съ разгромленіемъ міра нравственнаго и міра политическаго, сливаются волненія природы? Мы это видимъ; но тайна того извѣстна только тому, кто по волѣ судебъ своихъ управляетъ вселенною.«

Тацитъ цѣлыми вѣками прежде Фридерика втораго, тоже самое сказалъ.

Вотъ его слова.

»Къ множеству событій человѣческихъ, присоединились чудеса неба и земли; зна-

менія молніеносныя; различныя проявленія, шемныя или явныя; скорбныя или благопріятныя. Никогда бѣдственнѣйшія обстоятельства народа Римскаго; никогда справедливѣйшій судъ неба, не изъявляли столь очевидно, что если боги помышляютъ о насъ, то не столько для охраненія, сколько для наказанія.«

Можно замѣтить, что человѣчество, охраняемое въ человѣчествѣ, не вызываетъ гнѣва небеснаго; судъ Божій грядетъ тогда, когда изчезаютъ правда и любовь.

Хотя историкъ *Іоаннъ Миллеръ* и отдѣляетъ нѣкоторымъ образомъ вліяніе высшее онъ событій земныхъ, но онъ утверждаетъ, что грозный глаголъ войны гремитъ тогда, когда, говоря словами *Вико*, водворяется въ обществѣ пустыня душъ и сердецъ, окованныхъ могильнымъ своекорыстіемъ. »Война, говоритъ *Миллеръ*: страшнымъ голосомъ провозглашаетъ *вѣчную истину*, что сокровища, науки, образованіе народное, что всѣ дары природы и счастія, суета, когда человѣкъ, преданный гордынѣ и обольщенію страстей, забываетъ жизнь мужественныхъ добродѣтелей.«

Но откуда же сошла, *вѣчная истина*, упоминаемая историкомъ *Миллеромъ*? Отвѣ-

чаю словами *Бальзака* семнадцатаго столѣтія. »Истина, сказалъ *Бальзакъ:* не причастна ни старости, ни смерти, она должна пережить время; она сохранится даже и въ гробовыхъ развалинахъ міра земнаго. Не въ однѣхъ *наукахъ математическихъ*, истина вѣчна. Она и въ другихъ объемахъ мысли человѣческой соразмѣрна предмету своему и проявляя дѣйствительность, побѣждаетъ вещество и плѣнъ.«

Невтонъ исчислилъ пути свѣтилъ небесныхъ, но никто не исчислилъ хода мысли человѣческой. А потому великій математикъ *Паскаль,* сказалъ: »Все наше достоинство въ мысли. Ею возвышаемся, а не пространствомъ вещественнымъ и не теченіемъ времени.«

И такъ будемъ продолжать наблюденіе: *усиливанія уроковъ Провидѣнія соразмѣрно распространенію предѣловъ ума человѣческаго.*

Въ исходѣ осмнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго вѣка, и при грохотаніи громовъ военныхъ и при заревѣ огней *бивачныхъ,* умъ человѣческій не прерывалъ хода своего: соразмѣрно тому усиливались и уроки Провидѣнія, проявившіеся наконецъ вполнѣ въ нашествіи *Наполеона* на Россію.

Отъ чего же рушилось нашествіе исполинское, составленное изъ цвѣта воиновъ Европы образованной?

Упомянуто уже было, что *Баронъ Роніа*, сочинитель книги о военномъ искусствѣ, увѣряетъ, что будто бы это произошло: »отъ преждевременнаго упадка ума *Наполеона*.«

Если такъ: то отъ чего ранній упадокъ ума постигъ *Наполеона* въ годъ верховнаго политическаго его могущества?

Но тутъ дѣйствовалъ не *Бонапартъ— Полководецъ*; тутъ дѣйствовалъ *Наполеонъ, исполнитель судебъ Провидѣнія.*

Въ Наполеонѣ два человѣка: *Бонапартъ Полководецъ* и *Наполеонъ, человѣкъ суда Божіяго.*

Взглянемъ на *Бонапарта — Полководца.*

1796 года основною мыслію похода Генерала *Бонапарта* въ Италію было то, чтобы обойти вершины *Альпійскія* и проникнуть въ Италію тамъ, гдѣ начинаются горы *Апенинскія*; а главною цѣлью было отрѣзаніе *Австрійцевъ* отъ *Піемонтцевъ.* Число его войскъ, едва равнявшееся числу войскъ союзныхъ, заставляло его дѣйствовать такимъ образомъ, ибо ему надлежало непрестанно нападать съ силами почти равными или и превосходными, уклоняясь

онъ сраженія съ большею арміею *Австро-Сардскою*. Достигнувъ вершинъ *Монте-Зелбы*, войско Французовъ съ удивленіемъ обозрѣвало цѣпь исполинскихъ вершинъ Альпійскихъ, которую видѣли за *собою* и *около* себя. »Ганнибалъ, сказалъ *Бонапартъ:* перешелъ Альпы; а мы обошли ихъ.«

»Вотъ, говоритъ одинъ изъ сочинителей его жизни: »вотъ предначертаніе и послѣдствіе чудеснаго похода 1796 года.«

Чудесны были подвиги его и 1800 года. »Войско Французское достигаетъ вершины *Сентъ-Готарда*. Трудно, опасно спускаться; но не для *Полководца — Бонапарта*. Вихремъ порывистымъ скатывается онъ съ вершины горы; летитъ по снѣгу, черезъ пропасти и потоки ледяные.

»Новая преграда. Какъ перевезть пушки намъ, гдѣ и слѣда не было колесъ? (*) Быстрая мысль *Бонапарта — Полководца* найдетъ средство. Выдалбливаютъ деревья; вкладываютъ въ нихъ осьми фунтовыя пушки; прикрѣпляютъ къ нимъ канаты; впрягаются въ нихъ по сту человѣкъ и стягиваютъ съ вершины горы; другія орудія спускаютъ на

(*) Où jamais aucun chariot n'a passé.

кашкахъ.« Тутъ во всемъ мысль, расчетъ, движеніе и искусство.

А почему для охраненія пушекъ своихъ въ Россіи, *Наполеонъ* не умѣлъ приказать лошадей подковать сѣверными нашими подковами, противуборствующими гололедицѣ? Потому, еще повторяю, что въ Россіи, онъ былъ не *Полководецъ—Бонапартолиъ*, а *Наполеонолиъ,—человѣколиъ суда Божіяго.* Полководецъ умный, Полководецъ опыта ранняго, искусный, находчивый, прозорливый; тотъ Полководецъ, о которомъ Суворовъ, говорилъ: *о, какъ онъ шагаетъ!* Этотъ Полководецъ заперялся въ самомъ себѣ и исчезъ подъ судомъ Божіимъ. Что дѣлалъ въ Москвѣ умный законодатель, политикъ, дипломатъ; что дѣлалъ въ Москвѣ преобразователь Царствъ? Онъ разсматривалъ въ спѣнахъ Кремля и подписалъ новый уставъ Французскаго театра. И когда же? Тогда, когда по опредѣленію судебъ Провидѣнія онъ сходилъ съ того исполинскаго театра, на которой обращены были взоры вселенной.

За чѣмъ онъ шелъ въ Москву; за чѣмъ вступилъ въ Москву и за чѣмъ засѣдѣлся въ ней *сорокъ дней*, срокъ *сороковой*, завѣтный по дивнымъ событіямъ? Объ этомъ онъ раздумалъ на скалѣ *Еленской* и въ виду того

обширнаго океана, которому нѣкогда уподоблялась неизмѣримая его мысль. На скалѣ *Елисейской* одумался онъ и, какъ будто бы пробудясь отъ глубокаго сна, сказалъ: *мнѣ надлежало побѣдить въ Москвѣ.*

Побѣдить! Но какъ?....

Всѣ великіе земнаго міра, говоритъ *Боссюетъ;* ощущаютъ подчиненіе свое силѣ предержащей. Мимо мыслей своихъ, они встрѣчаютъ успѣхъ или неудачу. Они не властны внимать ни совѣтамъ вѣковъ минувшихъ, ни предвидѣть будущаго; а еще менѣе: вынудить изъ него, что нибудь. Одинъ тотъ вмѣщаетъ все въ рукѣ своей, который знаетъ имя тому, что есть и что будетъ; который сопричастенъ всѣмъ временамъ и который разрушаетъ всѣ расчеты ума.«

Не только умъ одного человѣка, умы цѣлаго народа поглощаются тмою глубокою, когда ударяетъ роковой часъ превратности. »Египетъ, продолжаетъ *Боссюетъ - историкъ,* нѣкогда блиставшій мудростію, идетъ опьяненный, обуянный; идетъ стопою колеблемою: и отъ чего же? Отъ того, что Господь посѣялъ духъ обаянія въ совѣщаніяхъ его; онъ не вѣдаетъ, что дѣлаетъ: онъ погибъ.«

Египетъ погибъ; онъ не могъ внимать ни урокамъ вѣковъ минувшихъ, ни предвидѣть будущаго. Онъ самъ оспался въ урокъ человѣчеству.

Думалъ ли *Бонапартъ*, когда огромлялъ Египетъ побѣдоноснымъ оружіемъ, думалъ ли онъ, что вмѣстивъ въ державное лице свое судьбу нѣсколькихъ царствъ земныхъ, и онъ испытаетъ туманный жребій, постигшій древній Египетъ? Не думалъ объ этомъ *Бонапартъ — полководецъ*. Переплывъ за перешеекъ *Суезскій*, онъ гремѣлъ въ *Сиріи*, былъ подъ *Акрою;* былъ въ Іерусалимѣ, гдѣ Спаситель *міра* завѣщевалъ *міру* любовь и миръ. Былъ на вершинѣ той горы, гдѣ *страдалецъ — небесный*, томясь на крестѣ и обращая очи къ предвѣчному отцу своему, восклицалъ: *отпусти имъ! не вѣдятъ бо, что творятъ!* Герой Египта не внялъ тогда глаголу страдальца небеснаго, онъ внялъ ему тогда, когда уединеніе, прерываемое однимъ только шумомъ волнъ Океана, уединяло, такъ сказать, *Наполеона*, снова обращеннаго въ *Бонапарта*, въ него самого; онъ внялъ ему тогда, когда жизнь его стала переходить изъ *исторіи* въ *поэзію* (*). А на чредѣ величія,

(*) Записки на островѣ св. *Елены*.

онъ вслушивался только въ громкіе отклики славы своей; но не онъ одинъ прислушивался къ дивнымъ своимъ подвигамъ *стратегическимъ* и *тактическимъ*. Когда парилъ онъ орломъ подъ небосклономъ *Африки* и *Азіи*, въ то время вышли уже три части *о походахъ Генерала Бонапарта*. Я былъ въ исходѣ 1799 года въ *Брестѣ Литовскѣ* въ тотъ день, когда Суворовъ — *Князь Италійскій*, проѣзжалъ въ помѣстье свое *Кобринъ*. Сидя въ каретѣ съ глубокою думою на челѣ и закутавшись въ завѣтную свою эпанчу, онъ устремлялъ внимательный слухъ къ чтенію о походахъ *Генерала Бонапарта;* къ походамъ исполинскимъ, раскинувшимся на три части свѣта.

Такой былъ жребій *Бонапарта — полководца.*

Но когда прогремѣлъ часъ суда Божіяго, тогда *Наполеонъ* забылъ, какая бѣдственная участь постигла *Камбиза* въ знойныхъ степяхъ Африканскихъ; забылъ разгромъ цѣлой Азіи подъ небосклономъ Греціи; забылъ разсѣяніе бурею безчисленныхъ кораблей, названныхъ высокомѣрнымъ сыномъ *Карла пятаго*, »флотомъ непобѣдимымъ;« забылъ, что для Франціи, внѣ ея предѣловъ, пагубны были и

предпріятія и успѣхи (*); онъ забылъ слова Маршала *Дотре*, который сказалъ: »недовольно того, чтобы зайти вдаль Германіи, надобно еще приготовить способы, отпуда выпити.«

Ровно черезъ *два столѣтія*, Европа превратилась въ поприще войны повсемѣстной. Она горѣла обширнымъ жерломъ, разкидывающимъ изъ опаленныхъ нѣдръ своихъ пламя губительное. Горѣла Европа при свѣтѣ наукъ, при блескѣ образованія и — судъ Божій продолжался.

Бѣжитъ Наполеонъ съ снѣжныхъ равнинъ Россіи. Съ нимъ только два сопутника: *Коленкуръ* и *Рюстанъ Мамелюкъ*. Одинъ напоминаетъ могущество его надъ Европою; въ имени другаго гремятъ побѣды, оглашавшія Африку и Азію. И *Наполеонъ* еще силенъ; онъ облеченъ всемірнымъ мнѣніемъ о счастливой его звѣздѣ. Она потускнѣла на небосклонѣ Россіи; она можетъ блеснуть въ новыхъ лучахъ на небосклонѣ Европейскомъ. Но уже ли могильная вѣсть о погибели нашествія не разнеслась по Евро-

(*) Вѣкъ Людовика XV.

пѣ? Разнеслась. Но Европа, ослѣпленная десятилѣтними побѣдами любимца *звѣзды счастливой* не могла ни одуматься, ни разочароваться. Тогда еще не наступилъ часъ суда Божіяго, когда *Наполеонъ*, запѣснившій въ лице свое судьбу нѣсколькихъ царствъ и народовъ, долженъ былъ отдать *залогъ* и возвратить *похищенное* (*). Казалось, что жизнь погибшаго исполинскаго его ополченія, перешла въ одну жизнь его (**). А въ этомъ переселеніи въ себя жизни двадцати народовъ Европейскихъ, повторимъ и здѣсь: какою жестокою укоризною огромилъ онъ и поразилъ Европу: »Отъ величественнаго, до страшнаго, до смѣшнаго — одинъ шагъ.«

Уже ли просвѣщеніе Европейское уподобляется лѣстницѣ высокой, огромной, озаренной яркими разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими мысль и взоры? И все это тускнѣетъ въ одинъ мигъ и во всемъ отъ *величественнаго* — одинъ шагъ до *паденія*. Загляните въ исторію Іоанна *Миллера*, и тамъ увидите, что въ первую четверть пресло-

---

(*) *И залогъ отдастъ, и восхищенное возвратитъ.*

(**) *Жизнію живъ будетъ, и не умретъ;* (*Іезекіиль*)

вшаго нашего столѣтія, средніе вѣки ожили въ Европѣ.

Европа просвѣтилась: но ослабѣла ль въ ней *двухъ-вѣковая мысль*, которая, какъ выше сказано, изъ ума *Генриха* четвертаго, завѣтнымъ наслѣдствомъ черезъ *два столѣтія* перешла въ умъ *Наполеона*?

Европа просвѣтилась: и Европа не могла убѣдиться въ два вѣка, что миръ народовъ завоевываютъ не войною, а союзомъ мира и любви.

Европа просвѣтилась, и она поручила двадцать народовъ одному человѣку, повѣря на слово его, что онъ доставитъ Европѣ вѣчный миръ!

Нѣтъ! не воля Европы; воля *суда Божіяго*, отдала одному человѣку полки двадцати народовъ; рать своего суда, чтобы показать вселенной, что не сила оружія, а сила любви миритъ небо съ землею. Непоколебимо исполняло двадцати-племенное ополченіе дѣло, возложенное на него властію небесною. Въ предѣлахъ Россіи, преслѣдуемое, гонимое бурями и оружіемъ; обхваченное отовсюда разнообразными смертями, оно вѣрно было Наполеону; оно клало за него головы, не помышляя о себѣ. Тутъ была измѣна времени, а не было измѣны рати суда Божіяго.

Былъ водный потопъ, поглощавшій землю; мы видѣли потопъ кровавый; и въ теченіи сколькихъ лѣтъ распространялся онъ по мѣрѣ *мнимыхъ* успѣховъ ума человѣческаго?

Мнимыхъ! ибо Европа забыла глаголъ Божій, запрещающій проливать кровь человѣческую. Міръ земный, омытый потопными водами забылъ, что человѣкъ, по вѣщанію творца своего, сотворенъ по образу Божіему; забылъ—и въ слѣпотѣ своей человѣкъ посягнулъ на кровь братій своихъ; на кровь общихъ дѣтей одного отца. А отъ чего посягнулъ? Отъ того, отвѣчаю потому же глаголу Божіему; отъ того что человѣкъ мыслитъ и влечется ко злу отъ юности своей.

Слѣдственно убійственная мысль *о злѣ* запечатлѣетъ въ человѣкѣ образъ Творца его.

А развѣ Европа не величается, не гордится безчисленными заведеніями для *образованія* юношества?

Я говорю *образованія*, ибо мы смотримъ только на внѣшность человѣка.

Умной *Дюкло* въ осмнадцатомъ столѣтіи сказалъ: »On trouve parmi nous beaucoup d'instruction et peu d'éducation. On forme des savants, des artistes de toute espèce; chaque partie des lettres, des sciences et des arts

y est cultivée avec succès par des methodes plus ou moins convenables. Mais on ne s'est pas encore avisé de former les hommes.«

»У насъ много ученія, а мало воспитанія. Образуютъ ученыхъ, различныхъ *артистовъ;* каждая отрасль словесности, наукъ и искуствъ, преподается у насъ по правиламъ болѣе или менѣе приличнымъ. Но еще не вздумали образовывать людей (*).«

Для чего же не *воспитываютъ* человѣка для человѣчества? для чего не воспитываютъ его для любви взаимной, не раздѣльной, завѣщанной намъ любовью небесной?

Прости мнѣ Европа просвѣщенная! Я не вѣрю твоему просвѣщенію.

Прости мнѣ Европа просвѣщенная; ты не умѣешь беречь жизни человѣчества. Въ громахъ и молніяхъ рапныхъ исчезаетъ твое просвѣщеніе. Въ нихъ судъ Божій велѣлъ изчезнуть, погаснуть первому уму нашего девятнадцатаго столѣтія, вступившаго, по

(*) Considérations sur les moeurs du 18-me siècle.

мнѣнію людей, на горнюю степень просвѣщенія *наукъ* и *искуствъ*.

Славится Европа, политикою и дипломатикою и она — на непрестанной стражѣ безопасности своей. Она сама себя спрашится. Когда изчезнетъ этотъ страхъ? Когда миръ вселится въ предѣлахъ земли, тогда не будетъ и успрашающаго (*).

А если *науки* и *искуства* приблизили нашъ вѣкъ къ небу, пусть прочнѣе онъ на сводѣ лазуриомъ завѣтъ *любви* и *мира*, и пусть примиритъ человѣчество съ человѣчествомъ, чтобы снова черезъ *два столѣтія* Европа не тонула въ потопѣ кровавомъ.

Отечественныя доблести 1812 *года.*

Не посягая на чужое, предложу только то, что непосредственно было сообщено

(*) *Гогда вселится на земли своей съ миромъ, и не будетъ устрашающаго.* (*Іезекіиль*).

мнѣ. Много предъявлено и много еще не высказано доблестей, ознаменованныхъ пѣмъ паренiемъ духа, который показываетъ свойства народныя и жизнь душевную. Мы видѣли времена необычайныя; видѣли ихъ и другіе народы: и если собрать и соединить все то, что въ нихъ совершилось, то убѣдятся, что самоотрѣченіе вполнѣ выражаетъ жизнь душевную. Въ предъявленіи жизни народной или лучше сказать: *жизни человѣчества*, есть собранія вѣковыхъ преданій поэтическихъ. Соберите всѣ событія самоопрѣченія народнаго и вы представите дѣятельную поэзію духа человѣческаго.

А я предлагаю здѣсь о своихъ и изъ своего.

»Іюля 17 Западная армія вступила въ городъ *Поречье.* Съ выходомъ отпуда полковъ нашихъ, выходили и обыватели, съ живою горестью прощаясь съ семейными пріютами своими. »Въ это время, говоритъ офицеръ, сообщившій извѣстіе въ Русскій Вѣстникъ: »забѣжалъ я въ домъ, гдѣ былъ мой ночлегъ. И какое зрѣлище поразило глаза мои! Престарѣлый мой хозяинъ стоялъ на колѣняхъ и молился. По сторонамъ его стояли также на колѣняхъ жена его, невѣстка и пятеро внуковъ. Углубленный въ молитву

душевную, онъ не замѣшилъ прихода моего; всталъ быстро; вынулъ изъ кивота образъ Спасителя; благословилъ имъ всѣхъ и каждаго, отдалъ образъ женѣ и сказалъ: *возьмите все нужное на путь дальный. Богъ съ вами! ступайте! А я останусь. Я старъ: вамъ и безъ меня будетъ тяжело. Убьютъ: будь воля Божія!*

Въ послѣдніе дни до оставленія Смоленска у всѣхъ была одна мысль: Богъ и Отечество. Воины и жители съ братскимъ радушіемъ ходили по церквамъ; а когда 26 Іюля отданъ былъ приказъ: *итти впередъ!* обыватели, вооружаясь чѣмъ, кто могъ: спѣшили за войскомъ. Снова возвратились полки наши въ Смоленскъ и упорный горѣлъ бой прехдневный. Съ *четвертаго* на *пятое* число Наполеонъ съ грознымъ напоромъ всѣхъ силъ своихъ, порывался перехватишь *Московскую* дорогу, въ удержаніи которой состояла главная цѣль Вождя Русскаго войска. А для этаго нужно было удерживать и защищать нѣсколько времени городъ. Въ спѣнахъ его *Дохтуровъ* смѣнилъ корпусъ *Раевскаго*, который и выдерживалъ и отражалъ сильныя нападенія непріятеля. Смѣня Раевскаго, Дохтуровъ продолжалъ мужественные его подвиги. Каждый шагъ былъ оспориваемъ и каждое

мгновеніе увѣнчевалось опважностію. Около трехъ часовъ пополудни Дохтуровъ и Генералъ *Коновницынъ* летятъ къ *Молоховскимъ* воротамъ. Опъ яростнаго и жестокаго напора силъ непріятельскихъ, одинъ изъ полковъ нашихъ дрогнулъ. Вожди Русскіе вскричали: »Ребята! вы сражаетесь на родной землѣ за Царя и Отечество! Вы храбро разили: новая слава васъ ждетъ!« Загремѣло: *ура!* Заблистали штыки; непріятель отступилъ. Англичанинъ *Вильсонъ*, очевидецъ битвы Смоленской, говорилъ: »что одни Русскіе такъ сражаются, какъ сражались они въ стѣнахъ Смоленска.« Русскіе достигли цѣли своей: *дорога Московская удержана.* Началось отступленіе войскъ и обывателп съ ними только стали выходить изъ города. Но какъ описать то мгновеніе, когда изъ стѣнъ разгромленныхъ, когда при пламени пожарномъ, поднята была икона *Смоленской Божіей Матери!* Не вопль отчаянія, но среди плача и рыданія, раздавался жалобный голосъ благоговѣйнаго умиленія: *Заступница наша оставляетъ насъ!*

Смоленскъ вышелъ изъ Смоленска и быстрая вѣсть о томъ разлеталась изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ села въ село, изъ деревни въ деревню и донеслась до Москвы. Подмосков-

ные отцы — поселяне спѣшили благословлять въ *ополченіе жертвенное* сыновъ своихъ и прощаясь съ ними говорили: *умирайте! а не сдавайтесь!* Подмосковнаго села крестьянинъ *Никифоръ Михайловъ*, прехъ сыновъ благословилъ на дѣло ратное.

Трудно воевать съ душами.

За нѣсколько дней до битвы *Бородинской* убитъ былъ подъ *Колоцкимъ* монастыремъ Донскихъ войскъ Генералъ - Маіоръ Иванъ Кузмичъ *Красновъ* первый, который, за отъѣздомъ М: И: *Платова* въ Москву, занялъ мѣсто его.

Объяснимся объ этомъ.

Опытные полководцы орлинымъ взглядомъ высматриваютъ свойства ума и дарованія сподвижниковъ своихъ. *Суворовъ* вполнѣ разгадалъ тонкій, проницательный умъ *Кутузова* и своими намѣками передалъ и другимъ мнѣніе свое о немъ. *Кутузова*, говорилъ онъ: *и де-Рибасъ не обманетъ. Я не кланяюсь Кутузову; онъ поклонится разъ, а обманетъ десять разъ.* Сбылись слова Суворова. Отправляясь къ войску, Кутузовъ ни себя ни другихъ не обольщалъ славою будущихъ побѣдъ, онъ желалъ только *обмануть* Наполеона, который и въ свою очередь называлъ его *старою лисицею*. Но противъ *льва завое-*

вательнаго, надлежало употребить всѣ оружія. Къ числу хитростей, уловившихъ Наполеона, Кутузовъ прикинулъ и мнимую ссору съ Платовымъ. *Коленкуръ*, который, (какъ увидятъ въ запискахъ монхъ): жаловался на меня за статью, помѣщенную въ Русскомъ Вѣстникѣ послѣ *Тильзитскаго* мира и въ которой явно высказано было то, что постигнетъ Наполеона, если посягнетъ на спокойствіе Россіи; *Коленкуръ* и себя и властелина своего обманывалъ: »будто бы война Турецкая истощила войско Донское и будто бы Донъ опустѣлъ и обезсилѣлъ.« Кутузовъ и Платовъ знали объ этой молвѣ и *разыгрывали* притворную ссору. Чуждаясь самонадѣянія, я, можетъ быть, предлагаю это и какъ догадку; но то истинна, что когда Донской Атаманъ за нѣсколько дней до битвы Бородинской прискакалъ въ Москву на дачу къ Графу Растопчину, разнеслась громкая вѣсть о размолвкѣ его съ Кутузовымъ. Предполагали тогда же, (какъ выше упомянуто), будто бы на дачѣ находился и Государь. Былъ ли тамъ Государь или нѣтъ, и нужно ли было личное его присутствіе для распоряженій касательно Донскихъ полковъ, которые быстрымъ *прилетомъ* подъ *Тарутино*, были первыми вѣстниками побѣ-

доносnаго преслѣдованія нашествія? Не входя объ этомъ въ изслѣдованіе, обращаюсь къ Генералу *Краснову*.

За отсутствіемъ Платова, *Красновъ*, начальствовалъ въ *авангардѣ* Донскими полками на высотахъ у *Колоцкаго* монастыря. Жестокимъ огнемъ дѣйствовали непріятельскія и Русскія батареи; Красновъ молніею перелѣталъ съ одного крыла на другое подъ тучею пуль, картечь и ядеръ. Его примѣтили съ Французской батареи и направили роковой ударъ.

Умирающій герой, увидя внука своего, *Есаула Гладкова*, недавно прибывшаго съ Дона, съ ласкою сказалъ: *и ты здѣсь; очень радъ; ты будешь мнѣ нуженъ*. Въ сѣняхъ монастыря тотъ часъ отыскали лѣкаря. Но раненая нога такъ была раздроблена и измята, что невозможно было перевязать.

Между тѣмъ конница непріятельская усилилась съ лѣваго крыла; по малолюдству полки наши поотдалялись. Въ тоже время съ ближайшихъ батарей густо летали ядра. Надлежало спасать раненаго не отъ смерти, но отъ плѣна. По дорогѣ къ *Бородину* дали отдохнуть Краснову, гдѣ встрѣтясь съ Генераломъ *Иловайскимъ пятымъ*, сдалъ ему

начальство и сказалъ: *отражай! гони непріятеля, и я — радостно умру!*

Немедленно препоручено было Есаулу *Гладкому* препроводить *Краснова* въ главную квартиру и отыскать знаменитаго врача *Вилліе.* Опухшіе ноги сдѣлано подъ открытымъ небомъ въ присутствіи *Барклая-де-Толли* и *Платова,* возвратившагося изъ Москвы. Войска двигались къ Бородинскимъ баттареямъ. Раненый Красновъ страдалъ и терпѣлъ. Одинъ только разъ, нѣсколько поморщась сказалъ *Гладкову,* который поддерживалъ его голову: *скоро ли это кончится?* »Скоро!« отвѣчалъ Гладковъ. — *А нога гдѣ?* Внукъ замолчалъ. На окровавленномъ коврѣ перенесли *Краснова* въ квартиру *Барклая-де-Толли.*

Между тѣмъ пушки гремѣли непрестанно. Какъ будто бы пробуждаясь отъ тяжкаго сна, умирающій герой спрашивалъ: *что дѣлаютъ наши?* — Гладковъ отвѣчалъ: *дерутся.* — *Кто кого бьетъ?* — *Наши!* — *Хорошо ли? Какъ Русскіе!* — Вдругъ гусарскій офицеръ вбѣжалъ въ комнату съ ложною вѣстію и сказалъ: *Даву убитъ!* — *Слава Богу!* воскликнулъ Красновъ: *онъ былъ злой человѣкъ!* »Приподними меня, продолжалъ онъ: я самъ хочу посмотрѣть, что дѣлаютъ наши.« Ему отвѣчали: *наши бьютъ Французовъ.* — *Слава Богу!*

Дай Богъ! Тутъ хотѣлъ онъ перекреститься; но правая рука уже была неподвижна. Красновъ скончался черезъ четырнадцать часовъ послѣ раны. Внукъ препроводилъ пѣло его въ Москву. Погребеніе происходило 27 числа, когда носились неявственные слухи о кровавой битвѣ Бородинской. Народъ отовсюда спекался въ Донской монастырь, гдѣ опѣвали *Краснова* и гдѣ преданъ землѣ прахъ его. Вмѣстѣ съ нимъ сходили въ могилу и послѣдніе дни Москвы; которой на полѣ Бородинскомъ принесена была душою и кровію Русскою послѣдняя за нее жертва.

На зарѣ прекрасной жизни въ исполинскую могилу битвы *Бородинской*, палъ и юный *Павловъ*.

Едва разнеслась молва, что будетъ бой валовой, Василій Александровичъ *Павловъ*, Подпоручикъ гвардейской артиллеріи, пылая воспоргомъ благоговѣйнымъ, исповѣдывался и причастился въ *Колоцкой* обители. Передъ лицемъ даровъ Господнихъ, онъ заранѣе опрекся отъ весенней жизни своей!

На разсвѣтѣ гробоваго и великаго дня *Бородинскаго, Павловъ* нарядился, какъ будто

бы на какой нибудь торжественный смотръ. Отдавая пыльную одежду вѣрному служителю своему, онъ простился съ нимъ на всегда. Добродушный слуга порывался въ слѣдъ за юнымъ господиномъ своимъ. Павловъ сказалъ: *оставайся здѣсь; тамъ наше мѣсто.*

При первыхъ вѣстовыхъ выстрѣлахъ грозной битвы, Павловъ съ душевнымъ восхищеніемъ сказалъ сотоварищамъ своимъ: *вѣра говоритъ, что самая большая любовь, полагать душу за братій своихъ!*

Павлову было еще только девятнадцать лѣтъ. Щадя юношу, начальникъ хотѣлъ помѣстить его тамъ, гдѣ, казалось, будетъ безопаснѣе. Павловъ возразилъ: *никому не уступлю своего мѣста; мы во ста верстахъ отъ Москвы; тамъ моя родина, тамъ моя мать!... Время ли теперь мыслить о личной своей безопасности? Я отдалъ жизнь мою Богу, Царю и Отечеству!*

Не успѣвала парить смерть въ громахъ пушечныхъ! У воиновъ Русскихъ была одна мысль: *за нами Москва! мы сражаемся за Москву!* Одинъ только разъ оглянулись они назадъ, когда, мысленными очами взирая на блестя-

ція главы храмовъ Московскихъ, осѣнились крестомъ на жизнь или на смерть за Москву!

Подъ тучею смертною юный *Павловъ* мѣткими выстрѣлами взорвалъ на воздухъ одиннадцать непріятельскихъ ящиковъ. Генералъ *Ермоловъ*, свидѣтель непоколебимаго мужества Павлова, обнялъ его и привѣтствовалъ съ Царскою милостію. А юный герой! онъ — съ привѣтомъ Алексѣя Петровича въ четыре часа пополудни при громахъ и молніяхъ убійственныхъ, отошелъ въ вѣчность — досматривать оттуда конецъ боя.

Осиротѣвшая матерь юноши, прочитавъ о немъ извѣстіе въ *Русскомъ Вѣстникѣ*; препроводила къ Издателю слѣдующее письмо: »Горячими слезами оросила я тѣ страницы, въ которыхъ напоминаніе оживило для меня моего сына! Плачу и теперь. Не величаюсь твердостію духа матерей Спартанскихъ. Знаю чего лишилась и что потеряла. Онъ произносилъ имя мое въ послѣдніи часы жизни своей: не могу его забыть! Но какъ Христіянка смиряюсь передъ судьбами Провидѣнія; а какъ мать Россіянка, и въ чрезмѣрной горести моей нахожу ту отраду, что любезное отечество наше не забудетъ моего юнаго, неоцѣненнаго сына.«

Ни оружіе сыновъ Россіи, ни молитвы и слезы матерей, не спасли Москвы. Видѣли мы входъ въ нее полковъ завоевателя; видѣли пожаръ Московскій; видимъ и горе Исполина нашего вѣка. Онъ проситъ и перемирія и мира. *Лористонъ*, посолъ его, совѣщается съ Кутузовымъ. А умный нашъ вождь, забавляя посла Наполеонова мечтами о мирѣ, ждетъ вспомогательнаго войска, высылаемаго сѣверною природою; ждетъ морозовъ и бурь зимнихъ. Ждетъ онъ также съ береговъ тихаго *Дона* и новыхъ полковъ.

Морозы и бури зимнія впереди; полки Донскіе летятъ въ станъ *Тарутинскій*.

И какіе полки! сыны завѣтной славы Донской; двадцать полковъ, отслужившихъ по тридцати и по сороку лѣтъ. Вся ратная жизнь Дона устремилась съ ними съ родныхъ пепелищъ на новые труды, на бой и на смерть. Думаютъ будто бы *Кутузовъ* не зналъ о походѣ тѣхъ полковъ. Онъ зналъ, но молчалъ о томъ, чтобы нечаянность распространила и пріятное изумленіе и новое ободреніе духа. Такъ и сбылось. Появленіе *Ветерановъ* Донскихъ было праздникомъ въ станѣ Русскомъ. Начальники и рядовые

говорили другъ другу: *какъ не постоять намъ за себя; какъ не прогнать враги? И старики Донскіе поднялись!*

Нѣкоторыя подробности о Генералѣ Дохтуровѣ.

26 Августа 1812 года, въ день достопамятной битвы Бородинской, Дохтуровъ начальствовалъ сперва серединою войскъ, а потомъ лѣвымъ крыломъ. Учинясь преемникомъ Князя Багратіона, оставившаго поле сраженія за раною, поддержалъ онъ славу его и усугубилъ сіяніе своихъ подвиговъ. Вскорѣ по прибытіи на лѣвое крыло, Дохтуровъ получилъ отъ Князя Кутузова записку, чтобы держался до тѣхъ поръ, пока не будетъ повелѣнія къ отступленію (*). Оживотворялась любовью къ Отечеству, честью и долгомъ, Дохтуровъ былъ вездѣ, гдѣ была опасность. Ободряя примѣромъ своихъ воиновъ, онъ го-

(*) *Записка писанная карандашемъ.*

ворилъ: »За нами Москва, за нами мать Русскихъ городовъ!« Смерть, встрѣчавшая его почти на каждомъ шагу, умножала рвеніе и мужество его. Подъ нимъ убили одну лошадь, а другую ранили. На грозномъ поприщѣ смерти Провидѣніе охраняетъ Героевъ въ то самое время, когда они, опрекаясь отъ самихъ себя, полагаютъ жизнь свою въ жизни и славѣ Отечества. Дохтуровъ *одинадцать часовъ* выдержалъ сильный и необычайный напоръ Французскихъ войскъ; онъ могъ сказать по всей справедливости: *я видѣлъ своими глазами отступленіе непріятеля, и полагаю Бородинское сраженіе совершенно выграннымъ.* Это слова *Дохтурова.* Относя все къ другимъ; онъ молчалъ о себѣ. Скромность была съ нимъ не разлучна.

12 Октября 1812 года Дохтуровъ отмстилъ Наполеону за пепелъ Москвы, любезной его сердцу: онъ первый встрѣтилъ Французовъ подъ *Малымъ-Ярославцемъ;* первый вступилъ съ ними въ бой; *тридцать шесть часовъ* удерживалъ ихъ отъ упорныхъ покушеній ворваться въ полуденныя области Россіи. Семь разъ штыки Русскіе наносили врагамъ смерть и пораженіе; но силы ихъ,

непрестанно умножавшіяся, угрожали новою опасностью. При одномъ отчаянномъ натискѣ, Дохтуровъ воскликнулъ: *Наполеонъ хочетъ пробиться; онъ не успѣетъ, или пройдетъ по трупу моему!* Штыки и груди воиновъ, одушевленные голосомъ *отца - Начальника*, удержали стремленіе враговъ до прибытія подкрѣпленія. *Малой - Ярославецъ* сдѣлался вѣнцемъ славы Дохтурова, и грудь его украсилась Орденомъ Святаго Георгія второй степени.

Въ то уже время, когда Дохтуровъ уклонился съ поприща службы, сослуживцы его, сохраняя живое воспоминаніе о подвигахъ его подъ *Малымъ-Ярославцемъ*, препроводили къ нему слѣдующее письмо чрезъ Генерала Капцевича:

»Третій корпусъ, служившій съ честію и славою подъ вашимъ начальствомъ въ знаменитую 1812 года *кампанію*, подноситъ чрезъ меня Вашему Высокопревосходительству въ знакъ признательности шабакерку съ изображеніемъ подвига вашего при *Малоломъ - Ярославцѣ*, и проситъ принять оную, какъ памятникъ признательности.«

Путевыя мои записки съ семействомъ 1812 года.

Горбатовъ.

Въ числѣ выходцевъ изъ Смоленска, вспрѣтилъ я въ *Горбатовѣ* и родственниковъ, которые до пріѣзда моего познакомились съ семействомъ моимъ. Повторяю и здѣсь, что въ переселеніи тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года, жизнь душевная и возобновлялась и обновлялась. За потерю имущества и разореніе, услаждались сердечными свиданіями и напоминаніями о счастливыхъ дняхъ родственныхъ. Тутъ сердце и мысли вызывали всѣхъ и все; въ разговорахъ задушевныхъ быстро улетало время.

Изъ *Горбатова* переходъ полку, составившему въ запасномъ войскѣ Князя Д: И: *Лобанова*, назначенъ былъ сперва въ село *Павлово*, а потомъ въ городъ *Арзамасъ*.

Свиданіе съ семействомъ вывело мысли мои изъ оковъ тяжкой скорби. Снова судьба Отечества заняла всю душу мою. Во весь переѣздъ отъ *Горбатова* до села *Павлова*, по непривычкѣ моей къ каретѣ и по охотѣ къ прогулкѣ, я шелъ пѣшкомъ. Ока, Волга и

событія минувшаго, напоминали о тѣхъ временахъ, когда Россія стонала подъ вѣковымъ игомъ *Монголовъ* или *Татаръ*. Но, думалъ я: какъ исчезла *Орда Золотая*, попрасавшая Царства и порабощавшая народы? Кто сдвинулъ ее съ лица земли Русской? *Одна* земля Русская безъ помощи заемной. Тяжело было Россіи и 1612 года: но кто и когда вышѣснилъ сопротивниковъ и очистилъ Москву Москвою? *Одни* Русскіе Слѣдственно сила Отечества — въ Отечествѣ. Римъ ускорилъ паденіе свое захватомъ обладанія всемірнаго; онъ когда палъ подъ сѣкирами дикарей, когда силѣ нравственной не на что было опереться въ обширномъ разгромѣ Римскаго владычества и когда имя Римлянъ, нѣкогда изумлявшее народы, превратилось въ оглашеніе уподленія духа, корысти, лжи и разврата. « — »Много прибавлялъ я въ мысляхъ моихъ; доставалось мнѣ за такіе возгласы, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Но если возвращусь въ Москву, то опять примусь за тоже. Совѣсть моя удостовѣряетъ меня, что я былъ правъ въ моихъ предчувствіяхъ. Пусть заглянутъ въ книжки Русскаго Вѣстника отъ 1808 до половины 1812 года; я шелъ одною дорогою; теперь передъ нами раскинулось много дорогъ. Но и у Провидѣнія много

своихъ пушекъ: оно не разъ спасало Россію Россіей.«

Село Павлово.

Въ такихъ и подобныхъ этому разсужденіяхъ, я дошелъ, а мои доѣхали до села *Павлова.* Россія — край дивный! Взгляните на это село; какіе красивые домы каменные съ садами и со всѣми привольями жизни; а это все на роскошномъ берегу *Оки*, обогащающей прибрежныхъ жителей. И какіе жители! На лицахъ — цвѣтетъ здоровье; въ домахъ — изобиліе. Тутъ не встрѣтите ни одного нищаго. А вотъ отъ чего? Благодаря умной, дѣятельной промышленности мужей своихъ, жены богатыхъ поселянъ или купцевъ, (какъ угодно назовите), сами на себя не работаютъ. »У насъ, говорили они намъ: свое дѣло. Мы смотримъ за дѣтьми и за домашнимъ обиходомъ; а одежду и все прочее заготовляютъ для насъ наши бѣдные. Намъ нѣтъ въ семьѣ помѣхи, да и они кормятъ свои семейства; отъ того

никто и не шатается по чужимъ сторонамъ.« А когда жены зажиточныхъ мужей выѣдутъ въ праздничные дни для прогулки; какіе шѣлогрѣи; какіе головныя уборы! кипятъ бисеромъ и жемчугомъ. Это и село и городъ; и, должно прибавить, что шушъ, жиндели, занимающіеся желѣзнымъ издѣльемъ, заготовляли все нужное для исправности ружей. За работу запроса и въ поминѣ не было; спрашивали только: *что надобно? что нужно?*

Я стоялъ въ домѣ чрезвычайно зажиточнаго поселянина или купца. Старикъ, отецъ его, человѣкъ весьма грамотный въ *старинѣ*, любилъ заводить со мною преніи. Иногда соглашался; а иногда приговаривалъ: *оно бы и такъ! да, дай сердцу волю; такъ и заведетъ въ неволю.*

Москва, старинная очаровательница духа Русскаго, и въ пожарныхъ развалинахъ своихъ, отовсюда манила къ себѣ мысли. Изъ села *Павлова* непрестанно летали въ нее расторопные гонцы за вѣстями. Тутъ услышалъ я вѣсть о выходѣ изъ Москвы полковъ Наполеоновыхъ. Разказъ былъ слѣдующій:

»Отрядъ Генерала *Винценгероде*, находившійся сперва въ *Клину*, и потомъ сблизившійся къ Москвѣ; Октября 12-го вступилъ

въ Москву. Остановя отрядъ на *Тверской*, Генералъ поскакалъ къ Иверской Божіей Матери для переговоровъ; но его захватили и привели въ Кремль къ Маршалу *Мортье*. Нашъ Генералъ жаловался за задержаніе его вопреки законовъ войны. Маршалъ отвѣчалъ: »дѣлать нечего? Я долженъ спасать своихъ. Отсутствіе ваше приведетъ вашихъ въ недоумѣніе; а я, между тѣмъ, выйду съ моими безопасно.« При взрывѣ подъ Кремлемъ, Маршалъ двинулся въ походъ въ Калужскую заставу на Воробьевы горы и далѣе.

Приписка.

Удивительный жребій, прибавляю здѣсь, ожидалъ и Маршала Мортье. Онъ вышелъ изъ Москвы; прошелъ подъ зимними бурями за рубежа Россіи, и въ роковой часъ палъ на сапогахъ Парижскихъ при мирномъ осмотрѣ войскъ; палъ отъ руки *Фіески*, который также былъ и въ Россіи и въ пожарныхъ развалинахъ Москвы. Что за переходы въ нашемъ вѣкѣ!

Обращаясь къ разказу. Взрывъ части Кремля, былъ въ сожженной Москвѣ, ужаснымъ часомъ свѣта преставленія. »Но,

очевидцы говорили, что надъ Кремлемъ какой вдругъ зашумѣлъ проливной дождь, какъ будто бы надъ нимъ разразились облака. Соборы уцѣлѣли.«

Такъ говорилъ гонецъ села Павлова; тоже слышалъ я отъ иностранцевъ, останавшихся въ Воспитательномъ Домѣ.

А вотъ, что сказано было о *Кремлѣ* въ вѣдомостяхъ заграничныхъ.

»Кремль приказано подорвать. Герцогъ *Тревизскій* взорвалъ его на одиннадцатое число Октября. Арсеналъ, казармы, магазейны, все было истреблено. Древніе чертоги Кремлевскіе *были* и ихъ *нѣтъ!* (*)

Вскорѣ разнеслась молва и о взрывѣ стѣнъ Смоленскихъ Маршаломъ *Неемъ*.

Приписка.

И тутъ не льзя не подивиться превратности жребія человѣческаго! *Ней*, произведенный Наполеономъ Княземъ *Москворѣцкимъ*;

(*) *Вѣдом: Д: Уст: Ельбскихъ* No 188.

Ней, (по замѣчанію Кутузова) забытый Наполеономъ въ Смоленскѣ; Ней, подорвавшій часть стѣнъ Смоленскихъ; Ней, при второмъ возвращеніи Людовика осмнадцатаго, разстрѣлянъ былъ на улицахъ Парижскихъ! Бородино, Москва, Смоленскъ, Парижъ; Ней, Князь Московорѣцкій — и Ней разстрѣленный въ Парижѣ; что это такое? Это и въ *романѣ* почлось бы преувеличеннымъ *романтизмомъ*. Древность повѣствуетъ, что когда трагикъ *Еврипидъ*, пылавшій страстію къ Философіи, въ одномъ изъ храмовъ Аѳинскихъ отыскалъ Философическое сочиненіе *Праклида Телнаго*, Сократъ, пробѣжавъ рукопись, сказалъ: »что понимаю, то хорошо; спасться можетъ хорошо и то, чего не понимаю; но, чтобъ изслѣдовать эту мысленную бездну, надобно также искусно нырять, какъ рыбаки Делосскіе ныряютъ въ пучину морскую.«

Но ни въ какой *безднѣ времени* не утонетъ дивная лѣтопись тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года; дивная по *началу* и *послѣдствіямъ*. А пока длань вѣковъ не раскроетъ ее вполнѣ предъ очами вселенной; спросимъ: къ чему было въ девятнадцатомъ столѣтіи мстить *каменямъ* за ошибки людей? Кремль ли виноватъ, что Наполеону, по увѣренію

Прадта, не удалось 1812 выжечъ Тулы и стѣны ли Смоленска виноваты, что онъ не остановился въ немъ, чтобы, по общему погданнему мнѣнію, смотрѣть оттуда на Европу и угрожать Россіи?

Выходъ изъ села Павлова.

Выходъ запаснаго полка изъ *села Павлова*, былъ новымъ торжествомъ духа народнаго. Всѣ ружья исправлены были Павловскими работниками желѣзныхъ издѣлій; всѣмъ рядовымъ розданы были рукавицы и все нужное для охраненія отъ зимнихъ непогодъ. Дары гостепріимные и *хлѣбъ—соль* провожали полкъ отъ села *Павлова* до города *Арзамаса*.

Арзамасъ.

Въ слѣдъ за полкомъ отправился и я съ семействомъ моимъ въ городъ *Арзамасъ*. Приближаясь къ Арзамасу, глазамъ моимъ

представился, какъ будто бы новый *Кремль*. Зодчество башенъ, сліяніе красокъ, а еще болѣе волшебство воображенія, выводили подорванный *Кремль Московскій* изъ могильныхъ его развалинъ. Тамъ гулялъ я каждый день, оттуда мелькалъ въ глазахъ моихъ *Кремль Арзамасскій*, оживляя *Кремль Московскій*.

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!“

1812 года это высказывалось не въ одномъ *Русскомъ Вѣстникѣ;* а вездѣ.

Въ порывѣ усердія *Арзамасъ* не уступалъ ни одному изъ городовъ Русскихъ. Тогда Градскимъ Головою былъ Иванъ Алексѣевичъ *Поповъ*. У него умъ основательный и сердце нѣжное и сострадательное. Я говорю *у него* въ настоящемъ времени, желая, чтобы онъ былъ живъ и разцвѣталъ жизнію. Часто, очень часто судьба не щадитъ и лучшихъ изъ людей! Смерть, какъ будто бы избравъ въ цѣломъ городѣ *особенною* жертвою семейство добродѣтельнаго гражданина, поразила истребительною косою и супругу его и дѣтей; но не исторгла изъ души его любви къ страждущему человѣчеству. Въ воспоминаніе душевныхъ друзей своихъ, благодушный Градскій Голова Арзамасскій устроилъ *во-*

первыхъ: домъ для училища; *вовторыхъ:* страннопріимный домъ для бѣдныхъ; *въ третьихъ:* пріютъ сиропитательный. Въ тоже время общимъ рвеніемъ гражданъ Арзамазскихъ, сооружался велелѣпный Соборъ. При бурѣ нашествія, поражавшаго Россію, пожертвованія частныя сливались съ общими. Длань Русская, движимая душою, готова была все отдать отечеству.

Въ Арзамасѣ встрѣтилъ я Полковника *Бобаедова,* пришедшаго туда до насъ съ прочими запасными полками Князя Д: И: *Лобанова.* Въ лицѣ Полковника обнялъ я избавителя моего семейства.

Вотъ какъ это было:

Карета наша прибыла къ одной переправѣ, наскоро сдѣланной на *Окѣ.* Я сказалъ уже, что семейство мое присоединясь къ войску въ *Егорьевскѣ,* не отлучалось отъ него. Братъ мой *Иванъ Николаевичъ* совѣтывалъ женѣ моей выждать переправу всего войска, чтобы потомъ спокойнѣе переправиться. Но какъ шатки бываютъ предосторожности человѣческія и въ большомъ и маломъ объемѣ существованія нашего! По какому-то сердечному побужденію жена моя рѣшилась переправиться до удаленія войска и это спасло ее. Берегъ былъ крутой; вѣтеръ пронзи-

пельный бушевалъ надъ рѣкою. Нельзя было выпити изъ кареты съ младенцемъ, едва дышущимъ. И такъ сидя въ ней съѣхали на плотъ и вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, задніе колеса скатились съ плота и увлекали за собою карету. Грозила гибель неизбѣжная. Но тутъ былъ Полковникъ *Бобаедовъ*. »Ребяпа! закричалъ онъ полку; спасайте карету!« Быспро нѣсколько человѣкъ бросились въ воду; воскликнули: *братцы! дружнтье!* и въ одно мгновеніе поспавили карету на плотъ. Не стану повторять сердечнаго изліянія при свиданіи съ избавителемъ моего семейспва. Скажу только, что во времена рыцарскія, Полковникъ *Бобаедовъ* шелъ бы по спопамъ *Боярдовъ*, чиспыхъ славою и душою. Съ умомъ просвѣщеннымъ соединялось въ немъ сердце, полное ипѣхъ опущеній, которыя вездѣ дарятъ жизнь новою жизнію. Совершалъ онъ полетъ съ Суворовымъ на цвѣтущихъ поляхъ Италіи и на грозныхъ вершинахъ Альпійскихъ. Страстно любилъ онъ Героя своего, но и говоря о *Кутузовѣ*, прибавлялъ: »Михайла Ларіоновичъ не выдастъ ни себя, ни славы Русской. Досадно, что я попалъ въ полки запасные: что дѣлать? Дойдетъ очередь и до насъ. Мы гонимъ *Наполеона;* а онъ по-

ведетъ насъ за собою. Будемъ и мы въ числѣ его провожатыхъ. Суворовъ *обвивалъ* славою штыки Русскіе въ странѣ древнихъ Римлянъ; кажется, что они въ сіяніи той же славы блеснутъ и въ предѣлахъ древней *Галліи.* Наша запасная *молодежъ* не уступитъ полкамъ дѣйствующимъ. Духъ Русскій скоро обспрѣливается и созрѣваетъ подъ свистомъ пуль и градомъ картечнымъ.«

Думаю, что великодушнаго Полковника нѣтъ въ живыхъ. Онъ уже 1812 года богатъ былъ и лѣтами доброй жизни и ранами. Но доколѣ не кончится наше земное странствіе, онъ будетъ жить въ сердцахъ моего семейства.

Въ Арзамасѣ прочитали я первое печатное извѣстіе объ освобожденіи Москвы отъ плѣна нашествія. Въ тѣхъ же Московскихъ Вѣдомостяхъ помѣщенъ былъ и рескриптъ, данный мнѣ за любовь къ отечеству, за дѣянія и сочиненія. Я пламенно любилъ отечество; но еслибъ 1812 года и не горѣла бы эта любовь въ сердцѣ моемъ, то она запылала бъ отъ жаркихъ и повсемѣстныхъ проявленій самоотреченія; и — признаюсь, что *вѣсть о Москвѣ* заполонила во мнѣ все то, что могло мнѣ напомнить о личности моей.

*

Въ источникѣ любви общей — жизнь отечества и человѣчества.

Генералъ Маіоръ Бенкендорфъ, первый Начальникъ Полиціи и Комендантъ въ освобожденной Москвѣ.

Въ стѣнахъ Москвы, поверженной въ развалины могильныя, первымъ Начальникомъ *Полиціи* 1812 года въ Октябрѣ мѣсяцѣ, былъ Генералъ Маіоръ *Бенкендорфъ*. Когда же пріѣхалъ П: А: Ивашкинъ, прежній Московскій Оберъ Полицеймейстеръ, Генералъ *Бенкендорфъ*, поступилъ на чреду Московскаго Коменданша. Такимъ образомъ, подъ руководствомъ его въ Москвѣ, около двухъ мѣсяцевъ, утратившей общественное бытіе, началъ возобновляться и гражданскій и воинскій распорядокъ (*).

Дѣйствуя съ небольшимъ отрядомъ между *Волоколамскомъ* и *Можайскомъ*, Полковникъ *Бенкендорфъ*, на поприщѣ подвиговъ своихъ, поступилъ въ Генералъ Маіоры. Не-

(*) См. Военныя извѣстія 1812 года, стр. 167.

большіе отряды его захватывали въ плѣнъ сильные отряды непріятелей и слухъ объ успѣшныхъ его дѣйствіяхъ одушевлялъ поселянъ къ составленію земскихъ дружинъ. Одинъ изъ его отрядовъ, подъ начальствомъ Подполковника *Чернозубова* осьмаго, доходилъ до самой Смоленской дороги за осмнадцать верстъ къ городу Гжатску и къ Колоцкому монастырю, гдѣ былъ Французскій гошпиталь, учрежденный особенно для раненыхъ подъ *Бородинымъ*. Битва *Бородинская*, прогремѣвшая въ исходѣ Августа, какъ будто бы продолжалась еще и въ исходѣ Сентября. Голодъ свирѣпствовалъ въ Москвѣ, и по свидѣтельству плѣнныхъ, голодъ и въ гошпиталѣ похищалъ каждый день по сту пятидесяти жертвъ, завлеченныхъ Завоевателемъ въ Россію, гдѣ опѣ на каждомъ шагу встрѣчали отраженіе и погибель.

Освобожденіе изъ плѣна Барона Винценгероде, захваченнаго въ Москвѣ Французами.

Il faut connoître les temps, les lieux, les hommes et les choses.

(Paroles de Napoléon!)

Между тѣмъ, когда въ Москвѣ возникало новое существованіе, на другомъ концѣ Россіи предстояла необходимость въ открытіи сообщенія между *Молдавскою* арміею и корпусомъ Графа *Витгенштейна.* Важный этотъ подвигъ порученъ былъ Полковнику *Чернышеву.* Готовясь для общей пользы двухъ армій и для отечества, борошься съ трудностями дальняго пути, простиравшагося на триста пятьдесятъ верстъ; зная, что ему надобно и пробиваться и уклоняться отъ непріятеля: *Чернышевъ* взялъ съ собою одинъ только козачій полкъ. Неусыпная внимательность и зоркая осторожность въ четверо сутокъ открыли ему путь къ корпусу Графа *Витгенштейна.* Въ продолженіи отважнаго и искуснаго перелета своего, *Чернышевъ* выручилъ изъ рукъ непріятеля Барона *Винценгероде,* (*) не взятаго, но захваченнаго въ плѣнъ Французами. Правилъ такой *тактики* нѣтъ въ обыкновенныхъ книгахъ: эта тактика истекаетъ изъ мысли, знающей время, мѣсто, людей и обстоятельства.

(*) Въ тоже время выручены были изъ плѣна Генералъ Маіоръ *Сысоевъ* и другіе.

АЛЕКСАНДРЪ Первый въ Вильнѣ.

Въ дивный 1812 годъ всѣ событія шли путемъ дивнымъ. Подъ бурею нашествія, огромлявшею наше отечество; въ нѣдра его стекался миръ съ различныхъ сторонъ. Августа *пятаго* подписалъ Александръ Первый *миръ* съ Турціей; Сентября двѣнадцатаго утвердилъ онъ дружественный договоръ съ Испаніей; а Ноября седьмаго, какъ будто бы къ увѣнчанію рѣшительной побѣды, прогремѣвшей шестаго Ноября подъ *Краснымъ*, воспослѣдовалъ манифестъ о союзѣ съ Англіей. Такимъ образомъ со времени отбытія отъ войска, Александръ возвращался къ нему съ обильными пальмами мира, чтобы присоединить ихъ къ лаврамъ, пожатымъ въ отечествѣ за отечество и Декабря десятаго прибылъ въ Вильну. Поэтъ нашъ В: А: *Жуковскій*, и при изнеможеніи здоровья своего, не разлучаясь съ знаменами военными, находился тогда въ *Вильнѣ*. Обращаясь въ посланіи своемъ къ Государю, онъ сказалъ:

„Сколь намъ величествененъ Ты, Царь, тогда предсталъ,
Сжимающій вождю въ виду полковъ десницу
И сларца на свою ведущій колесницу...“

Учрежденіе въ Санктпетербургѣ Патріотическаго Общества.

А между шѣмъ на берегахъ Невы, подъ покровительствомъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны, учреждалось *Женское Патріотическое Общество.* Многія изъ матерей, супругъ и дочерей вступили на новое поприще благотворенія. Горестно было страдываніе семействъ, скитавшихся далеко отъ родныхъ своихъ пепелищъ, но съ береговъ Невы свѣтила имъ та утѣшительная заря надежды, что для дочерей, что для оставшихся сиротъ милосердіе и вниманіе къ человѣчеству устроили убѣжище.

Различныя извѣстія.

Декабря 12 въ день рожденія Своего Александръ Первый изрекъ прощеніе возвращеннымъ отъ Польши областямъ. Въ тотъ день, Онъ подарилъ Себя шѣмъ, что

всего дороже для души благородной: Онъ подарилъ Себя подвигомъ любви и милосердія. Замѣтимъ и здѣсь, что Наполеонъ, придерживаясь мысли Генриха IV, касательно Россіи, придерживался и политики Людовика XIV, касательно Польши. При Наполеонѣ Епископъ *Прадтъ* дѣйствовалъ въ Варшавѣ, а при Людовикѣ XIV Аббатъ Полиньякъ. Подстрекая Короля къ захвату Польши, *Кольбертъ*, министръ доходовъ Государственныхъ, писалъ къ нему въ армію: »Должно сберегать и пять копѣекъ для необходимаго, а расточать милліоны, тамъ, гдѣ идетъ дѣло о славѣ вашей. Я сержусь на пустой обѣдъ, стоившій тысячу червонныхъ; но для завоеванія Польши, продамъ все имущество мое, заложу жену и дѣтей: радъ во всю жизнь ходить пѣшкомъ. Вы, Государь! конечно извините этотъ порывъ душевный (*).«

Въ день Декабря двадцать пятаго, торжественно возвѣщено, что нѣтъ уже ни одного врага въ предѣлахъ Россіи.

1805 года въ первый годъ состязанія Русскихъ войскъ съ полками *Завоевателя* Императоръ Александръ вѣщалъ: »Любовь

(*) Исторія Французской Монархіи часть I, стр. 117.

народа составляетъ для Меня единственный предметъ, начало и конецъ всѣхъ Моихъ дѣйствій.«

»Любовь народа призывалъ Александръ Первый и любовь народная громко откликнулась въ бурныя дни нашествія и одарила его любовью.

Продолженіе путевыхъ записокъ.
Выѣздъ изъ Арзамаса.

Подъ бурями зимы суровой; зимы, которая, какъ будто бы нѣсколько лѣтъ зараждалась въ сокровенной храминѣ вьюгъ и мятелей: выѣхалъ я изъ Арзамаса.

Ужасная година поражала тогда *нашествіе!* Содрогается сердце отъ одного напоминанія о тѣхъ бѣдственныхъ дняхъ. Такой скорби никогда не было на лицѣ земли. Не было и такого Завоевателя, какой явился въ девятнадцатомъ столѣтіи. Ужасно было бѣгство горестныхъ его жертвъ! Уныло и мы, странники тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года, скитались въ Отечествѣ.

Ужасно было бѣгство изъ Россіи и для нашествія и для жителей Россіи. Отъ прихода плѣнныхъ и въ предѣлахъ *Нижегородскихъ* зараждались болѣзни повальныя. А что было въ Смоленскѣ и въ уѣздахъ его! Горе было тому, кто прикасался или къ добычѣ или къ плѣнному. Смерть морозная вездѣ встрѣчала Наполеоновы полки; а за ними смерть плѣнворная пожинала жертвы свои. Едва новая бѣда не постигла и семейство мое. Мы съѣзжали съ одной горы, а съ другой быстро мчавшіяся зимнія повозки, задѣли одну изъ нашихъ кибитокъ и опрокинули. Я ѣхалъ впереди въ открытыхъ саняхъ. Увидя паденіе повозки, стремглавъ бѣгу туда и кричу: *всѣ ли живы?* Одинъ Богъ спасъ младенца нашу дочь, которая едва не погибла подъ опрокинувшеюся повозкою. Сколько разъ надъ младенческою ея колыбелью вилало злоключеніе! То брошена она была кормилицею; то смерть предстояла ей въ волнахъ *Оки;* то гибель угрожала на скатѣ горы.

Дорогъ и младенецъ!

А между тѣмъ по областямъ Европейскимъ разлеталась гробовая вѣсть, изреченная завоевателемъ: *пѣхота потеряна! пушки растеряны! конница погибла!*

И сколько излилось слезъ! Сколько раздавалось рыданій! Сколько изрывалось могилъ

Владиміръ.

Отъ несперпимой стужи мы принуждены были дни на три остановиться во *Владиміръ*. Тутъ познакомился я съ тамошнимъ гражданскимъ Губернаторомъ Авдѣемъ Николаевичемъ *Супоневымъ*. Его уже нѣтъ на свѣтѣ. Не былъ онъ на полѣ битвъ; но воевалъ за Отечество самоотреченіемъ. Къ поддержанію духа народнаго и къ успокоенію жителей отъ всякой шаткой молвы, онъ самъ объѣзжалъ уѣзды и лѣсныя селенія. Въ это трудное время запали въ грудь его сѣмена недуга смертельнаго. Онъ принялъ живѣйшее участіе въ семействѣ моемъ и первый подписался на Русскій Вѣстникъ 1813 года.

Миръ праху его!

Богородскъ.

Въ день двадцать пятаго Декабря; въ тотъ самый день, когда на снѣжныхъ равни-

нахъ Россіи исчезъ послѣдній слѣдъ нашествія: пріѣхалъ я съ семействомъ въ *Богородскъ*, въ окрестностяхъ котораго мѣсяца за три передъ тѣмъ стоялъ Маршалъ *Ней*. А за чѣмъ? Объ этомъ можно спросить и по распоряженіямъ *тактическимъ;* и онѣ скажутъ: за тѣмъ только, что вездѣ были погони и вездѣ было недоумѣніе.

Въ *Богородскѣ* семейство мое остановилось въ домѣ добраго Городничаго, а я пустился въ Москву для обозрѣнія, гдѣ можно пріютиться на пожарномъ ея пеплѣ.

Что чувствовалъ я при въѣздѣ въ могилу пожарную? Не высказываю и высказать не могу. Въ послѣдствіи взглянемъ на эту картину. А здѣсь упомяну только, что отыскавъ пріютъ для семейства, я тотъ часъ схватилъ перо и написалъ рѣчь въ воспоминаніе воиновъ, павшихъ на родныхъ поляхъ.

Вотъ изъ нее отрывокъ.

»Вмѣстѣ со слезами, лію щимися на пеплѣ Первопрестольнаго Русскаго града, лію тся слезы и на вашъ прахъ, великодушные Русскіе воины! Скорбь оковала бы уста, но благодарность оживляетъ сердце, мысли и душу. Если мы насладились еще радостнымъ свиданіемъ съ супругами; если мы насладились взорами и улыбкой скитавшихся

нашихъ младенцевъ; если ступаемъ еще по родной землѣ и дышемъ воздухомъ, очищеннымъ отъ бѣдоноснаго нашествія: вамъ, вамъ обязаны тѣмъ, мужественные защитники Отечества! Ваша вѣра и вѣрность спасли насъ отъ плѣна и оковъ.

»О стыдъ Европы *нынѣ-просвѣщенной!* Какими мрачными чертами въ лѣтописяхъ всемірныхъ изобразится неблагодарность ея народовъ къ сынамъ Россіи! Давно ли Русскіе воины, въ различныхъ Европейскихъ странахъ проливали кровь за независимость, за собственность ихъ жителей? . . . Лилась кровь Русская на песчаныхъ берегахъ *Голландіи;* обагрились Русскою кровію цвѣтущія долины *Италіи;* на ледяныхъ вершинахъ, на каменистыхъ утесахъ *горъ Альпійскихъ*, подъ мрачными и громовыми тучами парили орлы Россійскіе; гремѣлъ громъ Россіянъ, сверкала ихъ молнія, и тамъ, съ неугасаемою славою сыновъ полночи, багрѣетъ кровь Русская, — кровь единственныхъ въ мірѣ воиновъ, которые съ такою же вѣрностію защищали чужіе предѣлы, съ какою сражаются за безопасность родныхъ странъ.

Жители *Голландіи, Италіи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи!* вы зрѣли Русскихъ воиновъ, пришедшихъ не для себя, но для васъ;

вы ихъ приглашали; вы поручали имъ свое спасеніе; вы видѣли ихъ раны, ихъ смерть.... и вы, съ исполиномъ нашего вѣка возстали на родныхъ, на друзей, на браній вашихъ защитниковъ! На васъ самихъ ссылаемся: изъ странъ вашихъ принесли ли что-нибудь Русскіе воины, кромѣ печальныхъ вѣстей о браніяхъ, за васъ умершихъ?

Горестныя напоминанія! промелькните какъ сонъ мгновенный!«

»Мы не величаемся славою тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года: мы приносимъ чувствованія признательности на олтарь Провидѣнія, охранившаго Отечество. Русскіе не величаются силою побѣдоноснаго оружія; они рады, что имъ защищенъ край родной; и они льютъ слезы о бѣдствіяхъ, постигшихъ человѣчество.

»Не выставляю здѣсь ни одного изъ именъ сыновъ Россіи, сражавшихся за Россію и вѣнчавшихъ жизнь свою въ Отечествѣ смертію за Отечество. Всѣ имена ихъ слились въ сердцахъ нашихъ въ одно святое чувство; въ чувство — благодарности.

Васъ пѣтъ! . . .

„Но слава тѣхъ не умретъ,
Кто за Отечество умретъ;
Она такъ въ вѣчности сіяетъ,
Какъ въ морѣ ночью лунный свѣтъ (*)."

(*) *Державинъ.*

КНИГА ШЕСТАЯ.

Общій взглядъ на тысяча восемь сотъ двѣнадцатый годъ. — Проявленіе 1812 года. — Четыре періода 1812 года. — Войско. — К: Багратіонъ. — Раевскій. — Васильчиковъ. — Платовъ. — Графъ Остерманъ - Толстой. — Коновницынъ. — Народъ. — Дѣйствія духа народнаго. — Причины почему главная битва не состоялась подъ Витебскомъ. — Графъ П: П: Палинъ. — Трехдневныя битвы на Двинѣ 18, 19 и 20 Іюля. — Я: П: Кульневъ. — Оставленіе Смоленска. — Третій періодъ 1812 года.

Проявленіе событій 1812 года.

Въ исходѣ 1806 года, оружіе завоевателя, угрожавшее рубежамъ Россіи, пред-

вѣстило 1812 годъ. Громоносная его колесница коснувшись рубежамъ, рано или поздно должна была прорваться внутрь нашего Отечества. Такъ думали наблюдатели иногданихъ обстоятельствъ. Но и какой урокъ предсталъ иногда завоевателю! По воззванію Александра *Перваго* возникло ополченіе *Земскихъ войскъ*. Шесть сотъ тысячъ земледѣльцевъ отъ *сохи* перешли къ *оружію*. Золото, серебро, вещи драгоцѣнныя отовсюда лепѣли на олтарь Отечества. Доходили о томъ вѣсти до *Наполеона;* онъ изумлялся и — едва вѣрилъ.

Въ политической картинѣ 1805 года и первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1806 года, сказано было: »несправедливо думаютъ будто бы для укрощенія властолюбивыхъ порывовъ завоевателя, всегда и во всякомъ случаѣ нужно по *пяти сотъ тысячъ войскъ*.« Заграничные политики угадали, что въ Россіи и кромѣ существующихъ войскъ, найдутся новыя силы.

Миръ *Тильзитскій* былъ временнымъ перемиріемъ. *Наполеонъ* часъ отъ часу болѣе усиливался полками разноплеменными; а Россія, отыскивая въ нѣдрахъ своихъ родныя пособія, въ лоно *девятнадцатаго* вѣка призывала на помощь *семнадцатое* столѣтіе.

Около того времени производилась подписка на памятникъ *Гражданину Минину* и *Князю Пожарскому*. Память доблестей завѣтныхъ воскресала въ душахъ всѣхъ сословій и приготовляла духъ Русскій на великіе подвиги за Отечество. Наступилъ новый *тысяча восемь сотъ двѣнадцатый годъ*; наступилъ, повторимъ и здѣсь: ровно черезъ *два* столѣтія; загремѣли имена *Минина* и *Пожарскаго*, и, какъ будто бы заслоня собою отъ насъ *осмнадцатое* столѣтіе, кликомъ призывнымъ разнеслись по обширнымъ предѣламъ нашего Отечества.

Тысяча восемь сотъ двѣнадцатый годъ раздѣляю на *четыре* періода.

Періодъ первый:

Распоряженія войскъ.

Періодъ второй:

Отбытіе Государя отъ войска и составленіе ополченій.

Періодъ третій:

Прибытіе Кутузова къ войску и оставленіе Москвы.

Періодъ четвертый:

Тарутино и далѣе.

Періодъ первый.

Войско.

Россія предприняла *войну оборонительную.* Наполеонъ ли увѣрялъ или за него увѣряли, что въ Отечествѣ нашемъ будетъ только *перегонъ людей*, (подлинное выраженіе смягчаю): не было перегона людей: войска Русскія сражались обороняясь, соединяясь по предварительному предначертанію и отступая, чтобы отступленіемъ и уступленіемъ пространства земли истомлять нашествіе. Не леталъ тогда и Наполеонъ молніей и не громилъ перуномъ внезапнымъ. Онъ ко всему присматривался и все старался сообразить. Тогда еще не пришла очередь и зоркому его взгляду *смотрѣть* и не *видѣть.* Но и тутъ не удалось ему отрѣзать ни одного отряда при соединеніи Русскихъ корпусовъ; а корпусъ *Дохтурова*, находившійся въ положеніи

запрудительномъ, къ двадцать первому *Іюню*, преодолѣвъ всѣ трудности вышелъ изъ опасности. Не зная или утаивая истину, заграничныя вѣдомости объ этомъ обстоятельствѣ, говорили слѣдующее: »Корпусъ Генерала Дохтурова *казался* отрѣзаннымъ; онъ встрѣчался съ колоннами *Карди, Сульта, Пажуля* и *Нансути*. Одно бурное волненіе природы, ополчившееся въ дождяхъ проливныхъ на полки Французской арміи, спасло корпусъ Русскаго Генерала (*).«

Въ Русскихъ *Военныхъ извѣстіяхъ* отъ Іюля *шестаго* изъ *Полоцка*, сказано: »Послѣ изложенныхъ успѣховъ, *первая армія* слѣдуетъ быстро лѣвымъ флангомъ къ *Полоцку*, соображая дѣйствія свои съ движеніями непріятеля. *Происшествія съ тѣхъ поръ не представляютъ никакой перемѣны со стороны военнаго положенія обѣихъ арміи* (**).

Военное положеніе армій, часъ отъ часу болѣе устремлялось къ цѣли своей. Арміи сближались; Графъ *Витгенштейнъ* защищалъ Псковскую дорогу.

Простой взглядъ на печатныя извѣстія *о военныхъ дѣйствіяхъ Россійской арміи про-*

(*) *См. Вѣд: бывшаго Депар: Уст: Ельбскихъ.*

(**) *Военныя извѣстія, стр.* 8.

тивъ Французовъ 1812 *года:* представитъ важное событіе. Бури нашествія бушевали въ Россіи около *семи* мѣсяцевъ, а извѣстія о томъ едва ли не цѣлою половиною превосходятъ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ 1813 и 1814 годовъ. На *триста тридцати шести страницахъ* отпечатанной печати, предложены *семимѣсячныя* извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ внутри Россіи. Такъ много и въ такой короткій срокъ, завоевателю девятнадцатаго столѣтія, скажемъ безъ оговорокъ: далъ *труда* и *работы* и войску и всему Русскому народу и всему нашему Отечеству.

Замѣтимъ также, что въ нашихъ извѣстіяхъ, (какъ увидимъ далѣе): явно и откровенно объяснялись и о главной *цѣли* движенія Русскихъ войскъ и о причинѣ уклоненія ихъ отъ *главной* битвы. Весьма вѣроятно, что всѣ извѣстія, помѣщаемыя у насъ въ различныхъ вѣдомостяхъ, были и въ рукахъ *Наполеона* и въ рукахъ его полководцевъ. Весьма вѣроятно, что ему могли въ точности переводить наши извѣстія: отъ чего же онъ не вѣрилъ имъ и отъ чего не предпринималъ надежныхъ мѣръ къ ниспроверженію заранѣе *предпринятыхъ и соображенныхъ движеній и дѣйствій Русскихъ войскъ?* Объ этомъ было

выше упомянуто въ обозрѣніи *Полководца — Бонапарта, затерявшагося въ Наполеонѣ — Завоевателѣ.*

Второй періодъ 1812 года.
Отбытіе Государя отъ арміи и составленіе ополченій.

Между тѣмъ полагаясь на Провидѣніе и на мужественный духъ войскъ Русскихъ, Александръ *Первый* явно и праводушно повѣстилъ объ общей опасности Отечества. Воззваніе Его одушевило сыновъ Россіи новымъ рвеніемъ и новымъ самоотреченіемъ. Довѣренность Царя воспламенила и войско и народъ. Началась новая жизнь Россіи, охранившая и удержавшая бытіе Отечества.

Войско и народъ.
Главныя военныя дѣйствія до Іюля пятнадцатаго.

Отъ Іюля *девятаго* снова повѣщено было, что соединеніе арміи есть главнѣйшій

предметъ всѣхъ движеній (*). Государь былъ въ пути къ побѣдамъ надъ сердцами народа; полки Русскіе мужественно сражались и непоколебимо стояли тамъ, гдѣ должно было или *стоять* или *умирать*, чтобы совокупнымъ оружіемъ и совокупными душами огромлять и разрушать нашествіе. Дивенъ былъ полетъ духа Полководцевъ Русскихъ! Іюля *девятаго* Раевскій изъ *Бобруйской* крѣпости вышелъ съ шестнадцатью тысячами; десятаго числа встрѣтился при *Дашковкѣ* съ первыми непріятельскими войсками, напалъ и опразднлъ на семь верстъ, до деревни *Султановки*. Тутъ стеклось до сорока тысячъ непріятелей, защищенныхъ рѣчкою и лѣсомъ; а къ этой твердынѣ пролегала только большая дорога, огражденная по сторонамъ деревьями, и обороняемая батареями. Безтрепетною мыслію сообразя очевидную опасность, *Раевскій* извѣщаетъ о томъ Князя Багратіона. Приказъ отъ него: *нападать!* Подъ тучею пуль и картечь, Русскіе идутъ по большей дорогѣ на явную смерть. *Раевскій* и *Васильчиковъ* быстро бросаются съ лошадей. Они въ рядахъ подъ огромленіемъ полковъ нашихъ. Непріятель усиливаетъ напоръ свой. *Раевскій* хватаетъ за руки двухъ

(*) *Военныя извѣстія.*

юныхъ сыновъ своихъ и восклицаетъ: *впередъ! ребята! Я и дѣти мои откроемъ вамъ путь!*

Посвящая одному изъ юныхъ сыновъ *Раевскаго*, своего *Кавказскаго плѣнника*, Пушкинъ сказалъ:

„Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.“

Полки Раевскаго одушевленные отцовскимъ его самоотреченіемъ, прилагаютъ *Платову* путь къ Смоленску, для соединенія съ первою арміею.

Въ тоже почти время, то есть Іюля *тринадцатаго*, Графъ *Остерманъ*, за болѣзнію Графа *Шувалова*, принявъ въ начальство свое *четвертый* корпусъ, опряженъ былъ для нападенія при *Островнѣ* на два соединенные Французскіе корпуса, предводимые *Мюратомъ* и Принцемъ *Евгеніемъ Богарне*. Нужно было прикрыть движеніе главной арміи и облегчить соединеніе ея съ арміею К: Багратіона. Яростно гремѣла непріятельская артиллерія и вырывала цѣлые ряды храбрыхъ полковъ Русскихъ. Трудно было перевозить наши пушки; заряды разстрѣлялись: онѣ смолкли. Спрашиваютъ Графа: *что дѣлать? Ничего*, отвѣчаетъ онъ: *стоять и умирать!*

Русскіе спояли непоколебимо и отстояли новый путь къ соединенію армій.

Часть войскъ непріятельскихъ порывалась на корпусъ *Дохтурова*, споявшій для наблюденія около *Бѣшковичей*. Хотя быстрыми движеніями Дохтуровъ замедлялъ ходъ его, но корпусу надлежало перейти *Двину*, чтобы соединиться съ арміей при *Витебскѣ* на лѣвомъ берегу рѣки. Необходимость требовала задержать и удержать непріятеля тамъ, гдѣ наканунѣ сражался Графъ *Остерманъ*. Дивизія *Коновницына* смѣнила корпусъ Графа Остермана. Цѣлый день горѣлъ бой упорный и пришадцатое Іюля, слилось съ четырнадцатымъ Іюлемъ въ день нераздѣльный; день новаго мужественнаго подвига полковъ Русскихъ. Получа приказаніе, *Коновницынъ* ночью двинулся на то мѣсто, гдѣ предложено было дать главное сраженіе (*).

Дѣйствія духа народнаго. Москва, Тверь, Новгородъ, Петербургъ.

До устроенія еще общаго Ополченія, Екатерина Павловна изъявила желаніе во-

(*) *Военныя извѣстія, стр.* 16.

оружить дружину на берегахъ *Волги*. А Іюля *пятнадцатаго* въ одинъ день, въ одинъ часъ, и на берегахъ Москвы рѣки и на берегахъ Волхова и на берегахъ Невы, гремѣлъ единодушный голосъ: *отдадимъ все! Готовы итти поголовно!*

Того же Іюля *пятнадцатаго*, когда Россія на родныхъ поляхъ своихъ возстала за Россію: *Тормасовъ* разбилъ сильный отрядъ *Саксонскихъ* войскъ и вытѣснилъ его изъ *Кобрина*, гдѣ за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ отдыхалъ *Суворовъ* отъ Италійскаго и Альпійскаго своего похода и гдѣ страдая на одрѣ болѣзни, сказалъ: »Семдесять лѣтъ гонялся я за славою: мечта! Покой души у Престола Всемогущаго!«

Причины почему славная битва не состоялась подъ Витебскомъ.

Не взирая на *частные* успѣхи полковъ Русскихъ, для общаго охраненія войска, Князь Багратіонъ по занятіи *Могилева*, перемѣня прежнее направленіе на *Оршу*, двинулся на

Мстиславль и *Смоленскъ*. А *Барклай-де-Толли* оставилъ главную битву подъ *Витебскомъ* и рѣшился итти къ Смоленску, куда Маршалъ *Даву* могъ устремиться со всѣми силами своими. Первая армія двинулась въ тотъ самый часъ, когда *арріергардъ* былъ въ жаркомъ сраженіи и совершала движеніе свое *передъ лицемъ непріятеля* (*). Прикрывая отступленіе, Графъ *Палевъ* каждый шагъ ознаменовывалъ мужествомъ, прозорливостію и блистательнымъ искуствомъ. Сильный, упорный бой кипѣлъ на берегахъ рѣчки *Лучесы*; главное войско въ стройной безопасности продолжало путь свой.

Трехдневныя битвы на Двинѣ 18, 19 *и* 20 *Іюля.*

Барклай-де-Толли велъ полки свои на берега *Днѣпра*, а на берегахъ *Двины* загремѣли битвы *трехдневныя*. Изъ нѣдръ нашествія *тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года*,

(*) Военныя извѣстія 1812 года, стр. 17.

въ имени одного изъ Французскихъ полководцевъ, какъ будто бы возраждался *тысяча семь сотъ девяносто девятый годъ* съ великими своими напоминаніями; тотъ полководецъ — *Макдональдъ*. На поляхъ Ипаліи, на берегахъ *Требіи*, громкой именемъ *Ганнибала — Кароагенскаго*, Макдональдъ *три дни* боролся съ Суворовымъ. До битвы *трехдневной* спѣшилъ онъ на помощь *Моро* и — не поспѣлъ; вождь полковъ сѣверныхъ предупредилъ его. На берегахъ *Двины*, по показанію плѣнныхъ, *Макдональдъ* спѣшилъ соединиться съ *Удино* и — не поспѣлъ. Одинакія событія проявились въ различныя времена. Но гдѣ *Требія* и гдѣ *Двина?* У завоевателя свой объемъ и размѣръ земнаго міра: міръ земной былъ — въ одной его мысли; въ мысли всесвѣтнаго обладанія. Нилъ, Іорданъ, Рейнъ, Неманъ для него — перелетъ мысли. Мысліо его убыстрялся и ходъ его полководцевъ. Слышно было, будто бы *Удино* сказалъ Наполеону: »поздравьте меня! вы не дойдете еще до Москвы: а я — въ Петербургѣ буду.« Мысль о *Невѣ* исчезла на берегахъ *Двины*. Три дни кипѣли битвы кровопролитныя.

Бѣжалъ *Удино*, заслоняя бѣгство свое лѣсами и сожигая мосты на рѣчкахъ. А въ полкахъ Русскихъ на второй день *Двинской*

битвы трехдневной, палъ незабвенный *Кульневъ*. Сказываютъ что за мигъ до смерти своей, опасаясь, чтобы трупъ его не былъ захваченъ въ плѣнъ, онъ сорвалъ съ шеи Георгія и бросилъ въ руки храбраго полка своего. Грозенъ былъ онъ въ бояхъ; но въ дни мирные былъ кротокъ — какъ добродѣтель. Грозно было лице его, затемненное густыми усами; но въ груди его билось сердце, дышавшее всѣми нѣжнѣйшими ощущеніями души человѣческой. Подъ знойнымъ небомъ Турціи и на громадахъ льдовъ Балтійскихъ, вездѣ побѣждалъ онъ и *саблею* и *любовью*. Онъ воспитывался въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ при Графѣ Ангальтѣ и по выходѣ оттуда, обрекъ себя доблести и *стоической* жизни *Суворова*. Въ чинѣ еще Маіора въ *Сумскомъ* гусарскомъ полку, онъ былъ душою полка. Нѣжный сынъ матери, обремененной семействомъ, онъ удѣлялъ ей половину своего жалованья: не жизнь, смерть, высказала эту тайну. Когда сослуживцы назывались къ нему на *солдатскій обѣдъ*, онъ говорилъ: »горшокъ щей и горшокъ каши готовы; а серебреныя ложки берите съ собою.« Въ бытность мою въ Сумскомъ уѣздѣ, я, сочувственникъ *Кульневу* по корпусному воспитанію; коротко ознакомился и съ по-

летомъ его мыслей и съ полетомъ прекрасной его души. Окинувшись плащемъ, современнымъ его службѣ и лежа на простой повозкѣ, онъ парилъ въ вѣкахъ съ *Плутархомъ* и *Тацитомъ*; творенія ихъ были неразлучными его спутниками. Не Римъ, окованный цѣпями *роскоши вселѣнной*; но Римъ *земледѣльческій*; Римъ *Цинцинатовъ* и *Фабриціевъ*, призракомъ радужнымъ виталъ передъ мысленными его очами. Называя бѣдность древняго Рима, *величіемъ Рима*; онъ прибавлялъ: *я умру въ величіи древнихъ Римскихъ временъ*. И онъ умеръ въ *величіи временъ*; въ величіи самоотреченія духа Русскаго. Поэтъ говоритъ:

„Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесь его могила.“

По сажень родной могилы приняла въ себя *пол-Кульнева*, обезноженнаго ядромъ роковымъ. Къ нему можно примѣнишь то, что сказано было о полководцѣ *Ранцо*:

»Du corps du grand Rantzo tu ne vois
qu'un départ.«

„Здѣсь храбраго *Ранцо* ты видишь половину:
Другую зрѣть, ступай! на Марсову равнину.“ (*)

(*) Переводъ *Захарова*.

„Заслуги въ гробѣ созрѣваютъ.“ (*)

Кульневъ былъ въ гробѣ, а память о добродѣтеляхъ его цвѣла и созрѣвала. Въ *осьмидневные* ночные поиски за Двиною (**), Кульневъ взялъ въ плѣнъ раненаго Французскаго Генерала *Сенъ-Женіе*. Услыша о смерти Кульнева, плѣнный Генералъ пролилъ слезы и сказалъ: »Русскіе лишились человѣколюбиваго героя; онъ платкомъ своимъ и собственною рукою перевязалъ рану мою. Oui! les Russes ont perdu le héros de l'humanité!«

По необычайному сближенію *двухъ двѣнадцатыхъ годовъ*, то есть 1612 и 1812: Англичане первые вызывались въ союзники Русскимъ. Въ первый *двѣнадцатый годъ* предки наши не приняли двадцати тысячъ Англичанъ, приплывшихъ въ Архангельскъ. Тогда Россія цѣлѣе была въ предѣлахъ своихъ и приморье Балтійское не было еще присоединено къ ней. Нашъ *двѣнадцатый годъ* требовалъ сугубой обороны: и на сушѣ и на волнахъ. 1812 года въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда въ Россіи бушевало нашествіе, а Россія ополчалась противъ нашествія, Англичане, при-

(*) *Державинъ.*

(**) Военныя извѣстія 1812 года, стр. 12.

зывая къ такому же подвигу и другія области Европейскія, говорили и мечтали: »Англія и Швеція, соединенныя твердымъ союзомъ, при сильномъ ополченіи Русскихъ, могли бы ободрить унылыхъ жителей Нѣмецкаго края. Швеція подкрѣпитъ ихъ войсками, Англія оружіемъ, деньгами и огнестрѣльными запасами. Мы не могли помочь Пруссіи 1806 года при *Енсколѣ* сраженіи; но теперь Балтійское море открыто.«

1812 года море не оглашалось громами военными. Но на рѣкѣ *Аѣ*, по распоряженію *Ессена*, дѣйствовали шесть Англинскихъ ботовъ подъ начальствомъ Капитана *Стуарта* и канонерскія и бомбандирскія лодки подъ начальствомъ Русскаго Капитана 1 ранга *Развозова*. Совокупными ихъ дѣйствіями выпѣснямъ былъ непріятель изъ занятыхъ имъ мѣстечекъ и уничтожались береговыя его батареи.

Между тѣмъ голодъ, сумрачный предвѣстникъ гибели вооруженнаго человѣчества, распространялъ грозное свое владычество въ рядахъ *нашествія*. Для отысканія продовольствія, устремлялись конные непріятельскіе отряды на дороги, ведущія къ Сѣверной столицѣ. Носилась молва будто бы *Наполеонъ* туда же былъ намѣренъ устремить войска свои:

но то была одна молва, чтобы огромить страхомъ мѣста дальныя. Съ главными силами своими, завоеватель стоялъ еще у Витебска.

О битвахъ, происходившихъ въ краю Липовскомъ, гдѣ въ числѣ разноплеменныхъ войскъ, находился и корпусъ Князя *Шварценберга*, Генералъ *Тормасовъ* отъ Августа *втораго* изъ селенія *Новоселокъ* доносилъ Государю проспранными извѣстіемъ о сшибкахъ и упорныхъ сраженіяхъ. Нѣсколько полныхъ страницъ объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ отдѣльной арміи, какъ будто бы представляютъ объемъ *цѣлой отдѣльной войны.* А въ семь или шесть мѣсяцевъ 1812 года сколько было въ Россіи такихъ войнъ отдѣльныхъ; войнъ безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ военныхъ! Въ войну 1799 года военныя дѣйствія Французовъ въ *одинъ день* гремѣли отъ истока *Рейна* до впаденія его въ море; но то было дѣйствіемъ мимолетнымъ. А сколько было такихъ исполинскихъ дней 1812 года на проспранствахъ, которыя и быспрѣйшая мысль едва успѣвала обнимать? »Непріятель, сказано въ извѣстіяхъ Генерала *Тормасова:* защищался отчаянно и въ укрѣпленіяхъ и за каменною стѣною монастырскою и на подъемномъ мостѣ въ самомъ городѣ на рѣкѣ

Муховцы. Завоеватель не могъ жаловаться на слабость оружія полковъ разноплеменныхъ. Въ предѣлахъ Россіи они были *его* полками. Не они его оставили; его оставила — счастливая его звѣзда.

Августа *пятаго* наканунѣ того дня, когда на берегахъ *Днѣпра* рѣшалась судьба Смоленска, Графъ *Витгенштейнъ* выдерживалъ бой четырнадцать часовъ противъ Маршала Удино, подкрѣпленнаго и усиленнаго новыми войсками. Непріятеля было *втрое* болѣе Русскихъ; сила Русскихъ умножалась видомъ и голосомъ родной страны. Гремѣлъ бой подъ *Полоцкомъ;* гремѣлъ и на стогнахъ градскихъ. Темнота ночи глубокой прекратила бой упорный и кровопролитный.

Оставленіе Смоленска.

Выше сказано было о мужественной оборонѣ Смоленска, Раевскимъ, Дохтуровымъ, Коновницынымъ и другими. Достопамятно и отступленіе Генерала *Неверовскаго*, который съ юными и малочисленными полками, выдерживалъ и выдержалъ сильный и порывистый напоръ *Мюратовой* конницы. Судьба

*

и до 1812 года обрекала Смоленскъ первою жертвою за Отечество. Митрополитъ *Платонъ*, за нѣсколько лѣтъ до нашествія, проѣзжая черезъ Смоленскъ въ *Кіевъ*, сказалъ: »Древнія стѣны Смоленска достаточны были въ свое время къ оборонѣ города; но по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, имъ нужны новыя укрѣпленія.« Проницательный взоръ *Платона* на стѣнахъ Смоленска прочиталъ будущій его жребій. Не содрогнулась Россія, но сильною была поражена скорбію, когда завѣтныя ея врата распахнулись вдаль Россіи. Жалостію кипѣли сердца Русскія уступая пожарныя развалины роднаго города. По отъ стѣнъ Смоленска до стѣнъ Москвы, часъ отъ часу болѣе, пролагались могильные пути нашествію. Пламя горящихъ селеній сливалось съ ночными огнями сторожевыми и каждый поселянинъ и каждый сынъ Россіи вооружался къ защитѣ роднаго края.

Третій періодъ 1812 года. Прибытіе Кутузова къ войску, битва Бородинская и уступленіе Москвы.

Напечаталъ я въ моей Исторіи жизни Александра *Перваго*, что благовременное

прибытіе *Кутузова* къ войску, было общимъ торжествомъ. На гибель *нашествія* уступали ему пространство земли, но въ тѣхъ быстролетящихъ обстоятельствахъ, трудно было обозрѣвать и соображать цѣль великихъ пожертвованій. На *Героя отступленія*, на праводушнаго вождя, который въ спокойной непоколебимости велъ, охранялъ и сдалъ Русскіе полки Кутузову: сильное возставало негодованіе. Но въ ясной душѣ своей *Герой отступленія* крѣпился совѣстію и Богомъ. Полагаютъ, что мысль Барклая-де-Толли была та, чтобы затянуть нашествіе на берега *Волги;* слышно было, что уже и отправлены были туда чиновники для заготовленія всего нужнаго. Нынѣ объ этомъ *предположительно.* Но изъ соображенія тогдашнихъ обстоятельствъ явствуетъ, что главное дѣло состояло въ томъ, чтобы скрыть отъ Наполеона: »какимъ путемъ пойдетъ Русское войско по оставленіи Москвы.« Ибо и при первомъ шагѣ и до нашествія, Москва стояла обреченною жертвою за Отечество. А къ заслоненію сію *военнаго пути,* какъ выше упомянуто, приняты были предварительныя мѣры: по отдѣльной ли своей мысли или по сношенію съ мыслію предмѣстника своего? Все равно. Главное то, что *Казанская*

или *Владимірская* дорога и *Волга:* заполонили на нѣсколько дней мысли завоевателя глубокимъ невѣдѣніемъ о Русскомъ войскѣ. Если бъ Барклай-де-Толли и во все въ этомъ не участвовалъ, то, снова повторяю, и тогда бы не могъ никто оспорить ни одной вѣтки изъ безсмертныхъ его лавровъ. Обдуманнымъ и стройнымъ отступленіемъ, Барклай-де-Толли осѣкалъ порывъ нашествія и побѣждалъ его. Очевидецъ и сочинитель книги: *о походѣ Наполеона въ Россію:* говоритъ: »Слѣпо довѣряя Наполеоновымъ *бюллетенямъ,* мы воображали, что будто бы одна большая армія не пострадала. Но по всему теченію *Двины* отъ Витебска до Риги и всемъ пространствѣ между верхнимъ *Нѣманомъ, Припетью* и *Днѣпромъ,* вездѣ остались горестные, несомнѣнные памятники злоключенія *большой арміи.* Обольщая насъ блескомъ мнимыхъ побѣдъ, *бюллетени* разглашали, что наши дивныя побѣды стоили намъ малаго числа людей; а это малое число и до *Бородинской битвы* простиралось *до ста двадцати тысячъ!* « (*)

Приближаясь къ Москвѣ и готовясь къ главной битвѣ, вождь отступленія писалъ

(*) *См. Ист. Наполеонова похода въ Россію.*

къ *Милорадовичу:* »мы можемъ быть несчастливы; но мы Русскіе, мы будемъ умѣть умереть, и побѣда врагамъ нашимъ достанется плачевною (*).« Въ день главной битвы летая передъ рядами полковъ на бѣломъ конѣ, въ полномъ мундирѣ и въ блескѣ всѣхъ почетныхъ знаковъ, Барклай-де-Толли смотрѣлъ смерти въ лице и, какъ будто бы вызывалъ ее. Но смерть разя тысячи, обходила его.

Вступя на землю Московскую духъ Русскихъ воиновъ, алкалъ, требовалъ битвы валовой передъ Москвою и за Москву. Жизнь спановилась имъ бременемъ тяжкимъ; они горѣли нетерпѣніемъ отдать ее за жизнь Россіи; кровію своею порывались они искупить каждый шагъ отступленія.

И запылалъ *бой Бородинской!* Гремѣлъ адъ: но въ душахъ Русскихъ воиновъ еще громче гремѣлъ голосъ: *за вами Москва!*

Съ обѣихъ сторонъ смерть пировала такъ, какъ не удавалось ей пировать со дней звучанія жерлъ мѣдяныхъ.

Сказываютъ, что Наполеонъ передъ битвою Бородинскою, обращаясь къ *Нарбону*, сказалъ: »сегодня и мирному дипломату,

---

(*) См. третіе изданіе моей Русской Исторіи часть 12, стр. 67.

доведется блеснуть въ эполетахъ. Сегодня будетъ бой. А что такое бой? *Трагедія.* Сперва выставка лицъ; потомъ игра страстей; а наконецъ развязка.« Но видя, что *трагедія* Бородинская въ сильной пошла разгромъ, онъ прибавилъ: *сегодня развязка затянулась.*

Сказываютъ, что на убійственное поле Бородинское, *Наполеонъ* посылалъ *Коленкура* осмотрѣть: нѣтъ ли тамъ и труповъ воиновъ гвардейскихъ полковъ? Коленкуръ донесъ, что изъ рядовъ гвардіи пали Русскіе воины. Eh, bien! l'armée Russe est à son agonie; marchons! Войско Русское, вскричалъ Наполеонъ: умираетъ: впередъ!«

Наполеонъ въ Москвѣ.

Quelle aveugle précipitation! *Qui le presse?* Comment ne craint—il pas de défaillir?....

Кто *его* гонитъ? Наполеонъ *внутренній* гонитъ Наполеона *внѣшняго;* онъ рабъ *самаго себя:* въ немъ урокъ вселенной.

И Наполеонъ вогналъ себя въ Москву: за чѣмъ? Досмотрѣнъ не разыгранную *трагедію Бородинскую.*

Онъ въ Москвѣ: и какое новое, сильное небывалое на лицѣ земли *ополченіе,* встрѣтило Наполеона и передъ Москвою и въ стѣнахъ Москвы; ополченіе, не существовавшее со времени бытія столицъ и великолѣпія человѣческаго: но грозное *ополченіе* было — *гробовое безмолвіе* исполинской столицы. Въ первый день *Наполеонъ* бѣжалъ отъ ополченія безмолвнаго: онъ прислушивался за заставой, что скажетъ древняя Русская столица? Онъ ждалъ! Чего? Чтобъ Россія поникла предъ нимъ челомъ просительнымъ; онъ мечталъ, что вся Россія тамъ, куда онъ торопилъ, куда онъ гналъ себя.

Наполеонъ въ Москвѣ, Наполеонъ въ Кремлѣ!

И среди безмолвія гробоваго, на унылыхъ стогнахъ Московскихъ, какой гремящій раздается глаголъ? Уже ли для выѣзда завоевателя лепится торжественная колесница? Уже ли громы пушечные и звучащія трубы привѣтствуютъ его при всемірныхъ плескахъ народовъ земныхъ? На что это все? Онъ изъ широкой груди своей выводитъ, вызываетъ *свою* побѣдоносную вселенную;

онъ самъ себя привѣтствуетъ въ орлиномъ парепіи *мечтаній* своихъ. На что ему видимое? Для него нѣтъ существенности. Онъ весь во всесвѣтной мечтѣ: и — вотъ что изрекаетъ изъ очаровательной области своей.

»Солдаты! каждый шагъ вашъ — торжество.

»Въ *три* мѣсяца вы истребили *три* войска, собираемыя непріятелемъ *три* года.

»Ваши головы поникли подъ бременемъ лавровъ.

»Побѣдоносныя ваши длани водрузили знамена на челѣ башенъ Московскихъ.

»Ваша безпримѣрная слава удивитъ потомство.

»Вы въ столицѣ Россіи, гдѣ *триста* тысячъ жителей умоляютъ васъ о пощадѣ.

»И такъ — вашъ жребій — всегда побѣждать!

»Здѣсь — за подвиги ваши, ожидала васъ — награда.

»Побѣжденные Русскіе — жертвы ярости своей.

»Отвергая выгоды и не внемля разсудку, они ленятъ на смерть неизбѣжную.

. . . . . .

»Бывшій Московскій Градоначальникъ,

врагъ Французовъ, теперь присутствуетъ въ совѣтѣ: онъ глава приверженцевъ Англіи.

»Солдаты! мы преодолѣемъ всѣ препоны.

»Россія будетъ побѣждена. *Я съ вами.*

»Вооружившись мужествомъ, терпѣніемъ и повиновеніемъ (*).

»Не забывайте, что вы побѣдители Египта, Маренги, Сарагоссы, Іены, Аустерлицъ и Можайска.

»Уничижите гордыню мучителей морей, пятой разъ соединившихся противъ насъ съ утѣснителями Европы.

»Опъ громоносныхъ вашихъ ударовъ не возстанетъ страшная Русская пѣхота. Войско Русское бѣжитъ; оно разсѣялось и не повинуется начальникамъ.

(*) „César échoua dans son incursion en Angleterre. Il n'avait pas fait assez de préparatifs pour une expédition de cette importance, elle tourna à sa confusion.“ (*Précis des guerres de César, par Napoléon.*)

Цесарь не успѣлъ въ набѣгѣ своемъ въ Англію. Онъ недостаточно приготовился къ такому важному походу и онъ обратился къ его стыду.“ (*Наполеонъ*).

»Солдаты! вы достигли до предѣловъ той славы, которая увѣковѣчитъ имена ваши; въ лѣтописяхъ Французскихъ прогремятъ ваши подвиги вдаль вѣковъ....«

Достопамятнѣе всего въ этомъ воззваніи то, что *Наполеонъ* ни слова не промолвилъ о *мирѣ*. Нѣтъ также ни какого намѣка о *мирѣ* и въ рѣчи его передъ битвою Бородинскою.

При боѣ барабанномъ, при звукахъ трубъ, едва появился *Наполеонъ*, загремѣло: »Vive l'Empereur!« »Это восторгъ *Аустерлицкій!*« воскликнулъ онъ. »Читайте воззваніе!«

Вотъ оно.

Солдаты!

»Вотъ сраженіе, которое вы ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ. Побѣда въ рукахъ вашихъ. Она доставитъ вамъ изобиліе, хорошій зимній постой и скорое возвращеніе въ отечество. Будьте тѣмъ, чѣмъ вы были подъ *Аустерлицами*, *Фридландомъ*, *Смоленскомъ* и пусть отдаленнѣйшее потомство величается вашими новыми подвигами; пусть о каждомъ изъ васъ скажутъ: *онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Москвы!*«

Летя въ Москву въ *восторгѣ Аустерлицкомъ*, Наполеонъ воображалъ, что въ чер-

тоги Кремлевскія поспѣшатъ съ береговъ Невы послы съ мольбою о мирѣ. Но когда и Москва, понувшая въ огненномъ попопѣ не вызвала *мира*, тогда *Поэтъ — Завоеватель*, у котораго въ воображеніи были неистощимыя *пособія вспомогательныя*, самъ придумалъ необходимость *мира* для Русскихъ и для Россіи; онъ самъ хотѣлъ взять на себя посредничество въ *мирѣ* и быть спасителемъ Россіи отъ *новаго* и *грознаго нашествія Татаръ*. Спросятъ какъ это; и что это такое? Истинна историческая *мысли* Наполеоновой; мысли дивнаго *Поэта — Завоевателя*. И эта мысль естественнымъ образомъ родилась въ плодовитомъ его воображеніи. Въ *Испаніи* онъ мелькомъ взглянулъ на духъ самоотреченія; въ *Россіи* увидя вполнѣ самоотреченіе Русскихъ отъ всей вещественной собственности, онъ представилъ себѣ, онъ увѣрилъ себя, что не онъ воюетъ съ Россіей, но что Русскіе, на пожарное опустошеніе Россіи сами накликали бѣду, призвавъ къ себѣ на помощь *Татаръ*, неукротимыхъ, своихъ враговъ.

Вотъ его слова:

»При самомъ вступленіи нашемъ въ Россію, Русскіе призвали *Татаръ*, и убійственныя длани ихъ простерлись къ разоренію прекраснаго и

обширнаго Государства. Ни слезы, ни стоны Москвитянъ не смягчали опустошителей. Въ нѣсколько недѣль сожгли они болѣе *четырехъ* тысячъ деревень и *пятьдесятъ* городовъ. Татары утолили древнюю свою ненависть къ Россіи, показывая, будто бы для того все предаютъ огню, чтобы окружить насъ пустынею (*).«

Исторія Наполеона, исторія — его мыслей.

Какъ бы то ни было; но Провидѣніе въ лицѣ Наполеона, просящаго въ Москвѣ *мира:* послало свѣту великій урокъ; урокъ смиренія силы человѣческой; и какой силы? Наполеоновой!

Не запискамъ, не частной исторіи, но общей исторіи человѣчества, предлежитъ рѣшеніе вопросовъ. *Во-первыхъ:* отъ чего въ девятнадцатомъ столѣтіи; отъ чего при блескѣ образованія Европейскаго, Наполеону нельзя было дать мира?

Во-вторыхъ: отъ чего въ мірѣ политическомъ возникаютъ обстоятельства, препятствующія давать миръ?

Это дѣло исторіи вѣковой.

(*) Изъ рѣчи, произнесенной Наполеономъ въ законодательномъ собраніи.

Но и въ *запискахъ* можно взглянуть на то, что *способствовало Наполеону заполонить умы народа Французскаго?*

Дюкло, живописецъ нравовъ *осмнадцатаго* вѣка, сказалъ: »Le François est l'enfant de l'Europe. Главный его недостатокъ, быть всегда юнымъ. Для него нѣтъ зрѣлыхъ лѣтъ; у него отъ юности шагъ — къ старости.«

Отъ чего же существовало такое дѣтство?

»Кто не знаетъ исторіи своего отечества, говоритъ *Цицеронъ:* тотъ живетъ въ вѣчномъ ребячествѣ.

Ужели Французы XVIII-го вѣка не знали своей исторіи?

Волтеръ отвѣчаетъ: »Ce que les Français savent le moins, c'est l'histoire de France.

»Французы осмнадцатаго вѣка менѣе всего знали исторію Франціи.

Въ томъ же упрекалъ и семнадцатое столѣтіе *Бальзакъ* старшій. »Въ пресыщеніи, говорилъ онъ: недужнаго вѣка, мы не постѣшовали бъ, если бъ бездна времени поглотила подлинныя исторіи: мы любимъ *басни, сказки;* мы гоняемся за погремушками воображенія.«

Французы осмнадцатаго столѣтія не знали и законовъ. 1790 года *Деландинъ* передъ лицемъ цѣлой Франціи сказалъ: »Le dix-huitième siècle a eclairé les sciences et les arts, mais il n'a rien fait pour la lègislation.«

»Осмнадцатое столѣтіе озарило науки и искуства, но ничего не сдѣлала для законодательства.«

Говоря о политикахъ осмнадцатаго вѣка, *Даржансонъ*, бывшій иностранныхъ дѣлъ Министромъ 1755 года, сказалъ: »Наша политика сплетена изъ козней, изобрѣтенныхъ богинею раздора; она не вѣдаетъ ни *Реи*, ни *Астреи*.«

Возмужали ль Французы *младенцы Европейскіе* (*), опъ 1789 до 1804 года, когда пожизненный Консулъ *Бонапартъ*, сталъ Императоромъ *Наполеономъ*? Не вхожу объ этомъ въ изслѣдованіе. Но они были когда на той чредѣ, когда сильной рукѣ всего удобнѣе владычествовать. *Монтескю* въ книгѣ своей о *величіи* и *паденіи* Римской Державы, сказалъ: »Власителинъ, которому достается въ наслѣдство республика, вмѣстѣ съ нею захватываетъ власть безпредѣльную.«

(*) *Дюкло.*

Подъ ничтожнымъ управленіемъ *Директоріи*, республика, по тогдашнему мнѣнію, перешла въ армію. Въ мощную длань свою *Наполеонъ* захватилъ въ арміи республику ратную, превратилъ ее въ подвижную ратную — Имперію и очутился съ нею въ предѣлахъ Россіи.

До времени, отъ Наполеона, взглянемъ на величественное, единственное зрѣлище въ лѣтописяхъ всемірныхъ: взглянемъ на Отечество, которое съ спокойнымъ самоотреченіемъ, трудится и работаетъ для избавленія Россіи дланью ревностною и душою неутомимою.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Нѣкоторыя подробности о полѣ Бородинскомъ. — Англичанинъ Джиберлей. — Наполеонъ, осажденный Русскими въ Москвѣ. — Различія войны 1812 отъ 1612 года. — Сила малой войны. — Десять дней военныхъ движеній въ Сентябрѣ 1812 года. — Отрядъ Дорохова. — Неудачи Французскихъ полковъ съ Г. Витгенштейномъ. — Ополченіе въ войскѣ и на С. Петербургскомъ театрѣ. — 19 Сентября, подвигъ Генералъ-Маіора Вельяминова. — Тарутино и берега Нары. — Русскіе писатели въ Отечественную войну. — В: А: Жуковскій въ станѣ воиновъ. — А: С: Пушкинъ. — Н: М: Карамзинъ. — И: А: Крыловъ. — Гнѣдичъ. — Изданіе Сына Отечества Н: И: Гречемъ. — Самоотреченіе. — Сила Сѣверныхъ народовъ. — Возложеніе на олтарь Провидѣнія двухъ вѣковъ лѣтописей Русскихъ. — Москва. — Ночь наканунѣ перваго Октября въ стѣнахъ Москвы. —

Внутренняя картина пожарной Москвы. — Перестрѣлка у Троицкой заставы. — Французскій театръ у Никитскихъ воротъ. — Вечеринка у офицеровъ Французской гвардіи. — Русскія пѣсни. — Д: Н: Кашинъ. — Станъ полковъ Наполеоновыхъ у Петровскаго Дворца. — Европейскій маскерадъ. — Наполеонъ въ Кремлѣ. — Разговоръ Наполеона съ Лессепсомъ.

Общій взглядъ на событія тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года.

Битва Бородинская — пиръ смерти и могила исполинская праха жертвъ нашествія и сыновъ Россіи. Торжество *Кутузова*—переходъ черезъ Москву за Москву; вѣнецъ Русскаго Полководца—Тарутино, гдѣ, какъ увидимъ, обновилась двѣнадцатаго года жизнь Отечества нашего.

Но гробовое поле Бородинское и въ наше время и во всѣ времена будетъ вызывать мысль человѣческую на завѣтныя равнины свои. Сынъ Албіона, *Джиффорлей*, три года сряду въ лѣтніе мѣсяцы навѣщалъ поле

Бородинское. Приплывъ къ берегамъ Невы и не останавливаясь въ Сѣверной столицѣ, спѣшилъ на равнины Бородинскія и Семеновскія. Подъ открытымъ небомъ былъ ночлегъ его. Мысль его прислушивалась и къ громамъ, оглашавшимъ тѣ равнины и къ кликамъ и воплямъ народовъ нашествія и къ порывамъ духа Русскаго. На полѣ Бородинскомъ и подъ Семеновскимъ писалъ онъ поэму: *Битва Бородинская.* Не знаю: вышла ли она въ печать и живъ ли поэтъ битвы Бородинской; знаю только, что года при томъ назадъ доставилъ онъ ковры для помоста храма Христа Спасителя, воздвигнутаго, какъ упомянуто было, на бастіонѣ подъ Семеновскимъ.

Обходя равнины битвы и увлекаясь мечтами, я думалъ: »подъ *Семеновскимъ*, на лѣвомъ крылѣ битвы исполинской, есть уже памятникъ священный; есть церковь и созидается обитель, откуда и ежедневно и ежечасно будутъ возноситься моленія за сыновъ Россіи, павшихъ въ день *двадцать шестаго* Августа. Что, еслибъ и на правомъ крылѣ воздвигся храмъ во имя *Адріана* и *Наталіи*, празднуемыхъ въ день битвы Бородинской; и еслибъ по одну сторону его былъ странноприимный домъ для убогихъ, а по другую для престарѣлыхъ воиновъ съ садомъ и дру-

гими привольями хозяйственными? Что, еслибъ устроилась и часовня на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ кивотъ и гдѣ совершалось молебствіе передъ Иконою *Смоленской Божіей Матери*, сопутствовавшей войску до выученія Смоленска изъ рукъ непріятельскихъ?«

Такъ мечталъ я и въ перелетѣ мечтаній представлялся мнѣ памятникъ у того *рва*, за теперешнимъ садомъ общинной обители, гдѣ *Наполеонъ*, отуманенный недоумѣніемъ, спрашивалъ у нашихъ плѣнныхъ чиновниковъ: *какъ идетъ у Русскихъ война съ Турціей?*

Повторяю объ этомъ обстоятельствѣ съ нѣкоторыми подробностями.

Когда Русская гвардія выдержала и отразила троекратныя усилія конныхъ Французскихъ гренадеръ и кирасировъ, названныхъ Наполеономъ: *желѣзнымъ войскомъ* и когда Русская конница въ очередь свою угрожала лѣвому крылу его: тогда Наполеонъ громаду войскъ своихъ опрокинулъ на средину Русскихъ полковъ, стоявшихъ на курганѣ. Графъ *Остерманъ-Толстой* вступилъ въ первые ряды. Гвардія двинулась ближе и къ смерти и къ пагубѣ враговъ. Валовой напоръ устремляется на укрѣпленіе, гдѣ начальствовалъ

Генералъ *Лихачевъ* въ отсутствіи раненаго *Ермолова*. Отраженъ первый порывъ. Гуще сплотилъ Наполеонъ ряды свои и яростнѣе нападалъ. По трупамъ павшихъ его полковъ, летятъ новые: укрѣпленіе захвачено. *Лихачевъ*, обагренный кровію, текущею изъ ранъ, съ поперею укрѣпленія, отбросивъ отъ себя жизнь, ворвался въ ряды непріятельскіе на явную смерть. Онъ захваченъ въ плѣнъ и представленъ Наполеону. Но въ Россіи и на полѣ Бородинскомъ и вездѣ, даже и мимолетныя удачи обращались къ огорченію его мыслей. Спрашивая *Лихачева* о войнѣ Русскихъ съ Турціей, онъ узналъ, что война уже кончена и что полки Русскіе, изъ предѣловъ Турціи, выступили въ Россію (*).»

Наполеонъ и не зналъ и не вѣрилъ этому!

Какой переходъ отъ всевѣдѣнія къ недоумѣнію! И какой переходъ быстрый! Казалось, что въ первыхъ числахъ Іюня 1812 года, политическая судьба областей Европейскихъ была въ мощной рукѣ его; едва промелькнули два мѣсяца и гдѣ великій умъ великаго политика? O, vanité! O, néant! O, mortels ignorants de leur destinée!

(*) См. Рус. Исп.

Непріязнь человѣческая останавливается у могилы странниковъ міра, перешедшихъ въ лоно земли; въ лоно — общей нашей матери. И такъ мнѣ представлялось, что у того рва, гдѣ такъ разительно проявилось политическое недоумѣніе исполина нашего вѣка: возносится памятникъ съ надписью: *миръ праху двадцати народовъ нашествія тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года!*

Миръ! и да будутъ равнины Бородинскія и Семеновскія примиреніемъ человѣчества Европейскаго! На лицѣ ихъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, въ одинъ день, въ одинъ часъ и на одномъ мѣстѣ, почти всѣ народы Европейскіе испытывали силы и борьбу мужества съ мужествомъ: пусть же послѣ опыта кроваваго, *равнины* битвы Бородинской будутъ *уравненіемъ* взаимнаго уваженія народовъ и да исчезнутъ тщеславныя преніи о превосходствѣ силъ вещественныхъ! Русскій Полководецъ поле битвы Бородинской, назвалъ *листомъ гладкимъ*. Тутъ ни холмы, ни вершины горъ не заслоняли полковъ сопротивниковъ; всѣ смотрѣли въ лице другъ друга, и въ лице смерти! Тутъ нѣгдѣ и нѣкогда было дѣйствовать ни хитростямъ, ни увертками военнымъ; тутъ была борьба явная, открытая; тутъ шумѣлъ

дождь ядръ и картечей убійственныхъ: пушъ порывались на взаимный перехватъ *батарей*, какъ будто бы на взятіе крѣпостей, отверзающихъ путь въ области обширныя. Тутъ былъ пиръ смерти! И нигдѣ и никогда не была она такъ упитана съ тѣхъ дней, когда человѣчество узнало порохъ и мѣдяныя жерла, въ громахъ своихъ заглушающіе вопли жертвъ пораженныхъ.

Равнины битвы Бородинской *гладки*, какъ полъ, на которомъ изъ уложенныхъ сноповъ вымолачиваютъ питаніе человѣчества: а по лицу ихъ и по узкимъ расщелинамъ у кустарниковъ, разлелѣялся пепелъ девяноста тысячъ воиновъ!

Батареи, бренныя сгроможденія земли мертвой, кажется, пережили дни цѣлыхъ вѣковъ. Цѣлыя поколѣнія воинственнаго человѣчества, при переходѣ съ берегомъ *Нары* и съ береговъ *Москвы* рѣки до береговъ *Сены*, перешли въ сонъ могильный. Тутъ блеснули въ памяти моей разительныя мысли, высказанныя путешественникомъ при взглядѣ на развалины горы, разрушившейся 1751 года въ предѣлахъ древней *Гельвеціи*. »Такъ, говоритъ онъ: »такъ разрушаются и замыслы блистательные и замыслы киченія вла-

сполюбиваго! Громомъ паденія своего огласила дальныя окрестности гора разрушившаяся; съ такимъ же шумомъ протекаютъ грозныя нашествія и на слезахъ своихъ оставляютъ гробовыя развалины! Но правда и любовь, подобно солнцу, сіяющему на лазури небесной, блестятъ и не угасаютъ на вершинѣ сполѣтій.«

Продолжая мечты мои, мнѣ казалось, что въ день воспоминанія битвы Бородинской, вижу на равнинахъ могильныхъ и служителей олтарей исповѣданій иностранныхъ, молящихся на прахѣ общихъ браній нашихъ по союзу человѣчества.

И Богъ видѣлъ, что подъ Семеновскимъ, въ храмѣ Христа Спасителя, въ день воспоминанія битвы Бородинской; молясь за воиновъ родныхъ, я молился и за воиновъ двадцати народовъ.

День битвы Бородинской! Будь *общимъ днемъ воспоминаній!* Въ одинъ съ нами день да льются общія слезы всѣхъ народовъ твердой земли Европы! *Наполеонъ* не завѣщевалъ себѣ памятника на снегахъ Парижскихъ; но передъ битвою Бородинскою, онъ далъ слово, что о каждомъ изъ нихъ будетъ вѣчная память о томъ, что: *онъ былъ на вели-*

кой битвѣ подъ стѣнами Москвы. Народы Европейскіе! Съ именами вашихъ родныхъ, вашихъ друзей душевныхъ, означьте полными буквами: »Бородино, Семеновское, Москву, Россію.« Мы не упрекнемъ васъ за то: громы рапные сближали всѣ народы; да превратятся они въ пальмы вѣчнаго мира!

Духовный вишія сказалъ: »чѣмъ болѣе возносится сынъ праха земнаго; тѣмъ болѣе отдаляется отъ него Творецъ вселенной.«

Но какъ сблизится онъ съ сынами земными, когда во всѣхъ странахъ Европейскихъ, въ одинъ день, въ одинъ часъ, вмѣстѣ съ моленіями сыновъ Россіи на равнинахъ *битвы Бородинской*, раздастся общій голосъ молитвенный: »да не будетъ болѣе нашествій! Да не будетъ болѣе и бпивъ гробовыхъ!« И изъ всѣхъ странъ Европейскихъ, на крыльяхъ любви душевной, побѣждающей дальное пространство, долетитъ голосъ на могилу Бородинскую и вняая надъ пепломъ родныхъ и друзей, повторитъ: *миръ праху вашему! Мы молимся за васъ!*

Намъ сынамъ земли, или, лучше сказать: сынамъ міра роскошнаго, нужно по временамъ исторгаться изъ вихря разсѣянія и сближаясь съ душою своею, сближаться съ судьбою че-

ловѣчества. Шумъ веселій земныхъ, заглушаетъ въ душѣ память о бѣдствіяхъ человѣчества. А когда, болѣе *двѣнадцатаго года* девятнадцатаго вѣка: когда—болѣе было бѣдствій и злоключеній на лицѣ земли Европейской?

Источники слезъ лились изъ глазъ моихъ, когда въ первый разъ въѣхалъ я на равнины битвы Бородинской. Мнѣ казалось, что каждый оборотъ колесъ моей повозки попираетъ развѣянный прахъ тысячъ жертвъ битвы Бородинской....

Для меня продолжается еще тысяча восемъ сотъ двѣнадцатый годъ.

Спасеніе Отечества успокоило мое сердце; но — я отжилъ для радостей земныхъ. Двадцать четыре года далекъ я отъ всѣхъ увеселеній общественныхъ. Не порицаю ихъ и не положилъ я на себя зарóка. Но съ двѣнадцатаго года сколькихъ не спало друзей моихъ юныхъ, весенніхъ дней! Напоминаніе о нихъ; напоминаніе о бѣдствіяхъ человѣчества и до могилы — часто сводитъ меня въ могилу. Не ропщу на Провидѣніе. Для меня глубокая скорбь душевная — вѣстница новой жизни.

Наполеонъ, осажденный Русскими въ Москвѣ.

Кутузовъ движеніями по *Тульской дорогѣ* прикрывалъ пособія обильнѣйшихъ областей Русскихъ; соблюдалъ неразрывную связь съ арміями *Тормасова* и *Чичагова;* охранялъ свои полки и принималъ въ *операцію* со всѣми силами *линію*, посредствомъ которой, начиная съ дорогъ *Тульской* и *Калужской*, готовился отрядами пересѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ *Смоленска* до *Москвы.* (*)

Лишенный такимъ образомъ всѣхъ пособій съ тылу, Наполеонъ при первомъ шагѣ въ Москву, (повторяю и здѣсь): не затерявшись въ самомъ себѣ, увидѣлъ бы угрожавшую ему опасность за мнимое торжество надъ Москвою; а слѣпъ въ то время сѣпованіе и недоумѣніе не оковали успѣ древней Русской столицы, что она могла бы сказать съ Русскимъ Полководцемъ: »потеря спѣнъ моихъ, не потеря Отечества.«

По *Тверской* дорогѣ передъ Москвою сталъ Баронъ *Винценгероде* подъ ямомъ *Черной*

(*) Военныя извѣстія 1812 года, стр. 74.

грязи. Передняя его застава, находившаяся въ *осьми* верстахъ отъ Москвы, каждый день приводила плѣнныхъ. Сторожевые отряды по дорогѣ *С. Петербургской*, *Дмитровской*, *Ярославской* и *Владимірской*, бодрствовали на стражѣ неусыпной. Сентября *девятаго* казачій отрядъ Иловайскаго *двѣнадцатаго*, открылъ и разбилъ непріятеля въ селеніи *Соколовѣ*. Въ тоже время сильный отрядъ отправленъ былъ черезъ *Воскресенскъ* и *Рузу* для воспрепятствованія дѣйствіямъ непріятеля по дорогѣ *Можайской*. (*)

А при началѣ новой войны за Москву подъ Москвою: Наполеоновы полки, сражавшіеся съ Графомъ *Витгенштейномъ* и упомлѣнные неоднократными пораженіями, коснѣли въ бездѣйствіи. (**)

Но не дремали ни силы, ни духъ Русскій.

Успѣшное дѣйствіе и непрестанное движеніе Русскихъ военныхъ отрядовъ подъ Москвою, вызывали на борьбу съ непріятелемъ и дружины поселянъ Подмосковныхъ. Главное, отличительное качество людей Русскихъ, духъ бодрости въ опасностяхъ явныхъ, гдѣ

(*) Военныя извѣстія, стр. 84.

(**) Тамже стр. 85.

они могутъ дѣйствовать въ виду другъ друга и соревнуя другъ другу. *Не посрамимъ земли Русской! Не выдадимъ себя!* Вотъ завѣтной откликъ честолюбія Русскаго народа. Не заглядываясь на бездѣлицы и не суетясь о пустомъ: Русскіе жарко принимаются тамъ за дѣло, гдѣ *дѣло* требуетъ *дѣла*. А потому и живо и дружно шло вооруженіе сельскихъ дружинъ.

Отъ Сентября *втораго* до Сентября *одиннадцатаго*, то есть *десять дней* по оставленіи Москвы, были важнѣйшими днями и потому, что главное Русское войско разило непріятеля безъ оружія и потому, что духъ Русскій опуманивался еще недоумѣніемъ. Движеніями скрытными, искусными, дѣйствуя по разнымъ направленіямъ, Кутузовъ не только завлекалъ въ сѣти непріятеля, но изумлялъ и своихъ. Глубоко обдумавъ и сообразивъ *великую тайну* боковаго движенія, Русскій, опытный Полководецъ говорилъ: *дѣло идетъ не о томъ, чтобы успокоить Отечество; но чтобы спасти его.* (*)

Сказалъ я выше, что при разгромѣ недоумѣнія, поразившаго жителей Коломны: я

(*) Русская Исторія: часть 12, стр. 143. Изданіе 1824 года.

не могъ даже отыскать и семейства моего, ожидавшаго меня тамъ. Встревожены были жители и другихъ мѣстъ; но то было заторопленіе минолетное. Ясиѣе блеститъ солнце послѣ перелета тучь; ясиѣе свѣтилась и мысль Русская послѣ мгновеннаго недоумѣнія. Около четырехъ мѣсяцевъ спрашивая по различнымъ краямъ Россіи и одинъ и съ семействомъ, я могъ наблюдать духъ народный и по внутреннему убѣжденію совѣсти говорю, что *Наполеонъ* вездѣ бы встрѣтилъ такую же борьбу съ дружинами поселянъ, какую встрѣчалъ въ окрестностяхъ Московскихъ и въ Смоленскихъ уѣздахъ.

Войны 1812 года не льзя въ полномъ смыслѣ назвать: *войною народною.* (И слава Богу)! Война народная за Россію была у предковъ нашихъ въ *трехлѣтнее междуцарствіе*, когда по словамъ грамотъ и лѣтописцевъ того времени: *престолъ вдовствовалъ.* Но въ нашъ *двѣнадцатый* годъ, Россія, подъ щитомъ Провидѣнія, возстала за Отечество въ полнотѣ жизни своей; въ нѣдрахъ ея дѣйствовали: *Царь, войско* и *народъ;* дѣйствовали нераздѣльною мыслію, душою и мышцею.

Между тѣмъ движенія главнаго Русскаго войска по *Калужской дорогѣ*, часъ отъ часу

болѣе прикрывали и *Тулу* и *Калугу* и *Орелъ*. Завоеватель порывистымъ перомъ своимъ водружалъ орлы Французскіе на верху башенъ Кремлевскихъ, а Кутузовъ изъ глазъ его увелъ Русское войско. Не видя Русскихъ полковъ и смущаясь недоумѣніемъ, непріятель посылалъ сильные отряды отыскивать *Русскихъ* въ *Россіи* и — вездѣ встрѣчалъ неудачу. (*)

Къ дальнѣйшему обеспокоиванію тыла непріятельскаго, къ сторонѣ *Можайска*, отправленъ былъ сильный отрядъ съ *Дороховымъ*; а Подполковникъ *Давидовъ*, какъ сказано въ военныхъ извѣстіяхъ: »давно уже жилъ между *Гжатскомъ* и *Можайскомъ*.«

Часъ отъ часу болѣе кипѣлъ разгулъ *малой войны*. Ударилъ часъ *малой войнѣ* испомлять, раздроблять и огромлять *испанскую войну нашествія*. Силу малой войны высказываютъ и опыты прошедшаго столѣтія. *Тахмасъ-Кули Ханъ*, но есть рабъ *Тахмаса*, вступя на чреду властителя съ именемъ *Шаха-Надира* или побѣдителя, потрясая *Персію* и *Индостанъ*, смирялся передъ дружинами *Лезгинцевъ*.

Войско Кутузова, не теряя своихъ, въ продолженіи десяти дней захватило въ плѣнъ

(*) Военныя извѣстія, стр. 94.

пять тысячъ рядовыхъ, множество чиновниковъ и въ томъ числѣ Генерала *Ферье*, начальника штаба, Короля Неаполитанскаго. Въ томъ же извѣстіи сказано о новыхъ успѣхахъ *Тормасова* и о соединеніи съ нимъ Дунайской арміи *Чичагова*.

Отряды *Дорохова*, непрестанно тревожа непріятеля по *Можайской* дорогѣ, перехватывали добычу, курьеровъ и препятствовали всѣмъ подвозамъ. Русскіе отдѣльные отряды, въ различныхъ мѣстахъ, какъ будто бы смолвясь духами, вездѣ разили непріятеля внезапными нападеніями и вездѣ зоркими очами подсматривали его. Можно сказать, что и лѣса и овраги и все воевало вмѣстѣ съ ними.

Непрестанно огромляемъ былъ тылъ войскъ Наполеоновыхъ подъ Москвою и далѣе; тоже претерпѣвали и полки, сражавшіеся съ Графомъ *Витгенштейномъ*. Тщетно заваливали они пропасти даже и въ глубокой чащѣ лѣсовъ; тщетно укрывались за болотами; мужество Русскихъ вездѣ ихъ отыскивало.

Въ день *семнадцатаго* Сентября охотники изъ *ополченія*, находившагося въ авангардѣ *Милорадовича*, бросясь отважно въ пушки и купя мужествомъ, выгнали непрія-

пеля изъ деревни *Чирковой*. Вышеупомянутый Генералъ *Ферье* и адъютантъ Князя *Понятовскаго*, Графъ *Потоцкій*, захвачены были въ плѣнъ. (*)

Ополченіе торжествовало на полѣ битвъ; торжествовало *ополченіе* и на берегахъ *Невы*, на Петербургскомъ театрѣ. Я говорю: о драмѣ *Висковатова*, игранной въ Отечественную войну подъ названіемъ: *Ополченіе*. Тѣ, которые видѣли это представленіе и теперь еще воспоминаютъ о немъ съ душевнымъ восхищеніемъ. И дѣйствительно, казалось, что вогда все возраждалось новою жизнію. Иванъ Аѳанасьевичъ *Дмитревскій*, соперникъ *Гаррика* и *Лекеня*, неся на раменахъ своихъ почти цѣлое столѣтіе, вышелъ на театръ въ видѣ заслуженнаго воина, видѣвшаго славу Румянцова Задунайскаго и Полководца Италійскаго. Блестящій рядъ знаковъ доблестей военныхъ сіялъ на груди его. Онъ снимаетъ съ себя медали, возлагаетъ ихъ на олтарь Отечества и говоритъ: »что дано мнѣ за старую службу, то отдаю для новой службы за Отечество!« Тутъ благословляетъ онъ на брань и на смерть внука своего, котораго представлялъ В: М: *Самойловъ*. Возложа

(*) *Вѣрныя извѣстія.*

иреиещущую руку на голову юноши, *Дмитревскій*, не по заданнымъ словамъ, но по вдохновенію души своей, голосомъ любви къ Отечеству, любви пламенной, вѣщалъ живую рѣчь Русскую, завидуя въ юношѣ не весиѣ лѣтъ его; но тому, что онъ полною, отважною жизнію можетъ служить и умереть за родную землю Русскую, за любезное Отечество!« Рыдали зрители; рыдалъ и Императоръ Александръ Первый, присутствовавшій при представленіи *Ополченія*.

Въ началѣ и продолженіи войны 1812 года, главная цѣль была *соединеніе* войскъ и приближеніе къ тому путей. Къ сей важной цѣли содѣйствовало и упорное сраженіе, продолжавшееся 19 Сентября, *двѣнадцать* часовъ подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Вельяминова* при корчмѣ *Гаросень*, гдѣ сходятся четыре дороги: *Бауска, Митавы, Петергофа* и *Экау*. Дороги были соблюдены; непріятель, превосходившій числомъ нашихъ, не выигралъ ни одного шагу. »Войско, говоритъ въ донесеніи своемъ Генералъ-Лейтенантъ *Эссенъ*: оказало безпримѣрное мужество, отражая пять разъ непріятеля, нападавшаго на нашъ лѣвый флангъ.« (*)

(*) Военныя извѣстія, стр. 111, 112 и 113.

Въ слѣдствіе претерпѣнныхъ непріятелемъ пораженій, войска *Макдональда* отступили отъ прежняго своего положенія, что и доставило еще болѣе удобности успѣшнымъ дѣйствіямъ Графа *Витгенштейна;* а Графа *Штенгеля* ввело съ нимъ въ сообщеніе.

Тарутино и берега Нары.

Между тѣмъ, когда Русскія войска съ различныхъ краевъ Россіи, какъ будто бы моцною цѣпью опоясывали полки *нашествія;* между тѣмъ, когда разсѣянные наши отряды и дружины поселянъ, разили непріятеля вездѣ палящимъ: на берегахъ *Нары* разцвѣтала и жизнь войска и жизнь Отечества. Слышалъ я, слышали и многіе то, что души престарѣлыхъ Русскихъ крестьянъ говорили и повѣщали жаркой молодежи своей: »дѣти! ребята! ступайте въ *Тарутино;* тамъ старый нашъ *дѣдъ — богатырь*, посланный Богомъ и Царемъ, думаетъ думу крѣпкую, какъ

оборонишь родную нашу землю и какъ выгнанъ ястреба хищнаго изъ нашей матушки Москвы: ужъ не *бѣлокаменной;* обезчещенной: да бѣда жъ тому, кто опозорилъ ее!«

И Русскіе ребята — молодцы, поклонясь святымъ иконамъ и принявъ благословеніе отцевъ и матерей; кто на конѣ, кто пѣшкомъ, не ѣдутъ, пейдутъ, а стрѣлой летятъ къ *дѣду старому*, проститься не на жизнь, а на смерть. Лаской Русскою, рѣчью умною, ихъ привѣтствовалъ Полководецъ нашъ, какъ своихъ родныхъ. Раздаютъ имъ и копья и ружья и они кричатъ! »Спасибо, нашъ отецъ! За Царя и край родной, не пожалѣемъ головъ своихъ!«

Духъ Русскій вполнѣ ожилъ во *второй* завѣтный *двѣнадцатый* годъ. Перемѣнялся видъ городовъ и селеній нашихъ; измѣнялось внѣшнее бытіе Россіи; но коренной, самобытный духъ Русскій, хранилъ жизнь свою въ глубинѣ души своей. Завѣтное свойство Русское, не *разсыпная* радость, подобная, говоря просто: перелетнымъ перинамъ. Оно на безсмѣнномъ постоѣ задушевномъ. Прислушиваясь къ звукамъ Русскихъ нашихъ самородныхъ пѣсенъ; чувствуемъ, что даже и въ самыхъ разгульныхъ и удалыхъ напѣвахъ, откликивается какая-то *грусть*, какое-то

унынiе. Но это не ропотъ на судьбу. Въ этой *грусти* и полнота веселiя и сладость слезъ и прелесть бытiя. Если плачутъ очи Русскiя, то вѣрно за одно плачутъ съ душою. Дремлютъ и орлы парящiе; дремлетъ въ обыкновенное время и свойство народное. Громы нашествiя вызвали изъ души Русской *грусть по Отечествѣ* и вмѣстѣ съ нею излетѣло изъ нее самоотреченiе, безусловное, безпредѣльное: дѣло шло иногда: »быть или не быть землѣ Русской на лицѣ земли.« Въ нашъ *двѣнадцатый* годъ и въ голову не приходило никому никакого условiя: было *одномичное* условiе: *или умереть за Отечество или жить для Отечества и все отдать Отечеству.* Въ первый *двѣнадцатый* годъ, въ годъ нашихъ предковъ, были условiя не о сбереженiи личной жизни, но о томъ: кому сберечь бытiе Россiи? А намъ, Богъ далъ въ нашъ *двѣнадцатый* годъ одну мысль: »какъ сберечь Отечество?« И изъ сей мысли возникли и оборона и избавленiе Отечества.

Тарутино цвѣло полною жизнiю и спана воинскаго и бытiя общественнаго. Войска освѣжались и усиливались полками запасными. »Крестьяне, говоритъ *Кутузовъ:* горя любовiю къ родинѣ, устроиваютъ между собою ополченiя. Случается, что нѣсколько сосѣд-

нихъ селеній, ставятъ на возвышенныхъ мѣстахъ и колокольняхъ часовыхъ, которые завидя непріятеля ударяютъ въ набатъ.« (*)

На берегахъ *Нары* былъ и *міръ политическій; туда* отъ береговъ Океана донеслась вѣсть о томъ, что *Испанцы* и *Англичане* съ побѣдоносными знаменами вступили въ *Мадритъ*. Свѣтлая заря освобожденія древней Русской столицы разливалась съ береговъ *Нары* и на могильный пеплъ стогнъ Московскихъ. Пѣвецъ и питомецъ Москвы, *Жуковскій*, на лирѣ оглашаемой громами ратными, пламенные звуки пѣсенъ своихъ сливалъ съ жаромъ, пылавшимъ въ сердцахъ воиновъ. *Виргилій* писалъ, что подъ шумомъ оружія молчатъ *музы*. И *Ломоносовъ* говорилъ, что мирныя занятія *музъ* не промѣняетъ и на золотое *Язоново* руно. Но поэтъ нашъ, не страшась ни трудовъ, ни походовъ, ни борьбы съ непогодами и вьюгами зимними, обмѣнялъ все на то, чтобы дышать *боевою жизнію* сподвижниковъ за Отечество. Въ печальную годину плѣна Московскаго, *Жуковской* на берегахъ *Нары* былъ представителемъ полета Русской мысли и завѣтной души слова Русскаго. Поэтъ *Пушкинъ* вслушивался еще

(*) Военныя извѣстія, стр. 134.

шогда въ юный геній свой и прислушивался къ пѣснямъ *Жуковскаго*. Исторіографъ *Карамзинъ* вникалъ мыслію въ вѣковой дали Отечественнаго бытописанія. Въ необычайный нашъ годъ и подъ перомъ баснописца нашего *Крылова*, живыя басни превращались въ живую *исторію*. *Гнѣдичъ* на берегахъ Невы проникалъ поприще *Олировой* Иліады, которая въ объемѣ исполинскомъ возраждалась не на берегахъ журчащей *Скамандры*, но на берегахъ рѣкъ величавыхъ и у береговъ морей обширныхъ. И такъ пѣвецъ войны тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года предетоя самолично знаменамъ Русскимъ, сочеталъ лиру свою и съ лаврами орловъ Русскихъ. Все въ дивномъ проявлялось соединеніи въ дивный нашъ годъ. *Вѣстникъ Европы* появился на берегахъ Москвы рѣки въ пѣ дни, когда пожизненный Консулъ *Бонапартъ*, простиралъ длань къ порфирѣ Императора Французовъ; *Сынъ Отечества* среди безмолвія и Вѣстника Европы и всѣхъ вѣстей Московскихъ, возникъ на берегахъ Невы при вторженіи въ предѣлы нашего Отечества Императора Французовъ, простертаго длань не на одинъ престолъ, но устремлявшаго ее на обладаніе всемірное. Счастливая мысль П: П: *Греча* увѣнчалась блистательнымъ успѣхомъ. Не выражу того

перомъ, что ощущали выходцы Московскіе въ *Нижнемъ Новгородѣ* и что ощущалъ я, кочующій издатель *Русскаго Вѣстника*, увидя въ первый разъ на берегахъ *Волги*; на родинѣ *Минина*, первую книжку *Сына Отечества*. Названіе, достойное благороднаго сердца издателя и проявлявшее иногда чувство Россіянъ, обрекшихъ себя въ жертву сыновнюю за Отечество, сбереженное въ первый двѣнадцатый годъ *самоотреченіемъ* предковъ нашихъ и вновь сохраненное самоотреченіемъ потомковъ ихъ.

О *Сынѣ Отечества* будетъ еще предложено въ дальнѣйшихъ моихъ Запискахъ: а здѣсь по отношенію къ общему семейству человѣчества, выскажу мысль мою о *самоотреченіи*.

Что такое самоотреченіе? Разрывъ души со всѣми выгодами, ожиданіями и наградами земными. Самоотреченіе — безкорыстная стезя вдаль вѣковъ: и горе! если на эту лучезарную стезю упадетъ хотя пылинка *своекорыстія*. Пытливый и зоркій взоръ исторіи отыщетъ ее и укажетъ потомству.

»Христофоръ *Колумбъ*, говоритъ сочинитель новаго его жизнеописанія: былъ человѣкъ прямодушный и набожный; но двѣ мечты очаровывали его воображеніе: блескъ

почестей и страсть къ сокровищамъ. Пропорговывая Королю *Фердинанду* новый свѣтъ, отысканный его мыслію, онъ забылъ о пользахъ человѣчества, населявшаго тотъ свѣтъ, а для себя выговорилъ и наслѣдственный санъ Адмирала надъ Океаномъ и Королевское намѣстничество и десятую часть доходовъ съ острововъ и со всѣхъ отыскиваемыхъ странъ твердой земли.«

Сочинитель прибавляетъ: »своекорыстіе *Колумба* все предусмотрѣло, кромѣ мечты блеска земнаго и призракъ обладанія. Былъ онъ въ цѣпяхъ и цѣпи новаго свѣта легли съ нимъ въ гробъ.« (*)

Чего искалъ и Наполеонъ въ изобрѣтаемой имъ *политической вселенной?* Обладанія и преобладанія для себя и для своихъ П.... какъ быстро промелькнула *его вселенная!*...

Кромѣ самоотреченія, изъявленнаго сынами Россіи въ *два достопамятные года:* лѣтописи вѣковыя свидѣтельствуютъ, что человѣчество на Сѣверѣ, вдыхаетъ въ крѣпкую

(*) Par diplome royal, la découverte et l'aquisition de l'Amérique furent le sujet d'un acte de prêt à la grosse aventure.... Colombe avait tout prévu, hormis le néant des grandeurs humaines. *(Lanjuinais.)*

грудь свою и упорный *духъ неуступчивости*, противоборствующій внѣшнему гоненію.

Вотъ указанія историческія.

»Паденіе Римлянъ, попѣвшія народы съ полудня на Сѣверъ, нагнало на колебавшееся свое владычество бурные ихъ потоки.

»Спустя нѣсколько вѣковъ, *Карлъ*, за внутреннее управленіе, названный *великимъ*: въ строптивыхъ порывахъ своихъ опиралкивавшій народы съ полудня на Сѣверъ, отдалъ державу свою въ жертву ихъ набѣговъ.

»А если въ наше время кто изъ властелиновъ Европейскихъ умыслитъ опустошить области и перегонять народы къ Сѣверу, то они примкнувъ къ крайнимъ рубежамъ вселенной, стояли бы непоколебимо.«

А что далѣе? — О томъ прочитайте въ шестнадцатой главѣ сочиненія *Монтескю*, подъ заглавіемъ: »Разсужденія о причинахъ величія и паденія Римлянъ.«

Возлагая все на олтарь Отечества тысяча восемъ сотъ двѣнадцатаго года, сыны Россіи и на олтарь Провидѣнія возложили цѣлыя два столѣтія событій Русскаго бытописанія. Громкіе подвиги отъ 1612 до 1812 года, какъ будто бы смолкли въ вѣковомъ пространствѣ. Вызвавъ изъ завѣтной старины имена *Минина* и *Пожарскаго*, мы не

выкликивали ни Задунайскаго, ни Римникскаго, ни великолѣпнаго Князя Таврическаго. Въ нашъ двѣнадцатый годъ, Россія, подавъ руку первому двѣнадцатому году, и среди тучь бурнаго нашествія взглянувъ яснымъ окомъ на небо, опоясалась мечемъ ли на жизнь за Отечество или на смерть за него.

А между тѣмъ, когда берега счастливой *Нары* часъ отъ часу болѣе разцвѣтали жизнію Отечественною; печальная Москва и истомлявшееся нашествіе, часъ отъ часу болѣе умирали.

Бѣдная Москва! И бѣдное человѣчество! Чѣмъ оно питалось тамъ? Благопопечительные полки завоевателя уже и на стогнахъ Московскихъ, начинали утолять голодъ пищею народовъ кочевыхъ. (*)

Бѣдная Москва! И давно ли за роскошными столами твоими уроженцы всѣхъ странъ Европейскихъ пировали, ликовали и нерѣдко первенствовали? Мы на то не сердились. Русь гостепріимная въ мирномъ полѣ и на пирахъ радушныхъ не считается чинами.

Бѣдная Москва! А теперь при сумракѣ вечернемъ, при отблескахъ унылой луны и родныя твои дѣти, роющіся въ грядахъ непо-

(*) Военныя извѣстія 1812 года, стр. 153.

щенныхъ огородовъ, отыскивая безжизненные осипатки полуисплѣвшихъ распѣній земныхъ.

Бѣдная Москва! Куда изъ спѣнъ пивоихъ гонятъ десятками тружениковъ блѣдныхъ, избитыхъ горемъ, согбенныхъ подъ тяжкою ношею? Куда ихъ гонятъ и понукаютъ оружіемъ? Ихъ гонятъ въ станъ нашествія съ кулями сокровищъ огородныхъ и — можетъ быть: послѣднихъ! Не пѣняйте на сыновъ странъ изобильныхъ; не пѣняйте на рашниковъ нашествія. Бѣдная Москва! не пѣняй имъ! На спогнахъ пивоихъ имъ сулили и сокровища *Индіи* и обладаніе всемірное, и дали! — Одинъ пивой дымъ пожарный!

Ночь на канунѣ перваго Октября.

А въ дымѣ пожарномъ наступала ночь гробовая, предвѣстница могильнаго жребія нашествія. Изрѣдка мелькали въ окнахъ огни; вился дымъ изъ развалинъ пожарныхъ, гдѣ въ глубинѣ рвовъ и погребовъ укрывались и обогрѣвались спрадальцы Московскіе у исплѣ-

вавшихъ костровъ. Огни сторожевые пылали на улицахъ. Въ домахъ уцѣлѣвшихъ не смѣли и не умѣли производить опополенія обыкновеннаго. При исполинѣ нашего вѣка, при созидателѣ и разрушителѣ Царствъ земныхъ, не кому было въ Москвѣ *чистить трубы*. Такъ быстро разрушается бытъ человѣческій и такъ трудно его устроивать!

Среди глухаго гула, бродящаго по столицамъ Московскимъ; завязалась сильная перестрѣлка у *Троицкой* заставы по Ярославской дорогѣ. Въ стѣнахъ Москвы въ различныхъ мѣстахъ раздаются выстрѣлы. По краямъ Москвы разсыпалось нѣсколько казаковъ съ смѣлыми узниками плѣна Московскаго и забѣжавшими въ нее людьми посмотрѣть: *что дѣлается въ Москвѣ?*

У воротъ *Никитскихъ* въ домѣ, принадлежавшемъ когда *Позднякову:* еще не кончилось представленіе. Въ театрѣ почти вся Европа въ маломъ объемѣ. Въ домѣ на супротивъ театра, множество гвардейскихъ Французскихъ офицеровъ. При звукахъ нѣсколькихъ фортепіанъ они танцуютъ экоссезъ или вальсируютъ. И вотъ какой то счастливецъ вбѣгаетъ съ двумя или тремя бутылками отысканнаго гдѣ то, вина. Загремѣло: bravo!

Зачокались стаканами. Раздались слова пѣсни военной:

»Attendant la gloire
Prenons le plaisir:
Sans lire au grimoire
Du sombre avenir!«

Тогда еще юношество Французское на лету ловило радость; тогда еще не было неперешней *задумчивой юности.* (*)

Голоса умолкаютъ: юность усаживается, слухомъ внимательнымъ вслушивается въ какіе то новые для нее звуки: то звуки *Русскихъ пѣсенъ.* По временамъ раздаются восклицанія: mais c'est charmant! C'est admirable! И это правда. Печальный узникъ плѣна Московскаго, гореспный отецъ, оставшійся у колыбели младенцевъ; ученикъ славнаго *Сартія*, управлявшаго нѣкогда огромною музыкою Князя *Таврическаго:* скорбь душевную изливаетъ въ звукахъ унылыхъ. Однажды просили его сыграть вальсъ. Онъ отвѣчалъ *Тассовыми* словами: »у меня теперь одна скорбь въ душѣ!« Мы запла̀тимъ. — »Я беру деньги за уроки, а не продаю себя.« Bravo! вскричали юноши Французскіе: c'est un brave

(*) La jeunesse sérieuse.

homme! Данила Никитичъ *Кашинъ* отстоялъ въ плѣну Московскомъ *Русскія пѣсни*; далѣе увидишь, что и мой *Русскій Вѣстникъ* не былъ въ плѣну у *Наполеона*. Съ *Кашинымъ* знакомъ я отъ юныхъ лѣтъ моей жизни и едва узналъ его встрѣтясь съ нимъ въ первой разъ послѣ нашествія. Каждый день пренепашь и за себя и за колыбели младенцевъ; не знаешь какъ и куда укрыться? Особливо кто привыкъ къ жизни тихой и каждый день идетъ за временемъ расчисленными шагами. Переломъ такой жизни смерть — безъ смерти. Томился и я цѣлый мѣсяцъ безвѣстіемъ о семействѣ; но свыкнувшись съ бурями жизни, я встревожился, а не испугался бурями нашествія. Въ послѣдствіи распалился съ ними тремя горячками, одною за другою. Плѣнъ Московскій и нашествія у многихъ укоротили жизнь. Это было бы ничего; нерѣдко и самъ человѣкъ просится въ могилу — на покой. Но съ двѣнадцатаго года не въ одной душѣ моей живетъ тоска унылая, какъ будто бы на безсмѣнномъ постоѣ. Сперва приготовила скорбь по родной странѣ; а на дальнѣйшемъ пути воспоминаній, изнываетъ сердце и по судьбѣ человѣчества.

И какія воспоминанія!

Изъ богатаго дома *Дурасова*, Голландскій Генералъ *Вандеденъ* переселъ на мѣльницу у Пресненскихъ прудовъ. Тамъ чуть мелькаютъ огоньки и спруится густой дымъ трубокъ.

Ужасное зрѣлище, могильнѣе всѣхъ гробовыхъ зрѣлищъ вѣковъ среднихъ, представлялося подъ сѣнями дворца *Петровскаго*. Съ краскою зубчатаго его зодчества сливались огни сторожевые, у которыхъ грѣлись разноплеменные воины и пламя отъ костровъ, на которыхъ въ котлахъ!... кипящая вода, какъ будто бы упорствуя взваривать пищу не *Европейскую*, съ ропотными брызгами выплескивается изъ котловъ. Въ *девятнадцатомъ* столѣтіи, при высшей степени внѣшняго образованія, *что такое* входило въ питаніе человѣческое!...

Но то было еще начало бѣды гробовой; бѣды не выражаемой словомъ человѣческимъ.

Кромѣ голода вещественнаго, *голодъ душевный* истомлялъ сердца жертвъ нашествія. Все опишто у глазъ, у слуха, у души. Чѣмъ напишешь ее? Одни далеко были отъ того небосклона, который такъ весело смотрится въ волны берега *Неаполя!* А для другихъ, гдѣ очаровательная *Андалузія?* Гдѣ волшебная *Севила?* Гдѣ романтическіе берега

Рейна? Гдѣ рѣки, всеслыя рощи и поля Франціи? Какъ сироты безпріютные сходятся въ различные кружки воины разноплеменные; каждый изъ нихъ летитъ въ страну родную:

„Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ;
Гдѣ первую позналъ онъ радость;
Гдѣ много милаго любилъ....“

А въ тоскливыя ночи туманной осени все еще сильнѣе откликнется въ думѣ унылой.

Шумитъ холодной вѣтеръ надъ кучами одеждъ, набросанныхъ по городскимъ улицамъ и на площади отъ воротъ *Спасскихъ* до *Воскресенскихъ*. Съ фонарями въ рукахъ витаютъ около нихъ рашпики, дрожащіе отъ стужи ночи Октябрской; витаютъ — какъ призраки могильные. Расхватываютъ шулупы, шинели, сертюки, капоты, салопы; а иные.... Тутъ все; тутъ и утвари храмовъ Божіихъ.

Но что это такое! Какая пестрота! Какая дикая несообразность въ одеждахъ! Что это на головахъ! Во что обуты ноги? Что это такое?.... *Что такое?* Въ пожарной *Москвѣ* маскерадъ *Европы* разноплеменной? Живыя явленія изъ *Шекспировыхъ* трагедій. А кто зритель? Кто? Око Провидѣнія!

Оно повѣряетъ успѣхи просвѣщенія Европейскаго.

Бѣдное человѣчество!

На башнѣ *Спасской* пробило полночь. Огни тусклые не угасали еще въ сѣняхъ дворца *Кремлевскаго.* Завоеватель на стражѣ у самаго себя. Потупя взоры на помостъ палашъ Кремлевскихъ; прижимувъ руки къ груди широкой; то медленно, то быстро ходитъ, то порывисто оторвавъ руку отъ груди, заваленной бременемъ обладанія всемірнаго, ударяетъ себя въ чело и восклицаетъ: »И такъ! должно бѣжать! А Европа!... Она еще подъ пятою моею! Ужасно! Отказываютъ! Кому?... Отказываютъ Наполеону! Я просилъ:... просилъ Наполеонъ! Просилъ, чтобъ отступить въ *Вязьму.* И оттуда договариваться о мирѣ! Просилъ.... Отказъ! Ужасно! Кто звалъ меня въ Россію? Гдѣ Москва? Въ могилѣ!... Ужасно!.... Бросить столицу, какъ ничтожную, пустую деревню! Бросить столицу безъ условій, безъ договоровъ; превратить Императора Французовъ въ сторожа Москвы! И ее нѣтъ! Потомство не повѣритъ: а Европа!«

Тутъ шумящее чело Завоевателя нѣсколько прояснилось. »Европа! Она говорила и повторитъ: »Лице вселенной перемѣнилось!

Новый возрасшъ міра стремится изъ завѣшной бездны временъ и въ обширномъ разлетѣ парить надъ нами. Двадцать спюлѣтій вшѣснились въ одно столѣтіе. Великій умъ, герой единственный, посолъ и орудіе Провидѣнія; словомъ: *явился Наполеонъ!* (*)« Вотъ что говорила и что снова провозгласитъ Европа! А это было сказано, когда вѣнчали лаврами мой ликъ въ одномъ изъ древнихъ вольныхъ Германскихъ городовъ въ шѣ дни, когда Смоленскъ палъ къ стопамъ моимъ. Но за чѣмъ я не остановился тамъ; за чѣмъ не остановился въ Витебскѣ! Мнѣ совѣтовали..... Совѣтовать Наполеону! Явись другой Наполеонъ и—ему не повѣрю; и онъ долженъ прислушиваться къ мысли моей. Мое *я* огненными чертами врѣзалось въ грудь мою (**); оно жжетъ меня какъ пламя жерла огнедышущаго. Я говорю въ себѣ! Я...»

Дневальный чиновникъ извѣщаетъ Императора о приходѣ *Лессепса*, начальника продовольствія.

(*) См. Вѣд: 1812 года, бывшаго Департамента Уст: Ельбскихъ и двѣнадцатую часть Русской Исторіи, стр. 83.

(**) Continuation de l'histoire de Jean Muller, часть IV, книга XXIV, стр. 238.

N'avez-vous pas assez de courage pour vaincre sans tromper? *(Fenélon.)*

Je vois de loin le génie de la france déchirant de ses annales, les pages ensanglantées qu'il faut dérober à nos descendans. *(Maury.)*

На что вырывать изъ лѣтописей всемірныхъ уроки Провидѣнія? Предлагайте ихъ на скрижаляхъ непзлѣнныхъ передъ лицемъ потомства. Дѣло идетъ о гибели человѣчества; дѣло идетъ о томъ, какъ и отъ чего оно гибнетъ? Завоеватель *девятнадцатаго* столѣтія въ стѣнахъ подрытаго Кремля и въ чертогахъ, тонувшихъ въ пожарномъ пламени нашего *двѣнадцатаго* года, пропѣлъ не пѣснь *лебединую,* но пѣснь *погребальную* ратнымъ сонмамъ двадцати народовъ. Спросятъ: отнуда я заимствовалъ слова его? Отвѣчаю: слибъ *тысяча восемь сотъ двѣнадцатаго года,* на развалинахъ Москвы онѣмѣло слово человѣческое; но остались и слухъ и зрѣніе; то и тогда бы и воздухъ и прахъ дымящійся и могильный вой бурь зимнихъ; тогда всѣ событія высказали бъ пѣснь погребальную, которую не вымышляю, а предлагаю по слуху, по памяти и по скорбному соображенію словъ съ дѣйствіемъ.

Лесепсъ входитъ.

Наполеонъ. Eh bien! Ну!

Лессепсъ. Ничто не помогло.

Н. Ничто!

Л. Спучалъ по столу изъ мѣшковъ ваши*ми Наполеондорами*, сулилъ все; а *мужики* на опрѣзъ мнѣ сказали: »хошь головы спимешь съ насъ; мы не опыщемъ ни хлѣба, ни крупъ, ни мяса, ни овса, ни сѣна.« И, Государь! Они прошягивали головы свои.

Н. Чудный народъ!

Л. Куда же? спросилъ я: все это дѣлось? *Мужики* отвѣчали: »У насъ, видишь батюшка! Такая земля, что если велитъ Богъ, такъ все спрячетъ и запрячетъ. Запанла она все и опъ насъ: и мы, помолясь Господу Богу, прогнали женъ, дѣтей и спариковъ нашихъ въ лѣса, на волю Божію.«

Н. Русскіе мужики разсуждаютъ!

Л. У нихъ смыслъ простой, но удивительный. Однажды при мнѣ, ваши воины, Государь! думали, что вымапятъ у нихъ что нибудь кучею бѣленькихъ бумажекъ. Они взглянули, покачали головами и не дотрогиваясь до нихъ сказали: *не Русскія это бумажки, господа честные! а Французскія.*

Н. Коленкуръ! Коленкуръ! Чего ты смотрѣлъ? Дурачился; давалъ дѣтскіе балы! Коленкуръ! Самъ ты ребенокъ! Несмышленый! не умѣлъ онъ взглянуть на крестьянъ.

Л. Русскихъ трудно разгадать. Долго жилъ я въ Россіи; но никакъ не могъ ожидать того, что вижу теперь. Мы иностранцы, особенно Французы, были изъ первыхъ гостей въ столицахъ. А теперь!...

Н. Русское дворянство разбѣжалось отъ *Татаръ*, которыхъ правительство призвало на помощь и которые теперь все опустошаютъ и все жгутъ.....

Л. Государь! осмѣлюсь доложить: въ Русскихъ полкахъ есть и Татары и Мордва и Черемисы и Чуваши: это обыкновенный ходъ службы. Но, Государь! Русское правительство не могло призвать ни какого цѣлаго племени *Татаръ*.

Н. Какъ? Что?

Л. Клянусь Богомъ!

Н. Не клянись: а въ Парижѣ объ этомъ ни слова. Мои вѣтрогоны Французы всему повѣрятъ, что скажу имъ. Я подарилъ ихъ именемъ: *великаго народа*.... И такъ, ты думаешь, Лесепсъ! Что всѣ Русскіе вооружились за Россію?

Л. Всѣ. Я встрѣтилъ шутъ родственника одного изъ почтеннѣйшихъ Петербургскихъ коммерческихъ домовъ. Разговариваю съ нимъ и слышу, что одинъ изъ членовъ этого

богатаго и уважаемаго дома, отправя семейство въ *Ярославль*, закинулъ ружье за плечо и полетѣлъ въ армію Кутузова.

Н. Передъ сраженіемъ Бородинскимъ, я говорилъ *Panny*, что *Кутузовъ* въ *Браунау* просидѣлъ три недѣли, не выходя изъ комнаты (*). Онъ и теперь засидится....

Л. Не думаю, Государь!

Н. Какъ!

Л. Я слышалъ еще въ царствованіе Екатерины Второй самые лестные объ немъ отзывы и Суворова и другихъ тогдашнихъ Полководцевъ.

Н. Кутузовъ, не Суворовъ.

Л. Не смѣю спорить. La guerre est votre élément. Война ваша стихія. Но Императрица Екатерина употребляла Кутузова въ дѣлахъ военныхъ и политическихъ. 1794 года онъ совершилъ знаменитое посольство въ Константинополь и сказываютъ, что остроуміемъ своимъ развеселилъ и Султана и весь важный Диванъ. А притомъ Государь! снова отваживаюсь доложить: духъ Русскій дивно воспылалъ. Вообразите себѣ, Государь! когда я съ Графомъ *Лаперузомъ* былъ въ *Кам-*

(*) См. Записки Генерала *Ланна*.

чаткѣ, когда находился тамъ Комендантомъ Полковникъ *Козловъ-Угрининъ*. Ему теперь лѣтъ девяносто и — я слышалъ, что и онъ, какъ пылкій юноша, полетѣлъ въ Московское ополченіе.

Н. Ужасно! это долгъ самой Русской которому, по приказанію моему, отправлено великолѣпное изданіе *Лаперузова* путешествія.

Л. Толстый самый.

Н. Неблагодарный! И такъ, Лессепсъ! ты думаешь, что нѣтъ никакихъ средствъ достать продовольствія.

Л. Никакихъ, Государь! При переходѣ черезъ *Ньманъ* вы изволили приказать запастись продовольствіемъ только на пятнадцать дней....

Н. Въ *Италіи* я въ двѣ недѣли одержалъ шесть побѣдъ и преобразилъ области....

Л. Государь! Въ *Италіи*. Какое тамъ небо! А слышите ли какой реветъ вѣтеръ подъ небосклономъ Московскимъ? Но и это только приступъ къ бурямъ зимнимъ въ Россіи!...

Н. Коленкуръ! Коленкуръ!... Неправда: не онъ звалъ меня въ Россію. Наполеонъ звалъ туда Наполеона и — я въ Москвѣ.... Но, Ле-

сенсъ! еще разъ спрашиваю: уже ли нѣтъ ни какихъ средствъ!

Л. Никакихъ.

Н. И такъ, армія погибнетъ. Поди! Я обдумаю.

Два историческія свидѣтельства о изнуреніи и погибели многочисленныхъ войскъ, вдаль заведенныхъ, существовали въ семнадцатомъ и осмнадцатомъ столѣтіяхъ и предложены двумя великими Французскими писателями. »Римъ, говоритъ *Боссюетъ — историкъ:* сберегалъ легіоны свои, сражаясь съ непріятелемъ, пришедшимъ съ береговъ Африки. Римляне знали, что и одно время истребитъ Ганнибаловы полки въ чужой странѣ, угрожавшей имъ нуждою и голодомъ.»

»И флоты многочисленныя и войска исполинскія, говоритъ *Монтескю:* никогда не успѣвали. Они истощаютъ области походомъ дальнымъ и если даже и не подвергнутся какому нибудь особенному злоключенію, то все однако не найдутъ пособія.«

Времена перемѣняются, но уроки Исторіи неизмѣнны. То, что говорилъ *Вегецій* за нѣсколько вѣковъ до *Боссюэта* и *Монтескю,* тоже самое повторилъ и *Кутузовъ* 1812 года. »Разстроенныя силы непріятеля не позволяютъ ему дѣлать противъ насъ покушеній.

Удаленіемъ отъ предѣловъ своихъ лишенъ онъ всѣхъ пособій.«

А между тѣмъ, когда въ нѣдрахъ нашего Отечества полки завоевателя часъ отъ часу болѣе истощались отъ голода и болѣзней, нераздѣльныхъ съ ополченіемъ разноплеменнымъ, о чемъ выше показано изъ правилъ умнаго *Вегеція:* между тѣмъ въ Россіи составлялось *новое ополченіе*, кромѣ того, которое начало устраиваться въ *Іюлѣ* мѣсяцѣ; ополченіе непобѣдимое: ибо силу свою заимствовало изъ непреодолимой силы душевной. То было ополченіе Русскихъ крестьянъ, названныхъ нашимъ Полководцемъ: *истинными сынами Отечества* (**).

Вѣщали уроки исторіи, какъ пагубно полагаться на одну внѣшнюю силу, пренебрегая или не зная могущества силы нравственной. »*Карлъ пятый*, исполинъ — обладатель своего вѣка, въ политическихъ соображеніяхъ своихъ ошибался отъ того, что не умѣлъ исчислить дѣйствія силъ нравственныхъ и почиталъ мечтою мужество безкорыстное, то есть: самоотреченіе (***).«

(*) Военныя извѣстія, стр. 133.

(**) Военныя дѣйствія.

(***) Исторія.

А развѣ *Наполеонъ* забылъ, что 1790 года, въ годъ кончины безсмертнаго *Франклина*, Франція, въ лицѣ представителей своихъ облекшись въ печальную одежду, торжественно повѣстила, что *никогда не будетъ воевать въ духѣ завоеваній?* Эта повѣстка смолкла въ громахъ побѣды *Маренгской*.

Но ужели *Наполеонъ* не зналъ уроковъ исторіи? Зналъ и много зналъ до тѣхъ дней, когда наступилъ *судъ Божій*.

А тогда! — Тогда тотъ, кто почитаетъ другихъ недальновидными; тотъ самъ низвергается въ мракъ еще густѣйшій. Къ ниспроверженію смысла его — нужно только долговременное счастіе (*).«

»Великіе міра! протекшіе обширный театръ лѣтописей всемірныхъ: чѣмъ вы славились? Тѣмъ ли, что вы повелѣвали судьбою и по произволу своему управляли перемѣнами, измѣняющими лице земнаго шара? Нѣтъ! вы были только орудіемъ воли непреодолимой; вы исполняли только велѣнія опредѣленія невидимаго распорядителя вселенной, который по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ управляетъ жребіемъ человѣчества (**).«

(*) *Боссюэтъ — Историкъ.*

(**) Историкъ *Іоаннъ Миллеръ.*

И какъ неисповѣдимы судьбы Провидѣнія! Кто думалъ изъ политиковъ Европейскихъ, что *Англія* въ блескѣ и на зарѣ девятнадцатаго столѣтія, должна будетъ ополчиться самоотреченіемъ предковъ нашихъ *семнадцатаго* вѣка и въ тотъ самый годъ, когда предки нынѣшнихъ Англичанъ подавали имъ длань дружественную? Кто это зналъ? Ни Сиръ *Вальполь*, ни *Шаталь*, ни *Питъ*: никто того не зналъ, кромѣ Провидѣнія. Оно повелѣло и — Англичане *девятнадцатаго* столѣтія воскликнули. »Намъ грозитъ война упорная или порабощеніе позорное. Жизнь ничто, когда дѣло идетъ о чести и независимости. Дорого будетъ намъ стоить война; но—мы готовы на всѣ пожертвованія. Тяжелое подъемлемъ мы бремя; но мы подъемлемъ его за Отечество. Мы обрекли себя на всѣ опасности за свободу Англіи, за сохраненіе гробовъ отцевъ нашихъ; за храмы Божіи: за славу Отечества. Для Англіи одна бѣда: — поникнутъ челомъ предъ властолюбцемъ.«

Ужели *Наполеонъ* не слышалъ и этого громкаго глагола самоотреченія? И не слышалъ и по усугубленію суда небеснаго не могъ прислушиваться даже и къ собственной своей мысли. »Въ военныхъ обстоятельствахъ,

говорилъ *Наполеонъ* года за три до нашествія: въ военныхъ обстоятельствахъ *предусмотрительность*—качество важнѣйшее. Она ведетъ насъ къ тому только, что въ силахъ выдержать и не предпринимать того, что сопряжено съ величайшими препонами (*).«

Такъ говорилъ Завоеватель 1809 года: и что же проявилось въ Наполеонѣ 1812 года? Забвеніе себя и всего.

(* *Монитеръ* 1809 года, мѣсяцъ Сентябрь.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Общій взглядъ отъ перваго Октября до Ноября двадцать пятаго. — Тарутино. — Москва. — Полоцкъ. — Малой - Ярославецъ. — Нѣкоторыя подробности о Князѣ Багратіонѣ. — Графъ Воронцовъ. — Москва. — Иловайскій. — Бенкендорфъ. — К: Шаховской. — Оленинъ. — Октября девятнадцатое. — Орловъ - Денисовъ. — Сеславинъ. — Давыдовъ. — Фигнеръ. — И: А: Вельяминовъ. — Котляревскій. — Юренсбергъ. — Лисаневичъ. — Застрѣльщикъ Ерелеико. — Шепелевъ. — Рословскій голова Полозовъ. — Вязьма. — Милорадовичъ. — Паскевичъ. — Чоглоковъ. — Перновскій полкъ. — Пути Провидѣнія. — Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ НИКОЛАЙ Первый. — Великій Князь Михаилъ Павловичъ. — Битва подъ Краснымъ. — Графъ Ламбертъ. — А: Чичаговъ. — Князь Волконской. — Черныщевъ. — Пантелѣевъ. — Ермоловъ. — Платовъ. — Поручикъ Орловъ. — Бѣгство нашествія.

Общій взглядъ на событія 1812 года.
Отъ Октября перваго до Декабря
двадцать пятаго.

Съ береговъ *Урала* спѣшатъ новые полки на берега *Двины.* Они уже на берегахъ Волги. Часть запасныхъ полковъ ждетъ призыва въ *Тулѣ.* Въ *Верей* соборный священникъ Іоаннъ *Скабѣевъ* съ сильною дружиною посланъ срываетъ непріятельскія укрѣпленія. К: *Кудашевъ* дѣйствуетъ по *Серпуховской* и *Калужской* дорогѣ. Отъ полковъ *Торнасова* и *Чичагова* вездѣ быстро отступаютъ полки непріятельскіе. *Кутузовъ* твердою поступью стопитъ на берегахъ *Нары.* Вся Россія въ движеніи; въ движеніи и прежнихъ и новыхъ силъ.

Изъ затерявшейся думы завоевателя исходитъ общее забвеніе и огромляетъ нашествіе забвеніемъ сокровищъ и военнаго человѣчества. *Ней* бѣжитъ изъ подъ *Богородска* и на пороховомъ заводѣ *Беренца* забываетъ кошелекъ съ *Наполеондорами.* Маршалъ *Ней* съ чистыми руками вышелъ изъ страны Московской. Въ тотъ же день, но есть: Октября *перваго* Генералъ *Дельзонъ* бѣжалъ

изъ *Длитрова;* и, какъ сказано въ военныхъ извѣстіяхъ: забылъ передовую свою цѣпь, укрывшись въ лѣсъ подъ завѣсою ночи (*). Поспѣшно вбѣжалъ *Дельзонъ* въ Дмитровъ и едва вступя, еще поспѣшнѣе бѣжалъ отшуда. Недоумѣя о перелетномъ входѣ и выходѣ его, *Винценгероде* въ донесеніи своемъ предъявилъ, что ему неизвѣстны причины, побудившія Французскаго Генерала съ такою торопливостію оставить *Длитровъ* (*).

Не зналъ и *Наполеонъ,* за чѣмъ онъ двигалъ и передвигалъ полки по землѣ Московской. Огромляя Россію нашествіемъ, онъ и самъ поникъ мыслію подъ разгромомъ нашествія. А не далекъ былъ отъ него урокъ въ томъ, что одинъ неосторожный шагъ можетъ разстроить исполинскій объемъ военный. 1796 года Генералъ *Бонапартъ,* дѣйствуя по предначертанію *Карно,* летѣлъ въ Италіи отъ побѣды къ побѣдамъ. Ласкались успѣхами и другіе Французскіе полководцы, бывшіе на *Маасѣ, Рейнѣ* и на общей чертѣ; но Генералъ *Журданъ* переступилъ черту дѣйствій *обѣихъ* армій и ошибка его уничто-

(*) Стр. 122.

(**) Военныя дѣйствія, стр. 123.

жила все огромное предначертаніе войны 1796 года (*).

Октября *пятаго* сражались у *Тверской* заставы. Октября *шестаго* кипѣлъ бой на берегахъ *Нары*. Графъ *Строгановъ*, движеніемъ изъ лѣсу, а Графъ *Орловъ-Денисовъ* налетомъ въ тылъ, произвели, какъ сказано въ донесеніи Беннигсена: »видимое изумленіе въ непріятелѣ, при запрудительномъ выходѣ изъ укрѣпленій.«

Кипѣли битвы и на берегахъ Двины. Графъ *Штейнгель*, развязанный въ дѣйствіяхъ своихъ жаркимъ авангардными боемъ выдержаннымъ и одержаннымъ *девятнадцатаго* Сентября *Вельяминовымъ* старшимъ: довершилъ торжественную выручку Полоцка изъ рукъ сопротивниковъ, опрокинувъ Октября *седьмаго* полки ихъ по ту сторону *Двины* у селенія *Болонии*. Генералъ-Маіоръ *Сазоновъ* первый устремился въ стѣны *Полоцка*. Сенаторъ *Бибиковъ* съ дружинами *С. Петербургскаго ополченія*, сражался съ отважностью воина, обстрелеваго боями. »С. Петербургское ополченіе: сказано въ донесеніи: »приво-

(*) La faute de Jourdan fit évanouir le vaste plan de campagne de *Carnot* 1796. Wess. T: 4 pag. 334.

дило всѣхъ въ восторгъ; дрались храбро, отчаянно; дружины его львами летали на батареи и окопы. И рѣчью *Ломоносовскою* прибавимъ, что въ честь его рукоплескали и берега *Двины* и берега *Невы*.

Бой *Тарутинскій* былъ *приступомъ* къ новой войнѣ. Начало шестимѣсячной войны, называю *оборонно — отступательнымъ*. Оружіе Русскихъ отражало оружіе нашествія и успупленіемъ земли заполоняло его.

Вторая война: война отрядная и отдѣльныхъ корпусовъ.

Война третья послѣ *Малаго-Ярославца*, не найдемъ названія ни въ какихъ *тактикахъ*. То была съ одной стороны война *изгнанія;* а съ другой война *бѣгства;* война съ грозными бурями убійственной зимы; война съ смертію голодной; война, изрывавшая повсюду могилы *нашествію*.

Сильный, упорный гремѣлъ бой подъ *Малымъ-Ярославцемъ*. Русскіе, повторяю и здѣсь: отстаивали жизнь полуденныхъ областей Россіи; Наполеонъ отстаивалъ жизнь остальнаго нашествія.

Пріостановимся здѣсь:

При началѣ нашествія Полководцы наши дружескими воззваніями не переманивали, а приглашали полки сопротивниковъ въ госпс-

пріимныя нѣдра Россіи, предлагая имъ союзъ брапскій и любовь (*), чтобы они для спасенія *всѣхъ*, оспавили *одного*.

Но иогда нашествіе было олицетворенною славою военною. Блескъ доспѣховъ его спорилъ съ блескомъ солнечнымъ. За чѣмъ двинулось оно? Для обладанія надъ земною вселенною. Кто вождь его? Исполинъ своего вѣка, подъ яркимъ сіяніемъ счастливой своей звѣзды, гремѣвшій въ трехъ частяхъ свѣта.

Но то было! А теперь *одному* надобно не выдашь себя, поопдашь себя *за всѣхъ*.

И какъ это легко!

Сильвіо Пеликo, сказалъ: »Люди часто смущаются ненавистью опъ того, что не знаютъ другъ друга. Имъ стоитъ только обмѣняпься *нѣсколькими словами* и они подадутъ руку другъ другу.«

Посолъ Наполеона уговаривался подъ *Тарутиномъ* условно: уговаривался, чтобы Наполеону отступить въ *Вязьму* и оттуда договариваться о мирѣ. Прошло время условій! Подъ *Малымъ-Ярославцемъ* должно было простерть руку безусловно. Наполеоновы полки стоили этой жертвы: они бились, какъ

(*) См. жизнь Маршала *Нея*, стр. 17.

будно бы при блескѣ *счастливой звѣзды* Завоевателя.

Одинъ путешественникъ, обозрѣвая горы *Швейцаріи*, услышалъ, что жестокосердые сопутники, оставя утомленнаго своего товарища, подвергли его смерти, въ порывѣ негодованія воскликнулъ: »какъ вздохнешь, какъ содрогнутся и тѣло и душа, когда помыслишь, что люди, что дѣти одного отца, до того каменѣютъ въ безчувствіи, что оставляютъ среди льдовъ побѣдившаго своего брата! Онъ изнемогаетъ; они могутъ исторгнуть его изъ челюстей смерти и — они бѣгутъ отъ него. Какое униженіе душевное! Какое сопричисленіе къ дикимъ звѣрямъ, которые въ глубинѣ лѣсовъ заняты только собою! (*)«

Небосклонъ подъ *Малымъ - Ярославцемъ* засвѣтился пламенемъ пожарнымъ. Огонь на стогнахъ его; огонь все пожираетъ. Кутузовъ отступаетъ на высоты. Бьетъ полночь; бьетъ тотъ роковой часъ, который въ ночь на *первое* Октября прогремѣлъ въ Москвѣ на башнѣ *Спасской;* когда Наполеонъ узналъ, что смерть голодная предстоитъ его войску.

(*) Promenades aux environs de Mont - Blanc. Pag. 99. „Quelle assimilation au loup et à l'ours! Quelle dégradation!“

А отъ Октября *перваго* до *тринадцатаго*, сколько человѣчества бишвы и голодъ вырвали изъ рядовъ нашествія!

Мечтаю!

Что, еслибъ Завоеватель, завоевавъ въ безднѣ исполинской души своей чувство сожалѣнія, самъ, *одинъ*, при звукѣ мирныхъ кликовъ, устремился возвѣстить Русскому Полководцу, что бой конченъ! Что онъ *одинъ* отдастъ себя за *всѣхъ*. И съ какимъ бы восторгомъ престарѣлый Полководецъ преклонилъ чело не передъ Наполеономъ *Императоромъ Французовъ*, но предъ *человѣкомъ*, отдающимъ себя за *человѣчество*.

И на томъ мѣстѣ воздвигся бы памятникъ, благословляемый небомъ и землею.

Но онъ не движется!

Еще мигъ!...

Мигъ исчезъ! И нашествіе отражено на путь могильный. Оно бѣжитъ мимо поля бишвы Бородинской, гдѣ *сорокъ пять тысячъ* жертвъ, павшихъ подъ знаменами завоевателя, тлѣютъ на поверхности равнинъ, гдѣ вскорѣ застѣлитъ ихъ завѣса снѣговъ и гдѣ пламень костровъ превратитъ ихъ въ пепелъ пожара Московскаго!

Мысль человѣческая! Что ты изобрѣла въ девятнадцатомъ столѣтіи? *Нашествіе.*

Сбылась клятва Русскихъ воиновъ Бородинскихъ: Москва освобождена. Нѣмецъ Дона *тихаго*, Иловайскій, возвѣщаетъ Октября *пятнадцатаго* о распоряженіи сея плѣна.

И любовь небесная со свода горняго взираетъ на Москву! Первая въ ней жертва воскурилась въ жертву спасенія человѣчества Къ плѣннымъ и раненымъ Французамъ и другимъ воинамъ разноплеменнымъ, приставлены врачи. Обѣднѣла Москва въ пособіяхъ продовольствія: летятъ съ нимъ повозки изъ *Клина;* и *Клинъ*, первый изъ Русскихъ городовъ даритъ *хлѣбомъ-солью* и Русскихъ и братьевъ нашихъ по человѣчеству. Плѣнныхъ поручаютъ въ охраненіе того самаго Владиміра Иваповича *Оленина*, корпуснаго моего сопитомца, о которомъ выше упомянуто и который 1805 года, послѣ *Аустерлицкаго* сраженія, самъ отъ ранъ пользовался у Французскихъ врачей.

Кто знаетъ изъ насъ сыновъ земли: *гдѣ* и *чѣмъ* кто кому будетъ одолженъ? Да живетъ же въ насъ сердце, поспѣшливое на добро! »Когда правитель Вселенной: говоритъ глаголъ Восшока: »повелѣлъ солнцу освѣтить небо безпредѣльное и оплодотворить лице земли; онъ разсѣялъ людей и на *Сѣверѣ* и на

Югъ и на *Востокъ* и на *Западъ*, вѣщая: *наслаждайтесь и дарами душевными и дарами природы! Сходитесь на пиръ любви; тогда и львы и тигры будутъ благоговѣть предъ вами!*«

Въ нашъ *девятнадцатый* вѣкъ сходились со всѣхъ сторонъ сыны земли не на пиръ любви, а на пиръ смерти.

Князь Багратіонъ, рану свою *Бородинскую* почитавшій раною *за Москву*, умеръ, не дождавшись освобожденія ея. Прахъ его покоится въ Владимірскомъ помѣстьѣ Графа *Воронцова*, который за раною Бородинскою уклонясь подъ кровъ сельскій, радушною лаской и готовою рукою всѣмъ нашимъ раненымъ предлагалъ гостепріимство. Въ стихахъ, напечатанныхъ по сему случаю въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, сказано:

„И отдыхъ Русскаго героя
Отечеству — святая дань!“

Прибавимъ: »и дань человѣчеству.«

Кто благотворенія свои облекаетъ радужною завѣсою тайны, тотъ подлинный другъ человѣчества; тотъ знаетъ, какъ тяжело иногда принимать и рукѣ и сердцу!

Князь *Багратіонъ* сердечно любилъ Москву и она усыновила его любовью. Всѣмъ извѣстно,

что 1805 напечатано было въ вѣдомостяхъ, что при отступленіи отъ *Браунау* къ *Ольмюцу*, К: Багратіонъ оставленъ былъ на жертву для охраненія отступавшихъ Русскихъ войскъ. Ему угрожала цѣлая армія Мюратова. Но шутъ догадка Русская и языкъ Французскій спасли нашихъ. Всѣ офицеры, знавшіе по Французски въ то самое время, когда *Багратіонъ* проманивалъ Мюрата мнимыми переговорами и пользуясь темнотою ночи, ставъ передъ рядами, двинулись сквозь ущелья и на вопросъ Французовъ: *кто идетъ?* Вскрикнули по Французски: *наши!* Laissez — nous passer; пропустите! Отвѣтъ Французской выручилъ Русскихъ изъ бѣды. Раздалось въ обѣихъ столицахъ:

Великъ *На—по—ле—онъ;*
то есть: *на полѣ.*
Баг—ра—ті—онъ;
то есть: *вождь побѣдъ.*

А когда герой 1806 года пріѣхалъ въ Москву, тогда Англинскій клубъ избравъ предсѣдателемъ своимъ Ивана Петровича *Архарова*, барина радушнаго и рѣчистаго и присовокупя къ нему нѣсколько почетныхъ членовъ, отправилъ ихъ къ Князю послами приглашать на пиръ любви и благодарности. И

былъ пиръ! И гремѣло ура! И какъ съ тѣхъ дней оно со многими отгремѣло? К: Багратіонъ, богатырь *Суворовскій*, не выдержалъ бы предводительства отступленія. Жалость боролась въ сердцѣ его съ отвагою. Онъ плакалъ по Смоленскѣ, плакалъ по Москвѣ и послѣ битвы Бородинской, писалъ къ своимъ: *мы не выдадимъ Москвы.* Для перенесенія бремени отступленія Богъ послалъ *Барклая-де-Толли.* И у Барклая жалостливое было сердце. Но онъ скрѣпилъ его; отдалъ себя на судъ Провидѣнія и довелъ полки до Кутузова.

Повторяю и здѣсь, что первымъ устроителемъ въ освобожденной Москвѣ благочинія и начальства Комендантскаго: былъ тогдашній Полковникъ *Бенкендорфъ.* Было поручено дѣло и Князю А: А: *Шаховскому*, проходящему на пупяхъ Русской Словесности поприще *Таліи.* Князь мнѣ говорилъ и я напечаталъ въ Московскомъ Альманахѣ 1826 года, что онъ первый въѣхалъ въ развалины *Кремля.* Ему описать и шопъ торжественный и шопъ гробовой мигъ! Но говоря о писателѣ приведу по случаю развалинъ Кремлевскихъ то, что Лирикъ *Руссо* сказалъ въ одѣ своей къ Принцу *Евгенію.*

»Ce n'est point d'un amas funeste
De massacres et de débris
Qu'une vertu pure et celeste
Tire son véritable prix.«

„Не изъ могильныхъ разрушеній,
Не изъ убійственныхъ гробовъ,
Не изъ кровавыхъ злоключеній —
Сіяютъ доблесть и любовь.
Кто только мещетъ громъ побѣдной,
Тотъ вѣстникъ славы мимолетной.
Чтобъ дать и зависти законъ:
Пусть лавры пальмой обвиваютъ;
Пусть сердце — сердцемъ привлекаетъ!
И — перейдетъ въ потомство онъ.“

Между тѣмъ непріятель предупрежденъ на всѣхъ дорогахъ. Усиленный отрядъ *Милорадовича* спѣшитъ къ *Вязьмѣ*. Все войско *Донское* летитъ опережать нашествіе, истребляетъ мосты, переправы и усѣиваетъ гибелью каждый его шагъ (*).

Въ тоже почти время полки, бывшіе сперва въ *Сербіи*, а потомъ расположившіеся въ *Дубно*, съ Генераломъ *Лидерсомъ* шли на *Владиміръ*.

(*) Военныя извѣстія стр. 180.

Въ тоже почти время сближалсь къ *Гродно* и *Вильно*, Адмиралъ *Чичаговъ* приготовлялъ легкій отрядъ къ открытію войска Графа *Витгенштейна*. Все или разило или соединялось. Отряды *Шепелева* и Графа *Ожаровскаго* спѣшили къ *Ельнѣ*.

Октября *осмнадцатаго* быстрымъ, отважнымъ, дружнымъ искуснымъ дѣйствіемъ Графа *Орлова-Денисова* и партизановъ *Сеславина*, *Давыдова* и *Фигнера* взятъ былъ въ плѣнъ цѣлый Французскій корпусъ. »Побѣда сія, сказано въ военныхъ извѣстіяхъ 1812 года: »шѣмъ болѣе знаменита, что въ первый разъ въ продолженіи нынѣшней войны непріятельскій *корпусъ* сдался намъ.«

Громки были подвиги нашихъ Русскихъ и истинно Русскихъ *партизановъ!* Громки были подвиги и другихъ отрядовъ; но отряды, дѣйствовавшіе подъ Ригою, какъ будто бы заслонены были завѣсою, шѣмъ болѣе, что главное ихъ дѣйствіе началось въ годину плѣна Московскаго. Изъ сихъ отрядовъ достопамятнѣйшій отрядъ *Вельяминова* старшаго, первоначально составлявшій *авангардъ* корпуса Графа *Штейнгеля*. На равнинахъ *Курляндіи* не способно было дѣйствовать многочисленной конницѣ; а поному корпусу Графа

Штейнгеля, выступившему изъ *Риги* и предназначено было пройти по правому берегу Двины къ Друю (*). А для успѣшнаго въ томъ дѣйствія, надлежало занять непріятеля и выдержать авангарду, сильный, упорный бой, продолжавшійся *двѣнадцать* часовъ на соединеніи четырехъ дорогъ. *Вельяминовъ* и мужественные его сотрудники, поименованные въ военныхъ извѣстіяхъ, выдержали его. Давно сказано и доказано, что отъ перваго рѣшительнаго и успѣшнаго шага, зависятъ дальнѣйшіе успѣхи. Корпусъ Г: *Штейнгеля,* отстоявный грудью авангарда, содѣйствовалъ, какъ выше сказано и какъ означено въ военныхъ извѣстіяхъ, къ исторженію *Полоцка* изъ рукъ непріятеля. Тѣмъ же корпусомъ, ровно черезъ мѣсяцъ, то есть Октября *девятнадцатаго,* для свободнаго дѣйствія войска Г: *Витгенштейна,* отшатнулъ былъ Маршалъ *Викторъ.* Наконецъ *Вельяминовъ,* неусыпно наблюдая съ отрядомъ своимъ за всѣми движеніями непріятеля, зоркою предусмотрительностію своею споспѣшествовалъ къ оборонѣ рубежей *Лифляндіи.*

(*) Военныя извѣстія, стр. 110.

Во время еще плѣна Московскаго, Маршалъ *Викторъ* въ быстромъ переселѣ отъ стѣнъ *Смоленска*, какъ будто бы съ облаковъ упалъ на поприще дѣйствій Графа *Витгенштейна*. Былъ я погда на берегахъ *Волги* и слышалъ молву разгульную. Одни говорили: »у Виктора сто тысячъ!« Другіе предполагали, что другой *Наполеонъ* подоспѣлъ къ *Наполеону*. Но Октября *девятнадцатаго* подлинный и мнимый Наполеонъ, болѣе и болѣе, говоря выраженіемъ *Карамзина*: заходили въ туманную область небытія.

22 Октября *Милорадовичъ* подъ Вязьмою, *Паскевичъ* и *Чоглоковъ* гонятъ отпуда непріятеля штыками. *Перновскій* полкъ входитъ съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ. Если не ошибаюсь, то *Чоглоковъ* былъ корпуснымъ сопутникомъ и храбраго и добродѣтельнаго *Кульнева*.

Вязьма! Эривань! Эрзерумъ! Варшава: тутъ цѣлая область исторіи.

Съ Графомъ *Эриванскимъ* Княземъ *Варшавскимъ* въ первый разъ познакомился я въ то достопамятное для меня утро (въ Мартѣ 1818 года), когда Великіе Князья, изъ уваженія къ памяти, служившаго при

нихъ *Кавалеролъ*, двоюроднаго брата моего Григорья Андреевича *Глинки*, первые подняли гробъ его и несли вмѣстѣ съ нами по узкой и извилистой лѣстницѣ изъ новопристроеннаго зданія ко дворцу Кремлевскому.

Память сердечная напечатлѣла навсегда въ душѣ моей и передаетъ въ записки это мгновеніе, когда поставя гробъ на дроги, Сыны Павла и Маріи, совершили съ сердечнымъ умиленіемъ прекрасное Христіанское поклоненіе.

Воспоминаніе о добрѣ освѣжаетъ душу и въ великомъ горѣ жизни. Сердце отдохнуло. Снова иду вслѣдъ за полетомъ Русскихъ полковъ 1812 года.

Загремѣлъ бой и на высотахъ *Дорогобужа:* бой упорный. *Милорадовичъ* ряды свои принужденъ былъ усилить новыми рядами. Наполеоновы полки кипятъ мужествомъ; кладутъ за него головы: а онъ бѣжитъ.

Съ дивными событіями нашего двѣнадцатаго года сливалась и война съ Персіей. Годъ избавленія Отечества, былъ и годомъ испытаній. Въ нѣдрахъ Россіи нашествіе. Въ нѣдрахъ Грузіи голодъ, моровая зараза, война. Въ исходѣ Октября полки Кутузова гнали

Наполеоновы полки къ Днѣпру и за *Днѣпръ;* а полки, предводимые *Котляревскимъ*, гремѣли на берегахъ *Аракса. Абасъ Мирза*, сынъ *Бабахана*, съ устроенной конницей и съ двѣнадцатью пушками спѣшитъ подкрѣпить *Пиръ Кулихана*, бывшаго Хана *Шекинскаго.* У нихъ конница паритъ полетомъ орлинымъ; Котляревскій паритъ еще быстрѣе. Уже *Абасъ Мирза* у *Асландузской* переправы. *Котляревскій*, возобновляя подвигъ *Леонида* Спартанскаго, молніей врывается въ сердце стана Персидскаго. Онъ тамъ. Непріятель бѣжитъ; станъ въ рукахъ у Русскихъ. Бѣжитъ *Абасъ Мирза;* Котляревскій разитъ его на каждомъ шагѣ; еще шагъ и — на спѣшахъ *Асландуза*, укрѣпленнаго искуствомъ Европейскимъ, развѣваются знамена Русскія. Гремѣлъ Котляревскій на полѣ бивъ; гремитъ онъ и въ стихахъ Поэта *Пушкина.*

„О Котляревскій! бичь Кавказа,
Куда не мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза
Губилъ, ничтожилъ племена....
Ты днесь покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война,
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ....“

Опѣ опрядовъ *Юренберга* и *Лисаневича*, шедшаго по слѣдамъ *Котляревскаго* и попомъ павшаго опѣ вѣроломнаго кинжала горцевъ: опѣ Русскихъ опрядовъ на рубежахъ Грузіи и Персіи, бѣгущѣ и *Пиръ Кулиханъ* и *Сардарь Эриванскій*. Опѣ полковъ Русскихъ бѣжитъ въ Россіи Наполеонъ.

Онъ бѣжитъ; вбѣжалъ въ Смоленскъ; забылъ намъ Нея и выбѣжалъ отшуда для новаго бѣгства.

А между тѣмъ занимается заря кровавая битвы *Березинской*. Наступаетъ развязка той великой трагедіи, о которой *Наполеонъ* говорилъ *Нарбону* передъ битвою *Бородинскою*. Съ *пятыми* Ноябрями наступило *четвертое* дѣйствіе той трагедіи.

Первое пятое Ноября. Битва подъ *Краснымъ*.

Подъ Малымъ-Ярославцемъ, Кутузовъ усматривалъ искусныя и хитрыя распоряженія Наполеона; но завоевателю и въ мысль не приходило о боковомъ движеніи Русскихъ войскъ отъ *Ельни* на *Красное*.

О трехдневномъ боѣ подъ *Краснымъ* много писано; и въ послѣдствіи обращусь къ нему.

Второе пятое Ноября.

Въ тотъ самый день, когда гремѣлъ бой подъ Краснымъ, *Чернышевъ*, Полковникъ двѣнадцатаго года принесъ новое одушевленіе полкамъ Графа *Витгенштейна*, извѣстія его о войскѣ Адмирала *Чичагова*, бывшаго доколѣ въ безвѣстіи о битвахъ, кипѣвшихъ на берегахъ Двины. Этотъ день былъ днемъ заочнаго свиданія двухъ Русскихъ армій, въ предѣлахъ Отечества безвѣстіемъ другъ о другѣ. Быстрыми переходами, *Чернышевъ* истребилъ всѣ переправы, тревожилъ непріятеля внезапнымъ появленіемъ; и воспрепятствовалъ К: *Шварценбергу* прервать связь полковъ *Сакена* съ полками *Чичагова*. Съ благородною откровенностію называлъ онъ Маіора *Пантелѣева* неутомимымъ помощникомъ своимъ.

Ноября *осьмаго*, Графъ *Ламбертъ* занялъ *Борисовъ*.

»А девятаго числа на разсвѣтѣ, говоритъ въ донесеніи своемъ Государю Адмиралъ Чичаговъ: »Графъ *Ламбертъ* раздѣливъ войска на три колонны, атаковалъ редуты, занятые корпусомъ *Домбровскаго*, который прибылъ накануѣ форсированными маршами изъ Березина. Сопротивленіе было сильное, а сраженіе жестокое и продолжительное; но Вы имѣете, Государь, въ храбромъ и искусномъ Графѣ *де Ламбертѣ* Генерала, который

не знавшъ препятствій и который почувствовалъ всю важность поста, гдѣ непріятель шпердо рѣшился, чтобъ ни стоило удержаться. Сраженіе продолжалось во весь день, и я съ арміею уже приближался когда получилъ извѣстіе, что редуты взяты штурмомъ.«

Послѣ пораженія подъ *Краснымъ*, получа отпрядъ, *Ермоловъ* соединился на *Орши* съ *Платовымъ*. Ноября одиннадцатаго, *Милорадовичъ*, переправясь черезъ *Днѣпръ* въ *Копысѣ*, спѣшилъ къ *Толочину* соединиться съ *Ермоловымъ*. Тутъ сошлись ошвага, громъ и быстрота. Милорадовичъ, Платовъ, Ермоловъ. Подъ шумомъ зимнихъ бурь, три орла взвились къ гоньбѣ Наполеоновыхъ орловъ. Кутузовъ говорилъ въ военныхъ извѣстіяхъ: »Великъ Богъ! Казаки дѣлаютъ чудеса!« А Платовъ восклицалъ: »Ура! Ваша Свѣтлость!« Мечь *Орлова Чесменскаго* сверкалъ тогда въ рукахъ Милорадовича. Имя Ермолова громко откликалось и 1796 года въ походъ *Персидскій*, когда юному Графу В: А: *Зубову* вручилъ ключи шопъ самый *Персіянинъ*, который подносилъ ихъ Петру *Первому*. Въ тотъ же годъ на вершинѣ горъ *Альпійскихъ* блеснула слава юнаго *Бонапарта*. Но тогда имя его едва долетало до слуха

свѣта разсѣяннаго. Тогда въ стѣнахъ Москвы заняты были модною женою И: И: *Дмитріева,* Юліей и посланіемъ къ женщинамъ И: М: *Карамзина.* Тогда на грудяхъ женщинъ большаго Московскаго свѣта, блистали золотыя цѣпи, къ уловленію гордаго красавца, объявившаго войну купидоновымъ стрѣламъ. Тогда одинъ только *Суворовъ,* окинувшись *родительскимъ* плащемъ, высылалъ изъ ставки къ Екатеринѣ возгласы: »Матушка! Вели итти на Французовъ!.... О, какъ шагаетъ юный Бонапартъ!« — То было 1796 года; а 1812 Французы пришли въ Москву. На все время и — все на время. И Наполеонъ въ Москвѣ былъ гостемъ мимолетнымъ. Съ именемъ Бонапарта онъ долѣе гремѣлъ въ таинственномъ Египтѣ и въ предѣлахъ Азіи. Тогда обхваченъ онъ былъ лучами славы лѣтописей всемірныхъ: тогда оживали съ нимъ: Александръ, Цесарь, Ганнибалъ.

Дальнѣйшія военныя дѣйствія предначертаны были самимъ Александромъ *Первымъ.* Такъ означено въ донесеніи Кутузова отъ Ноября *пятнадцатаго.*

Душа Русская полнотою жизни своей отстаивала землю Русскую. Московскаго полка застрѣльщикъ Степанъ *Еременко* отъ ранъ за Смоленскъ лѣчился у помѣщика *Кре-*

четова. Оздоровѣвъ и услышавъ, что отрядъ непріятельскій пробирался чрезъ села *Млекино* и *Ползино*, собралъ дружину поселянъ, семь человѣкъ, какъ сказано въ военныхъ извѣстіяхъ, истребилъ, а другихъ перевязалъ и отослалъ къ передовой цѣпи Русскихъ войскъ. Почетный военный знакъ и чинъ унтеръ-офицера были ему наградой.

Въ тоже время Шепелевъ доносилъ изъ *Рословля*, что голова *Полозовъ* и сто человѣкъ мѣщанъ, порываясь на оборону роднаго края, составили отрядъ, вооружились пиками, саблями и ружьями, бились съ непріятелемъ, переносили раны и охраняли родину.

Уже знамена Русскія развѣвались передъ *Березиной.* Войска непріятельскія отдѣляли *Кутузова* отъ *Чичагова.* Нужно было дать вѣсть и войти въ сношеніе. На этотъ отважный, *Чернышевскій* подвигъ данъ былъ Флигель-Адъютанту Поручику *Орлову* отрядъ казаковъ. Объемъ снѣженный занимали полки Наполеоновы; а должно было пролезѣть сквозь всю черту. *Орловъ* ночевалъ среди стана Наполеонова. Умомъ смѣтливымъ все преодолѣлъ; все исполнилъ и отправленъ былъ къ Государю съ донесеніемъ и съ двумя знаменами, взятыми Чичаговымъ.

А между тѣмъ ополченія соединялись, выступали въ походъ и семдесятъ тысячъ ратниковъ шли къ войску подъ начальствомъ Графа *Гудовича.*

Березина! Послѣднее дѣйствіе Бородинской Наполеоновской трагедіи.

Съ береговъ *Березины* въ полной пагубѣ засвирѣпствовало бѣгство злополучнаго нашествія. Ввело оно съ собою войну въ дни яснаго лѣта и гибло. Томилось оно на стогнахъ Московскихъ подъ градомъ огненнымъ; гибнетъ въ скоротечномъ бѣгствѣ на снѣжныхъ равнинахъ.

Это голосъ неба. А вотъ вопль человѣческій; вопль Французскаго историка Наполеонова похода въ Россію.

Не было такого бѣдствія въ исторіяхъ всемірныхъ, не было и такого исполинскаго нашествія подъ знаменами вождя, превознесеннаго громкими побѣдами. Какой урокъ! Еслибъ гордыня внимала урокамъ, разящимъ человѣчество. Гибель войскъ *Камбизовыхъ* въ степяхъ Африканскихъ не поколебала Персіи; пораженіе *Ксеркса* въ предѣлахъ Греціи, было только карою безумію; Императоръ *Юліанъ* погибъ, но погибъ со славою. А въ наше время разбитіе и плѣнъ Карла *двѣнадцатаго,* тѣнь легкая передъ гробовымъ мракомъ нашествія.

»Голодъ и бури зимнія вопіютъ съ бѣгущимъ человѣчествомъ. А кто слышитъ и стоны и послѣднія воздыханія страдальцевъ! Кто закроетъ ихъ! Съ ними скорбь; съ ними смерть.

»Отважные стихотворцы! Берите теперь лиры свои; славьте завоевателей! Ваятели и живописцы *истязуйте* мраморъ и холстъ, возобновляйте намъ лики губителей человѣчества.

»Гдѣ Александръ, гдѣ Ганнибалъ, гдѣ Юлій Цесарь, гдѣ исполинъ нашего вѣка? Тихомолкомъ, подъ завѣсою ночи прокрадываетесь въ стѣны Парижа и на зарѣ утренней раздается вѣсть гробовая вѣсть: *онъ здѣсь? Но гдѣ его войско?*

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Духъ самоотреченія. — Графъ Остерманъ-Толстой. — Князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ. — Мерзляковъ. — К. Ѳ. Калайдовичъ. — Манахтинъ. — С. С. Апраксинъ. — Графъ Кутайсовъ. — Дѣйствія малой войны. — Князь П. М. Волконскій. — Моя родина. — Донесеніе отъ 5 Ноября Графу Витгенштейну Полковника Чернышева. — Дѣйствіе летучихъ отрядовъ. — Запасные войска малой войны. — Суворовъ. — Румянцовъ. — Графъ де Сакъ. — Поэтъ Байронъ. — Кайсаровъ. — Слова Фельдмаршала Каменскаго о Наполеонѣ. — За что Наполеонъ вторгся въ предѣлы Россіи и свидѣтельства его о Русскомъ народѣ.

Духъ самоотреченія до двѣнадцатаго года и нѣкоторыя подробности о успѣшномъ дѣйствіи малой войны 1812 года.

Главная причина успѣховъ *малой войны* 1812 года было то безпредѣльное самоотреченіе, которое одушевляло и чертоги и палаты и станъ воинскій и хижины Русскихъ поселянъ.

Въ *первый двѣнадцатый* годъ; въ годъ нашихъ предковъ: кипѣли между боярами притязательства пагубнаго *мѣстничества* и въ мирное и въ военное время. Во *второй двѣнадцатый* годъ нашего девятнадцатаго столѣтія, души, мысли и дѣянія: все стремилось къ одной цѣли; къ цѣли охраненія и спасенія Отечества.

Вотъ свидѣтельства самоотреченія и военнаго и нравственнаго.

Графъ *Остерманъ-Толстой* и Князь Дмитрій Владиміровичъ *Голицынъ*, съ одровъ болѣзни спѣшили на поле битвъ; а Князь Борисъ Владиміровичъ отъ мирныхъ и новыхъ душевныхъ занятій.

К: Борисъ Владиміровичъ *Голицынъ*, готовился къ 1812 году на поприщѣ новаго преобразованія своего. Уклонясь на время отъ

службы, съ жаромъ юноши посвятилъ себя новому ученію. Поэтъ сказалъ:

„Учиться никогда не поздно.“

И съ какимъ воспоргомъ, Борисъ Владиміровичъ приступилъ къ переученію самаго себя! Приглася однажды въ гости Алексѣя Федоровича *Мерзлякова;* Константина Федоровича *Калайдовича* и меня, бывшаго Издателя *Русскаго Вѣстника;* Князь сказалъ: »я хочу учиться въ Россіи по Русски и быть Русскимъ. Много читалъ я по Французски и — къ стыду моему мало занимался Русскимъ. *Катонъ* старшій принялся за Греческую азбуку; нѣкоторые осуждали его за то; но не я. Приступая къ Русскому ученію, скажу по Русски: *вѣкъ живи, вѣкъ учись.*«

Былъ вечеръ; былъ ужинъ. Князь убѣдилъ Професора *Мерзлякова* преподавать ему Русскую словесность; а Студента *Калайдовича* Русскую Исторію; а меня просилъ, какъ можно болѣе помѣщать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* статей о древней и новой Россіи. Вскорѣ послѣ этого появилось въ изданіи моемъ статья: *О памятникахъ въ Россіи.* Прихожу въ одно утро къ Поэту нашему И: И: *Дмитріеву* и слышу отъ него, что Князь Б: В:

въ восхищеніи отъ моей спаньи. »Но, примолвилъ Иванъ Ивановичъ: »я сказалъ, что шутъ много давно извѣстнаго.« »Но не для меня:« отвѣчалъ Князь. Кромѣ ученія Русской Словесности и Исторіи Отечественной, *Русскій ученикъ*, завелъ у себя *Русскія вечера*. Съѣзжались; читали все Русское. На *Эрмитажныхъ* вечерахъ Екатерины Второй, за вискъ Французскаго слова въ рѣчь Русскую, отчитывались нѣсколькими страницами пресловутой *Телемахиды*. Этой кары не было на нашихъ вечерахъ; но *Борисъ Владиміровичъ* настоятельно просилъ, чтобы останавливали его, когда къ Русскому примѣшаетъ Французское. Рвеніе его къ Русскому слову увѣнчалось успѣхомъ: онъ очень удачно перевелъ *Рошефукольдовы мысли* и напечаталъ ихъ подъ чужимъ именемъ.

Видѣлъ я начало Русскаго ученія, К: Б: В: видѣлъ я и послѣдніе его дни страданія за Отечество. Выше сказано, что корпуснаго моего сопитомца, Полковника *Манахтина*, смертельно раненаго подъ Бородинымъ, проводилъ я въ домъ *Бориса Владиміровича* Юный Адъютантъ Манахтина и я, мы ввели героя Бородинскаго въ спальну Князя. Мучась отъ ужасной *контузіи* Бородинской, онъ лежалъ на постелѣ. Зять его Степанъ Степановичъ

Апраксинъ, облокотясь на спрадальческой его одръ, горько плакалъ и рыдалъ. При входѣ нашемъ *Борисъ Владиміровичъ*, протянувъ руку къ Манахтину, сказалъ: »вотъ и Бородинской мой товарищъ. Слава Богу! Вмѣстѣ сражались; вмѣстѣ и умремъ.« »Слава Богу! отвѣчалъ *Манахтинъ*: пора допить прощальную чашу съ жизнію!« При этомъ словѣ юный его Адъютантъ на взрыдъ заплакалъ. »Это, что такое: воскликнулъ *Манахтинъ*. »Не пруссилъ за себя; а пруссишь за меня!« Сказалъ и поцѣловалъ его. »Не рыдай же и ты:« говорилъ Князь Степану Степановичу и обойми меня. Разстанемся *здѣсь;* свидимся *тамъ!*«

Дай Богъ, чтобъ юный Адъютантъ или лучше сказать, сопутникъ его: ибо настоящій Адъютантъ *Корсаковъ* и послѣ битвы Бородинской продолжалъ путь къ Москвѣ подъ привѣтствіемъ ядръ, картечь и пуль.

Дай Богъ, чтобъ юный сопутникъ *Манахтина*, цвѣлъ еще жизнію, если не исчезъ въ буряхъ войны! Послѣ гробоваго зрѣлища, я ни разу не встрѣчалъ его. А изъ насъ, иногда свидѣвшихся возмужалыхъ странниковъ земныхъ, я одинъ оспался.

А за чѣмъ!... Поэтъ сказалъ и я скажу:

„Все въ рукахъ у Провидѣнья.“

Вопъ мой отвѣтъ.

Въ тоже время, то есть: послѣ мира *Тильзитскаго*, юный Графъ *Кутайсовъ*, поспѣшилъ въ *Парижъ*, не для успѣхъ его, не для очарованій *Пале-Рояля*, не для волшебныхъ его театровъ. Онъ поѣхалъ собирать новые опыты въ той наукѣ, которую историкъ *Боссюэтъ* называетъ: *кровавою игрою властелиновъ*, а Поэты: *искусствомъ убивать людей*. Горестная мысль! И мы скажемъ съ нашимъ *Пиндаромъ-Державинымъ*:

„Доколь Европа просвѣщенна,
Съ перуномъ будетъ устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?...

Доколь! Но доколѣ *миръ*, *гражданинъ страны Эдемской*, благодатными и постоянными крылами своими не осѣнитъ Европы просвѣщенной: дотолѣ многіе, прочитавъ *Губертову* тактику, скажутъ съ *Фернейскимъ* пустынникомъ:

»Mes amis j'ai lu l'art de massacrer les hommes!«

И искуство спасать людей, прибавлялъ *Волтеръ*: не сидѣли бъ мы безпечно въ театрахъ нашихъ, не роскошествовали бъ на вечеринхъ нашихъ пирахъ: если бъ не про-

гремѣли въ пользу Франціи громы битвы *Фонтенейской.*

И такъ доколѣ на бѣдной землѣ нашей, будутъ называть: *миръ* —

L'impraticable paix de l'abbé de saint Pierre....

Дотолѣ будутъ учиться биться съ человѣчествомъ и силою оружія спасать человѣчество.

Въ послѣднюю мою поѣздку на поле Бородинское, я слышалъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ юный *Кутайсовъ*, воздвигнутъ скромный памятникъ. Тогда былъ день двадцать шестаго Августа: день воспоминанія битвы убійственной; тогда совершалось молебствіе при закладкѣ ограды *Новоспасской общины* и тогда горе гробовое изъ Смоленска гнало меня на новое горе могильное. А потому и не успѣлъ я взглянуть на памятникъ юнаго героя. Нетлѣнный памятникъ его въ стихахъ *Жуковскаго* и въ письмѣ *Кутузова.* »Вся армія, писалъ онъ къ гостепріимному отцу: »вся армія принимаетъ живѣйшее участіе въ важной потерѣ сына вашего, падшаго на полѣ чести.« (*)

(*) См. Рус. Вѣст. изд: 1824 г. часть 12, стр. 112.

Укрѣпя станъ свой на берегахъ *Нары* подъ *Тарутинымъ*, Кутузовъ умножилъ дѣйствіе отрядовъ.

Къ смиренію войны исполинской 1812 года особенно поржествовала *малая война*. Въ нашей военной исторіи первоначальное ея дѣйствіе можно пріурочить къ семилѣтней войнѣ, когда *Суворовъ*, находясь въ *легкихъ войскахъ*, подъ начальствомъ *Берга*, парилъ отдѣльно съ *летучимъ отрядомъ*. Въ наше время съ горстью сподвижниковъ 1809 года, говоря по Суворовски: партизанъ *Шиль*; »рояся дружно и налетая, какъ снѣгъ на голову« сильно тревожилъ Наполеоновы полки и возбуждалъ въ немъ порывы гнѣва: 1812 года *малая* или *отрядная война*, началась послѣ битвы Бородинской.

Снова повторяю, что отличительное свойство Отечественной войны 1812 года, самоотреченіе отъ духа *мѣстничества*. Напримѣръ: отрядъ Полковника *Ридигера* превосходилъ числомъ войскъ отрядъ, составившій подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта *Левиза*, въ отрядѣ котораго было только пятьсота триста человѣкъ. Въ войну Отечественную воевали души: а кто исчислитъ силу и порывъ души?

Быстро летѣло нашествіе къ Москвѣ и въ Москву; еще быстрѣе бѣжало оно изъ предѣловъ нашего Отечества. Но вмѣстѣ съ быстрымъ его бѣгствомъ летѣла и смертоносная зараза, поражавшая человѣчество земледѣльческое сильнѣе пушекъ и штыковъ. Прикосновеніе къ вещамъ плѣннаго; мгновенное сообщеніе съ нимъ, повергало въ могилу. Я сказалъ и повторяю, что въ предѣлахъ Смоленска зараза нашествія похитила болѣе *ста тысячъ* поселянъ. Соображая сіи бѣдственныя обстоятельства Императоръ Александръ на справу пропивъ сего губительнаго истребленія человѣчества поставилъ Князя Петра Михайловича *Волконскаго.* Сношеніе его по ввѣренному ему отряду охранительному, происходило непосредственно съ Государемъ, о чемъ свидѣтельствуетъ донесеніе его отъ *пятаго* Ноября (*). Охранительныя пути Князя *Волконскаго*, заключали въ себѣ объемъ обширный. Изъ Оспашкова дѣйствовалъ отрядъ его и по направленію на *Велижъ* и на *Порѣчье* и на *Бѣлую* и на *Духовщину.*

Послѣ нашествія посѣтилъ я родину мою въ *Духовщинскомъ* уѣздѣ, не для сельскаго

(*) Военныя извѣстія, стр. 225 и 226.

хозяйства, котораго никогда у меня не было: но для поклоненія праху отцевъ и на гробахъ ихъ повторить ту же клятву, которую въ весне лѣтъ моихъ вѣцалъ, посвящая праху ихъ претію ночь *Юнговыхъ* ночей.

„Клянусь терпѣть, страдать,
Но вѣкъ добро любить и васъ воспоминать!“

Почти столѣтній сельскій храмъ, сооруженный изъ маститаго дуба, нашелъ я въ цѣлости и точно въ такомъ видѣ, въ какомъ вспрѣтилъ по выходѣ изъ кадетскаго корпуса 1795 года. Не было тогда только тамъ праха родителей моихъ: но они пали не подъ бурею нашествія, а подъ нашествіемъ смерти! Посѣтилъ я также и село *Красноселье*, гдѣ покоится прахъ ста двухлѣтняго прадѣда моего Григорія Андреевича *Глинки*. И тамъ каменная церковь *Успенія Божіей Матери* осталась въ неприкосновенной цѣлости. Есть гдѣ молиться за того, кто подъ тучею мороваго повѣтрія и при бѣгствѣ нашествія охранялъ предѣлы Смоленска.

Дѣйствія *малой войны* сливались и съ обстоятельствами политическими.

Въ осмнадцатомъ столѣтіи сочинитель книги о *величіи* и *паденіи Римлянъ*, сказалъ:

»Кажется, что въ наше время исполинскіе замыслы стали труднѣе, нежели прежде. Не льзя ихъ угадать по существующимъ сношеніямъ между народами (*).

Въ этомъ случаѣ *Монтескю* совершенно правъ. Не могли облекаться непроницаемою завѣсою замыслы завоевателя; а потому и принимаемы были мѣры дѣятельной осторожности къ отраженію и ниспроверженію его замысловъ. Судьба опредѣлила Графа Александра Ивановича *Чернышева*, до нашествія быть свидѣтелемъ приготовленій *Наполеона*; судьба и при изгнаніи нашествія вручила въ руки его важныя свидѣтельства о новыхъ его предпріятіяхъ. Въ донесеніи къ Графу *Витгенштейну* отъ *пятаго* Ноября двѣнадцатаго года Полковникъ *Чернышевъ* предъявилъ, что: »при освобожденіи изъ плѣна *Виттенбергороде* и другихъ, взяты были имъ кабинетъ-курьеры Императора Французовъ. Одинъ ѣхалъ изъ Парижа; а другой изъ арміи въ Парижъ. »Найденныя бумаги, говорилъ Полковникъ *Чернышевъ:* »особенной важности. Я словесно буду имѣть честь Вашему Сіятельству доложить о ихъ содержаніи (**).«

(*) Глава XXI.

(**) Военныя извѣстія, стр. 145.

Мы увидимъ какъ распространяется шумъ малой войны 1813 года; но зачинъ ея въ Россіи. Изъ Россіи, изъ подъ *Волоколамска*, Полковникъ двѣнадцатаго года *Бенкендорфъ* перешагнулъ въ предѣлы *Голландіи*.

О дѣйствіяхъ Русскихъ *Партизановъ* 1812 года, подробно предложено въ Военныхъ извѣстіяхъ: »каждый ихъ шагъ высказанъ; каждое ихъ движеніе поставлено на видъ. Тамъ же упомянуто и о подвигахъ Сычевскаго предводителя *Нахимова* и тамошняго исправника *Богуславскаго*. Въ тѣхъ же военныхъ извѣстіяхъ означено, что Юхновскій предводитель *Храповицкій*, ревностно содѣйствовалъ ко всѣмъ пособіямъ и успѣхамъ отряда партизана *Давыдова* и когда все начальство выѣхало изъ *Юхнова*, онъ одинъ тамъ остался.

Вихремъ летали Русскіе отряды. Ноября *втораго* отрядъ Графа *Ожеровскаго*, былъ предвѣстникомъ боя подъ *Краснымъ*. Того же числа отрядомъ Графа *Орлова-Денисова* взяты въ плѣнъ два Французскіе Генерала. Того же числа *Кутузовъ* возвѣстилъ гибель нашествія. »Жалкое состояніе, писалъ онъ въ донесеніи своемъ къ Александру Первому, »въ которомъ находится непріятель, въ разсужденіи теперешняго *голода*, превосходитъ всѣ тѣ ужасы, которые претерпѣла

Турецкая армія прошедшаго года почти въ тоже время (*).«

Давно ли это было? Около *года*. А развѣ *Наполеонъ* не зналъ, что *Кутузовъ* мнимымъ успокоеніемъ въ предѣлахъ Турціи побѣдилъ, осадилъ и оголодилъ войско Турецкое? Прошелъ только годъ: ужели годъ вѣкъ или вѣки? Для мысли Наполеоновой, поглощавшей всемірное обладаніе, *земная вѣчность* была — *миг*ъ. Наполеонъ запершался въ глубокой думѣ своей о вселенной, а малые отряды *Кутузова*, по предписанію его, какъ сказано въ военныхъ извѣстіяхъ: *всею силою своею* истомляли нашествіе. Не было ему ни отдыха, ни сна, ни пищи. Что же такое *исторія* прошедшихъ столѣтій? Что она такое, если живыя событія, ходящія въ очахъ нашихъ какъ будто бы призракомъ невидимымъ пролетаютъ мимо насъ? Повторяю и здѣсь: »Европа просвѣщенная! Я не вѣрю твоему просвѣщенію. Со всѣми политическими способами твоего велелѣпнаго ученія, ты загнала на явную смерть и гибель твоихъ двадцать народовъ. Европа просвѣщенная! Не вѣрю твоему просвѣщенію. Не мое личное *я* это говоритъ: то вѣщаетъ гробовая гибель нашествія политическаго. Плачь! И мы плачемъ.

(*) Военныя извѣстія, стр. 234.

А на той черте, на которую указывает Кутузов, было, как мы видели, начало только бедствий вооруженнаго Европейскаго человечества.

Между тем отряды Графа *Ожеровскаго* и *Бороздина* Ноября *пятаго*, первые вступили в бой. А Генерал-Адъютант *Голенищев-Кутузов* из *Бабиновичей* доносил Государю, что по выступлении из Москвы, где принял в начальство свое отряд *Винценгероде*, он в *четырнадцать дней* не только нагнал неприятеля, но и разъездами своими преграждает пути бегству Наполеоновых полков. Вскоре потом присоединясь к войску Графа *Витгенштейна* Кутузов вместе с *Бороздиным* преследовали неприятеля, поспешно отступавшаго. Июля сие *перваго*, когда цвела природа роскошью лета, Ротмистр *Галева*, не застав нам полка, где полагал найти его, с одним эскадроном пробился сквозь неприятельскую конницу и в лесу обратил в бегство конных егерей. А это было на заре войны Отечественной! Завоеватель не понял урока и — не мог понять: ум его был в плену суда Божия.

У малой войны есть свои *запасныя войска*, едва ли преодолимыя.

Осторожность—завѣтный ея щитъ. Оружія: зоркая предусмотрительность; расчетливость безъ суетливости; знаніе способностей и силъ сподвижниковъ своихъ. Есть бодрые, есть и сонливые. А потому Генералъ *Бонапартъ* въ пору ночную подъ сіяніемъ *счастливой звѣзды* своей, прокараулилъ за рядоваго, уснувшаго на часахъ. Вождь и отрядъ его одна душа, одна мысль. Оглядѣвъ орлинымъ взоромъ бойкость того, кого опрялъ на подвигъ отважный, Суворовъ говорилъ: »я сказалъ *вправо:* а ты разсмотрѣлъ и расчелъ, что лучше идти на лѣво: *иди! Богъ съ тобою!*« Начальникъ отряда распредѣляетъ должности по способностямъ каждаго. Того посылаетъ для провѣдыванія; другаго оставляетъ для наблюденія. Все распорядя, все обозрѣвъ и все сообразя, онъ уклоняется на отдыхъ. *Румянцевъ Задунайскій* спалъ въ спавкѣ своей. Была ночь. Дежурный Генералъ вбѣжалъ и возвѣстилъ, что непріятель поднялся. Разбуженный Вождь привставъ, сказалъ: »Фельдмаршалъ спитъ; а вы струсили.« И въ самомъ дѣлѣ на лѣвомъ крылѣ была пустая тревога. Отрядной начальникъ знаетъ и душу и мысль дружины своей. Вздохнетъ ли кто? Онъ слышитъ вздохъ его. Отуманится ли у кого чело? Онъ знаетъ

чѣмъ разбить его кручину. Онъ знаетъ любимую его пѣсню и задушевную поговорку. Онъ знаетъ языкъ души родной. На битвѣ *Кагульской* рьяные янычары сильными толпами ворвались въ каре *Пляменникова.* Ряды разорвались; убійственные кинжалы блестятъ въ рукахъ Мусульманъ. Выждавъ мгновеніе рѣшительное, *Румянцевъ* молніей подлетѣлъ къ каре и громко воскликнулъ: »ребята! Стой! Вспомните отцевъ и матерей!« И *ребята* пріосанились, какъ будто бы спѣша на пиръ родной. Имена отцевъ и матерей откликнулись и въ слухѣ и въ душахъ ихъ. Однажды шелъ я по Дѣвичьему полю. Было предварительное ученье къ смотру. Пріѣхалъ начальникъ, обозрѣлъ ряды и сказалъ: »ребята! Вы *казались* и *оказались* молодцами.« И у *ребятъ* расцвѣли лица жизнію радости.

Все въ сердцѣ и все у сердца. C'est le coeur qui fait tout: сказалъ поэтъ XVII вѣка. Все изъ сердца, сказалъ и Графъ *де Саксъ,* тактикъ и полководецъ XVIII вѣка. »Одинъ смѣльчакъ вскочитъ на стѣну, а у тысячи дрогнутъ сердца (*).«—Гдѣ нѣтъ сердца, тамъ нѣтъ и пріюта: сказалъ *Альбіонскій* поэтъ— *Наполеонъ* XIX столѣтія; сказалъ *Байронъ.* А

(*) Графъ *де Саксъ.*

одинъ тюремный страдалецъ, прислушиваясь къ голосу сердца въ тюрьмѣ, въ книгѣ о тюрьмахъ, говоритъ: »обитель совѣсти, сердце такое же орудіе свѣта души, какъ глаза — орудіе тѣла. И такъ движеніемъ сердца, покоряйте людей (*).« Слово душевное; — жизнь жизни.

Прислушиваясь къ исполинской мысли своей, а не къ сердцу, Наполеонъ, послѣ битвы подъ *Малыми-Ярославцемъ*, едва не попалъ въ руки отряда *Кайсарова*. Въ запискахъ своихъ, *Раппъ* разсказываетъ, что въ самое это время, полагаясь на бѣгуна своего, пріостановилъ его и чрезвычайно смѣялся, указывая изъ лѣсу на гарцованье и удалыя замашки казаковъ. 1807 года Марта девятаго, служа въ земскомъ войскѣ и въ первой разъ встрѣтя въ Смоленскѣ Фельдмаршала *Каменскаго*, я услышалъ отъ него: »если Наполеонъ прорвется въ Россію, то прямо въ Камчатку (**).« Онъ не долетѣлъ 1812 года до Камчатки, но какъ страшникъ любопытный и напуганный цвѣтомъ военной жизни Европейской, онъ могъ разгуливать и смѣяться-

(*) Emparez-vous du coeur. Considérations sur les Bagnes, съ изреченіемъ *Howde:* on y entre égarè, l'on en sort coupable.

(**) См. Рус. Ист. Часть II. Изд. 1824 года.

ся надъ Европой. Отрядъ *Сеславина* нагонялъ Наполеона и загналъ его изъ *Ошмянъ* въ *Вильну*. Онъ бѣжалъ — въ плѣнъ скалы Еленской. »Qu'il est profond le mystère de l'emprisonnement de l'homme ici — bas!« (*) Какое дивное таинство заточеніе сына праха въ темницѣ земной! Дивное! У Наполеона, узника земнаго, улыбка была мимолетною гостьею на устахъ: онъ странникъ злополучный; онъ тонулъ въ горѣ жизни о всемірномъ обладаніи! »Должно, говоритъ радушный другъ человѣчества, *Фенелонъ:* должно отрѣчься отъ самаго себя въ безчисленныхъ заботахъ правленія, чтобы привесть людей на стезю добра и счастія. А безъ того идемъ ощупью и на удачу; идемъ, какъ корабль въ разгульной пучинѣ безъ кормчаго, безъ совѣщанія съ свѣтилами небесными и не въ невѣденіи береговъ окрестныхъ: онъ будетъ жертвою волнъ.»

Изъ огненнаго потопа Московскаго для охлажденія думы исполинской: куда было плыть Наполеону? За Океанъ. Тамъ только могъ онъ вздохнуть свободно и отдохнуть отъ тяжкаго бремени узничества земнаго.

А за чѣмъ онъ вторгся въ Россію? За тѣмъ, чтобы провѣдать самолично: *цвѣтетъ ли еще любовь на лицѣ земли?*

(*) *Moulinié!*

И онъ встрѣтилъ силу любви въ возстаніи цѣлой Россіи за жизнь Отечества. Онъ увѣрился въ могуществѣ любви и сказалъ послу своему въ *Варшавѣ*. »Русскіе отличились. Императоръ Александръ любимъ.... Русскій народъ не бездѣлица! (*)«

А развѣ 1806 и 1807 годъ не убѣдили Наполеона въ той любви, которая въ душахъ Русскихъ горѣла къ Александру Первому, какъ свѣтится солнце на ясномъ небосклонѣ лазуриомъ?

Любовь вполнѣ жизни своей цвѣла въ Россіи и 1812 года.

Любовь и дружба сочетались и въ половинѣ 1815 года, когда исполинъ нашего вѣка плылъ за Океанъ неизмѣримый. Поперявъ все въ предѣлахъ нашего Отечества, онъ одержалъ одну побѣду; онъ побѣдилъ вѣковую рѣчь, вѣщавшую, что: *при горѣ, кручинѣ нѣтъ никого.* Земное владычество осталось на землѣ Европейской; а дружба сопутствовала ему за Океанъ. Когда въ знойныхъ степяхъ Африканскихъ, подъ небосклономъ огненнымъ, Наполеоновы полки истомлялись жаждою: имъ представлялись вдали озера водъ свѣтлыхъ, чистыхъ. Спѣшатъ: летятъ: все

(*) Ambassade de Pradt à Varsovie.

исчезло. Новое море песковъ. То былъ призракъ. Съ рамень Наполеона спала порфира Императора Французовъ; съ чела его слетѣла желѣзная корона *Ломбардіи:* но онъ все еще облеченъ какою-то таинственною завѣсою; и друзья его, отвративъ взоръ отъ блесковъ счастія, плывутъ съ нимъ разсмотрѣть, разгадать: *что это за человѣкъ?* Но кто и въ годину роковую влечетъ за собою души: у того была жизнь душевная. Она была у Наполеона. А кто ее отнималъ? Успѣхи счастія и лесть, извивающаяся змѣею предъ величіемъ земнымъ.

Прибавленіе къ девятой книгѣ.

Нашъ *двѣнадцатый* годъ, — годъ Провидѣнія, которое во времена необычайныя, каждаго ставитъ на свое мѣсто, гдѣ кто необходимъ для общаго дѣла. На чредѣ необходимыхъ людей нашего *двѣнадцатаго* года былъ Флоръ Осиповичь *Доливо-Добровольскій.* На различныхъ и трудныхъ поприщахъ, онъ, какъ будто бы готовился къ тому, чтобы въ годину нашествія явить полное развитіе умственной своей дѣятельности, укрѣпленной

наблюденіями и зрѣлою опытностію. Въ юныхъ еще лѣтахъ, Павелъ Первый, замѣтя особенную его расторопность, самъ, безъ всякаго посторонняго ходатайства, опредѣлилъ его Полицеймейстеромъ въ *Могилевъ*. Во всѣ годы и особенно 1807 года, когда составленіе земскихъ войскъ, приводило въ движеніе всю Россію: Полицеймейстеръ Могилевскій вполнѣ оправдалъ довѣренность, заслуженную имъ еще при Императорѣ Павлѣ. 1808 года, по заключеніи мира *Тильзитскаго*, моровое повѣтріе окинуло могильною завѣсою предѣлы Саратовской губерніи. Тогдашній Министръ Внутреннихъ дѣлъ О: П: *Козодавлевъ*, находясь 1807 года въ Могилевѣ *лилиціонными Сенаторомъ*, видя умную, дѣятельную расторопность Ф: О: *Доливо-Добровольскаго*, писалъ къ Государю, что: »прозорливость Могилевскаго Полицеймейстера не дремлетъ и во снѣ.« И по свидѣтельству Осипа Петровича о достоинствахъ Полицеймейстера Могилевскаго, онъ назначенъ былъ на битву съ заразою. Служба *Доливо-Добровольскаго* въ *Могилевѣ*, подарила его лестнѣйшею наградою; общею любовью. Едва разнеслась по городу молва, что Полицеймейстеръ разстается съ городомъ, въ одно мгновеніе къ любимому Начальнику своему поспѣшили

градскій голова, бургомистры и ратманы. Душевно и единогласно, изъявляли они желаніе, чтобы Богъ охранялъ его тамъ, гдѣ въ дни мирные, онъ будетъ отстаивать жизнь сопотечественниковъ.

На новомъ поприщѣ своемъ, *Доливо-Добровольскій* былъ и земскимъ и военнымъ начальникомъ. Вскорѣ и не щадя жизни своей, обезопасилъ онъ жизнь обывателей Саратова, куда въѣхалъ и Министръ Внутреннихъ дѣлъ. Крестъ св. Владиміра былъ наградой за пресѣченіе заразы. По дѣятельности его предсталъ исполинскій объемъ *карантинный.* Земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ; вся черта Кавказская со стороны Персіи, Грузіи, Дагестана, Горскихъ народовъ; черта Астраханская со стороны Персіи, Хивы, Бухаріи и по рубежамъ Саратовской и Астраханской губерніи. За совершеніе сего важнаго и многотруднаго порученія, *Доливо-Добровольскій* награжденъ былъ тысячью десятинъ земли. А за исполненіе успѣшнаго дѣла въ *Архангельскѣ*, получилъ 29 Іюля 1810 года орденъ св. Анны второй степени.

Всѣ сословія Саратова, прощаясь съ охранителемъ ихъ жизни, напутствовали его па-

кими же благословеніями, какими напутствовалъ онъ былъ и въ Могилевѣ.

Передъ 1812 годомъ величайшія предсполи запрудненія къ возстановленію по Бѣлорусскому *тракту* надлежащаго хода почтъ, а настоятельная нужда требовала того. За повсемѣстнымъ оскудѣніемъ лошадей, курьеры принуждены были ходить пѣшкомъ тогда, когда каждый часъ былъ дорогъ. И на сей трудный подвигъ отправленъ былъ въ Могилевъ Ф: О: *Доливо-Добровольскій.* Возвращясь туда съ нажитою тамъ довѣренностію, прежній Могилевскій Полицеймейстеръ привелъ все въ кипящее движеніе и лошади и все нужное явилось, какъ будто бы изъ подъ земли. За это блестящее дѣло Анна съ брилліантами обмѣняла прежній орденъ. Увѣдомляя о томъ, Ф: О:, *Козадавлевъ* писалъ отъ 22 Декабря 1811 года: »письмами вашими, другъ сердечный Флоръ Осиповичъ! а паче дѣятельностію и вашимъ благоразумнымъ исполненіемъ возложеннаго на васъ дѣла, я весьма и весьма доволенъ: но сего мало. Я все чиналъ Государю и Государь самъ изволилъ сказать, что вамъ данъ будетъ бриллиантовой крестъ св. Анны. Я сей часъ отъ Государя. Всѣ ваши распоряженія обратили на васъ отличное Монаршее благоволеніе и я

сей часъ пишу къ Гурьеву о крестѣ, который тотъ часъ по полученіи присланъ къ вамъ будетъ. — Поздравляю другъ сердечной! Да поможетъ вамъ во всѣхъ подвигахъ вашихъ самъ Господь Богъ нашъ!«

Наступилъ 1812 годъ. За рубежами Россіи, почти подъ цѣлымъ небосклономъ Европы, скоплялась грозная туча на Россію. Надлежало усилить для быстрыхъ почтовыхъ сношеній неусыпный надзоръ по Бѣлорусскимъ и другимъ одиннадцати губерніямъ. И на сію важную обязанность назначенъ *Доливо-Добровольскій* въ званіи военнаго совѣтника и полевымъ инспекторомъ почтъ при арміяхъ. Новыя посыпались на него награды.

Я не зналъ лично *Осипа Петровича:* но большая честь его памяти за то, что сердце его умѣло говорить сердцу. Онъ не начальникомъ былъ *Флора Осиповича*, но другомъ. Онъ любилъ его какъ сына и счастіе его почиталъ собственнымъ своимъ счастіемъ. 1812 года отъ Іюня *втораго* Осипъ Петровичъ съ восторгомъ нѣжнѣйшаго отца препроводилъ къ *Доливо-Добровольскому* свое донесеніе о немъ Государю.

Вотъ оно.

»Пріемля самое пламенное участіе въ благосостояніи инспектора почтъ Доливо-Добро-

вольскаго, я повергаю себя къ стопамъ Вашего Величества со всеподданнѣйшею благодарностію за изліяніе на него милости Вашей.

»Я узналъ его по службѣ, какъ чиновника самаго дѣятельнѣйшаго и исполнителя, каковыхъ не много. Во всѣхъ случаяхъ видѣлъ я, что онъ движимъ единымъ со мною духомъ — неограниченною приверженностію къ Священной Особѣ Вашей, а потому все и самую жизнь приносимъ въ жертву Вамъ.«

А принося въ жертву и труды и жизнь Царю и Отечеству, полевой *Инспекторъ* почтъ, какъ будто бы самъ въ себѣ размножался. Онъ дѣйствуетъ днемъ; бодрствуетъ среди кипѣнія нашествія и почти въ виду непріятеля предварительно облетаетъ дороги, гдѣ долженъ проѣзжать Государь. По отбытіи Александра Перваго изъ арміи Доливо-Добровольскій остался при *Барклаѣ-де-Толли*. Въ нашъ двѣнадцатый годъ душа и сердце все испытали. Въ день битвы Бородинской Доливо-Добровольской былъ на томъ полѣ, на батареи Кутузова и гдѣ въ пламени битвы убійственной участвовали два его юные сына и братъ. Онъ отыскалъ брата своего; получившаго пять ранъ; когда же умолкли громы

Бородинскіе, сыны искали, гдѣ отецъ; а сердце отцовское спрашивало: *гдѣ дѣти?*

Все было исобычайно въ нашъ *двѣнадцатый* годъ. Отцы сами вели сыновъ на полѣ битвъ или умирали вмѣстѣ съ ними. Соревнуя общей славѣ сыновъ Отечества, *Доливо-Добровольской* становится въ ряды Московскаго ополченія. Октября *шестаго* сражается при рѣчкѣ *Чернышкѣ* близъ *Тарутина*. Октября *двѣнадцатаго* бьется въ упорномъ сраженіи подъ *Малымъ-Ярославцемъ*. Въ грудь отважную вклепастъ пуля. Онъ Полковникъ и при прежней должности. Въ одно время онъ и сражается и распоряжается движеніемъ почтъ. При приближеніи Наполеоновыхъ полковъ къ рубежамъ Калужскимъ, селенія опустѣли; поселяне и лошади разсѣялись: гдѣ отыскать и повозки и упряжи? Храбрый Полковникъ прикованъ жестокою раною къ стулу; онъ едва движется. Но настойчивая мысль его въ полнотѣ жизни и она преодолѣваетъ всѣ преграды. Забывъ свою личность и опасаясь, чтобы въ тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ не было что нибудь упущено: онъ рѣшился самъ отправиться въ путь для надзиранія. Докторъ говоритъ: *нельзя; вы умрете! — Ну! такъ что жъ?* отвѣчаетъ Флоръ Осиповичъ. *Будь воля Божія! Святой долгъ*

службы дороже для меня жизни. Обложенный подушками, онъ садится въ коляску. Пришла нужда убыстрить ѣзду; онъ садится на коня и скачетъ верьхомъ. Не щадя жизни, онъ охранялъ человѣчество и Богъ охраняетъ его. Раненый Полковникъ и Инспекторъ почтъ встрѣтилъ Государя въ *Видзахъ.* Обрадованный Государь, увидя вѣрнаго сына Отечества, ласково сказалъ: *за чтьмъ ты сражался?* Герой отвѣчалъ: *сердце порывалось на общее дѣло.*

Хотя невольно, но пріостановимся при изложеніи различныхъ подвиговъ *Доливо-Добровольскаго.* Мы свидимся съ нимъ и на политическомъ и на военномъ поприщѣ войны заграничной.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Письмо.—Различные взгляды на бой подъ Краснымъ. — Война 1812 года, не Скиоская война. — Привѣтствіе Кутузова Русскимъ крестьянамъ.—Работа Бородинская: выраженіе Кутузова. — Строгановъ. — Быстромъ. — Карпенко. — Вуичъ. — Розенъ. — Вилліе. — Васильчиковъ. — Повѣстка Кутузова къ Растопчину. — Барклай-де-Толли. — Милорадовичъ. — Багратіонъ. — Д: В: Голицынъ.—Борисъ Владиміровичъ. — Воронцовъ. — Толь. — Алсуфьевъ. — Н: А: Тучковъ. — Паскевичъ. — Ермоловъ. — Кутайсовъ. — Егеря Раевскаго. — Платовъ. — Уваровъ. — Коновницынъ. — Митрополитъ Платонъ. — В: А: Глинка. — Дурасовъ.— Дружины поселянъ.—Октября перваго освященіе храма во имя Живоначальной Троицы въ домѣ Князя Александра Николаевича Голицына. — АЛЕКСАНДРЪ Первый. — НИКОЛАЙ Первый.

Письмо къ Русскому воину инвалиду отъ бывшаго издателя Русскаго Вѣстника.

Въ статьѣ остроумной, за подписью: *Русскій Инвалидъ*, сказано: подъ пепломъ, въ искрахъ горятъ святыя истины и славныя дѣла дождутся пера безпристрастнаго, слѣдственно не современнаго.» Вѣрю вашей славѣ; вѣрю душевному вашему полету; а этому — не вѣрю. Почему *святая истина* не сдружится съ перомъ *современника?* Особенно въ объемѣ нашего *двѣнадцатаго года.* Ссылаюсь въ томъ, на ваши раны, на ваше рвеніе къ славѣ и на ваше живое слово. Кто въ нашъ *двѣнадцатый* годъ всмотрѣлся въ *око Провидѣнія:* тотъ его и выскажетъ. Потомство, роясь въ обители *тѣдкой древности* и стрясая пыль съ вѣковыхъ харатій, ощупью будетъ искать его. Нашъ годъ рось и выросъ съ исполиномъ нашего вѣка: и съ какимъ? Франція говоритъ, что нужны *десять* вѣковъ, чтобы въ одиннадцатый выступилъ другой *Наполеонъ* на поприще историческое. А мы съ *десятивѣковымъ* исполиномъ боролись только мѣсяцевъ около семи и то не полныхъ.

А исторія нашихъ *шести* мѣсяцевъ откуда вышла? Изъ глубины сердца человѣческаго, гдѣ *все* за *все* и на *все*. Въ сердцѣ завѣтъ и мира и войны: вызывай изъ него, что хочешь: только умѣй. Въ этомъ умѣньѣ — вы богатырь.

Въ чемъ можетъ *погрѣшить* или *согрѣшить* историкъ *современный?* Въ изложеніи направленій и движеній военныхъ. Посмотрите сколько различныхъ *взглядовъ* на бой подъ *Краснымъ*. Въ жизни *Милорадовича* сказано: »ни одинъ герой не увѣнчался такою славою, какою сей герой озарился подъ *Краснымъ*.«

А въ извѣстіяхъ о Князѣ Д: В: *Голицынѣ* изображено, что день *пятаго* Ноября былъ днемъ блистательной его славы. Съ *девятью* тысячами выдержалъ онъ бой противъ *тридцати* тысячъ, предводимыхъ Наполеономъ.

Разсказывалъ мнѣ Милорадовичъ, будто бы Дмитрій Владиміровичъ просилъ у него le bout d'oreille de Ney, край уха *Нея*. При свиданіи моемъ съ Княземъ я спросилъ у него: такъ ли это было? Князь улыбнулся.

Дѣянія временъ прошедшихъ! Скажемъ съ *Оссіяномъ:* кто васъ разгадаетъ, если сердце не передастъ ихъ сердцу?

Чтоже изъ этаго заключить? Ничего. Въ быстрыхъ перелетахъ въ Италіи, когда

надлежало разгромляшься повсемѣстно, Суворовъ говорилъ: *я мышаюсь въ числахъ.* Въ Россіи громы такъ звучно гремѣли, что оглушали и воиновъ и писателей.

Главное то, что война нашего *двѣнадцатаго* года, не война *Скиоская.* Предки ли наши *Скиоы* или просто брашья по человѣчеству, населяющему міръ Божій? Они жили подъ сводомъ небеснымъ; кочевали на своихъ шелѣгахъ; питались избытками пастбищъ своихъ. Выжгутъ ихъ степи? Роскошнѣе расцвѣтутъ. Они уступали то, чѣмъ нѣдра земли отдаривали ихъ вдвое. А что было у насъ въ Россіи 1812 года? Всѣ пышности и весь блескъ, заслоняющіе и кочевье *Скиоское* и святой прудъ земледѣльческій. Было все: можетъ быть въ мірѣ нравственномъ былъ въ чемъ нибудь недочетъ. Надобно было поразбудить душу, крѣпко заспувшую въ радостяхъ земныхъ.

И загремѣло нашествіе! И мы, сыны Сѣвера очнулись отъ сна. Взглянули на небо и — отдали ему себя. Запылалъ, закипѣлъ духъ самоотреченія.

И самоотреченіе повело полки Русскіе. Все отдаемъ: все — кромѣ вѣры къ Богу. Горитъ Смоленскъ; легла Москва въ пепелъ пожарный. Сбей завоевателя спанъ *Тарутинскій*

и воины и мы съ ними и за ними, пошли бъ на край свѣта земли Русской. Повѣстилъ Царь, что онъ облечется въ сермягу, будетъ питаться коркою хлѣба, а не посрамитъ земли Русской. И мы всѣ взялись бы и за сермяги и за онучи и за лапти и за кусокъ хлѣба черстваго. А борясь съ бурями зимними согрѣвались бы молитвою и битвами. Въ какихъ книгахъ до 1812 года была эта *тактика?* Ни въ какихъ. Эта тактика пожертвованій душевныхъ; перстъ Божій начерталъ ее.

И Кутузовъ восклицалъ въ извѣстіяхъ военныхъ: »Великъ Богъ!«

И Богъ послалъ второй *двѣнадцатый годъ*, чтобы Россія узнала Россію и чтобы въ Россіи узнали доблесть, честь, славу родныхъ ея сыновъ. Наполеонъ *Бонапартъ*, на зарѣ военной славы своей возвратясь изъ Испаніянскаго похода съ звонкими милліонами, среди торжествъ блестящихъ, привѣтствовалъ Французовъ именемъ: *великаго народа.* Кутузовъ въ укрѣпленномъ станѣ Тарутинскомъ, на берегахъ *Нары*, когда судьба Россіи была еще въ рукахъ Провидѣнія, привѣтствовалъ Русскихъ крестьянъ именемъ *почтенныхъ, истинныхъ сыновъ Отечества.* Это сказано на *сто тридцать четвертой* страницѣ военныхъ

дѣйствій. Вѣнчайте ее лаврами и пальмами. На этой страницѣ безсмертный памятникъ Русскому народу, великому въ годину испытанія и отдающему себя за Отечество.

Повторимъ отзывъ души *Кутузова.* »Крестьяне, говоритъ онъ: »горя любовью къ Отечеству, устроиваютъ ополченія. Просьбы сихъ почтенныхъ сыновъ Отечества по возможности удовлетворяются.«

А о чемъ они просили? О томъ, чтобы биться и умирать за землю родную.

Гдѣ на это *тактика?* Въ душѣ молодецкой. Вотъ ее завѣтной голосъ:

„Смерть лишь ребячья, бабья гроза;
А бойцамъ—молодцамъ не воротитъ глаза.“

Въ нашъ двѣнадцатый годъ и соху земледѣльческую и попъ трудовой, Богъ все сочеталъ съ славою незабвенною. Чего болѣе желать Русскимъ?

Чего желать? Того, чтобы всѣ сыны земли Русской болѣе и болѣе дарили сказаніями о войнѣ Отечественной. Повторяю: на судъ потомства парейдетъ вещественной объемъ нашего двѣнадцатаго года, если души самовидцевъ не передадутъ души его.

Нашъ вѣкъ не идетъ, а летитъ. Онъ несетъ въ потомство обильную жатву событій. Да и въ нашемъ мірѣ приличій, какіе чудные переходы отъ *утра* до *вечера!* Поутру провожаемъ гробъ въ могилу, а ввечеру пускаемся въ разгулъ разсѣянности. Въ обыкновенное время міръ роскошный говоритъ:

„Мнѣ мигъ покоя моего
Дороже — чѣмъ въ исторьи вѣки.“ (*)

Повторяю: славу двухъ вѣковъ мы возложили на олтарь Провидѣнія. Вы, почтенный Русскій воинъ — инвалидъ! Вы брося нѣгу столичную, снова полетѣли на то поприще боевое, на которомъ парили орломъ, съ богатыремъ *Кульневымъ* въ каменистой *Финляндіи* и по вершинамъ льдовъ бурнаго моря Балтійскаго. Вы многое испытали, и вы видѣли, что въ нашъ двѣнадцатый годъ, военная слава Екатеринина вѣка, какъ будто бы закатилась за предѣлы дальнаго небосклона. Слышалъ я, что только передъ боемъ подъ *Краснымъ*, Кутузовъ въ дневномъ приказѣ указывалъ на богатырей героя Альпійскаго, проходившихъ грозныя заоблачныя вершины и тамъ:

„Гдѣ только вѣтры могутъ дуть.“

(*) Державинъ.

Скажу Русскую правду. Было время, когда и меня дарили посѣщеніемъ герои наши въ голубыхъ и алыхъ лентахъ. А въ то время ни отъ одного не слышалъ однообразнаго расказа о военныхъ событіяхъ. Не удивительно. Исполинскій объемъ войны двѣнадцатаго года обтекало одно око Провидѣнія. Правда и то, что многіе говорили, что въ войну Отечественную одна награда — жизнь Отечества; а смерть Кульнева единогласно называли: *смертію завидною.* Такъ ли я и теперь на все гляжу, какъ и 1812 года? Эта тайна тиой совѣсти, куда одинъ Богъ заглядываетъ. Но переносясь мыслію въ событія двѣнадцатаго года, я вѣщаю его голосомъ, и говорю съ поэтомъ:

„Воспоминаніемъ живетъ душа моя!“

Кто исчислитъ имена всѣхъ сыновъ земли Русской, всѣхъ *жертвенниковъ* за землю Русскую. Тутъ было не о именахъ: тутъ была забота не о жизни личной, но о валовой жизни Отечества. При такихъ событіяхъ можно припомнить, что *Периклъ*, безъ всякой поименовки лицъ, дѣйствовавшихъ въ началѣ кровавой войны *Пелопонезской*, просто говорилъ Аѳинянамъ объ Аѳинахъ. »Смерть,

первая выказываетъ добродѣтель людей и послѣдняя подтверждаетъ ее. Другіе народы желаютъ, чтобъ жизнь была долговѣчнѣе, а не славнѣе. Съ выгодой побѣды, выставляйте предъ очи величіе Отечества и *влюбляйтесь въ него!*«

Въ нашъ двѣнадцатый годъ мы и *любили* и *влюблены* были въ Отечество. А любовь — награда любви. Блескъ земной остается на подушкѣ гробовой; любовь встрѣтится съ любовью въ свѣтломъ черногѣ вѣчности.

Наполеонъ битву Бородинскую назвалъ: *трагедіей;* а Кутузовъ на канунѣ этой трагедіи, обозрѣвая мѣсто сраженія, сказалъ Багратіону: вамъ будетъ работа! (*)

И была работа!

Спрашиваю и у васъ: какая земная такница наложила на равнины Бородинскія и Семеновскія четыре имени завѣтныхъ рѣчекъ: *Войни, Колочи, Стонца, Огника?*

А гдѣ началась *работа* Бородинская? На лѣвомъ крылѣ; тамъ, гдѣ спрушился *Огникъ*

(*) См. двѣнадцатую часть Русской Исторіи, стр. 101 и далѣе.

и гдѣ *Строгановъ* выдержалъ *огонь* и громы геенскіе.

А шамъ съ башарен, изъ давно проспирѣленныхъ висковъ, зоркими очами паблюдаетъ разгулъ *работы* Бородинской тотъ Кутузовъ, о которомъ Суворовъ сказалъ: *Кутузовъ получилъ такую рану, какой въ Европѣ не бывало; а въ Европѣ на волосъ ничего не переломилось.* Это было прежде; а въ день *работы* Бородинской въ Европѣ все перемѣнилось: и какъ перемѣнилось!

Гдѣ *Бистромъ* съ егерями своими передъ лицемъ цѣлой арміи опражаетъ напоръ семи тысячей непріятелей? Гдѣ? У *Колочи.* Непріятель усиливаетъ ряды свои. Бистромъ за *Колочею.* Съ нимъ *Карпенко* и *Вучичъ.* Егеря отстаиваютъ егерей и летятъ на смерть.

Гвардія Наполеонова прислушивается къ бою. *Розенъ* съ частію *воскормленниковъ* Петра Перваго, на общей *работѣ* бипвенной.

Вилліе подъ градомъ ядеръ, скрѣпя сердце, безтрепетной рукою вырываетъ жертвы изъ челюстей смерти.

Васильчиковъ раненъ и бьется.

Отъ рѣчекъ *Войни, Колочи, Стоица* и *Огпика:* какіе разноязычные раздаются вопли! Ужели то новое *слышеніе языковъ;* новое

сполнотворение Вавилонское? То стоны, що вопли жертвъ двадцати народовъ.

Горестное человѣчество!

Истощается боевое человѣчество; истощаются и снаряды. Пишетъ Кутузовъ къ Растопчину: *подсылайте къ намъ снарядовъ; дѣло идетъ порядочно.*

Барклай-де-Толли ищетъ смерти. Милорадовичъ гремитъ. Багратіонъ раненъ, и восклицаетъ: *Боже! Спаси Отечество!*

Д: В: *Голицынъ* встрѣчаетъ и отражаетъ Наполеоновы полки съ конницей западной арміи. Братъ его *Борисъ Владиміровичъ* пораженъ смертельнымъ ударомъ.

Воронцовъ отбиваетъ укрѣпленія и удаляется оттуда раненый.

Силенъ напоръ непріятеля. *Огникъ* опламенилъ; залилъ огнемъ и кровью. Полковникъ *Толь* быстро и отважно переводитъ полки *Багговута* съ праваго на лѣвое крыло.

Кипитъ бой на возвышеніи. Тамъ *Алексѣевъ;* тамъ *Строгоновъ.* Тамъ къ одушевленію воиновъ передъ рядами полка Павловскаго, летитъ Николай Алексѣевичъ *Тучковъ.* Въ грудь его запала рана смертельная. Братъ его *Александръ* убитъ на баттареи.

Смерть пируетъ. Сильно бьется *Паскевичъ.* Громитъ Наполеонъ середину войскъ

нашихъ. *Ермоловъ* и *Кутайсовъ* съ полкомъ *Уфимскимъ* летятъ туда, гдѣ смерть летитъ за смертью. Спѣшатъ егеря *Раевскаго;* нападаетъ *Васильчиковъ:* смыкаются полки *Паскевича* и быстро угрожаютъ тылу побѣдителей. Промелькнуло торжество непріятеля: укрѣпленіе отнято въ одно мгновеніе.

Вихремъ рынулись *Платовъ* и *Уваровъ:* и — куда? Къ *Колочѣ;* за *Колочу,* къ *Войнѣ.* Биться, *колотиться, воевать.* Откуда проявилась эта такшика и черезъ сколько столѣтій? У судовъ земныхъ есть — *давность;* у суда Провидѣнія — *вѣчность.*

За два дни до битвы Бородинской, Федоръ Петровичъ *Уваровъ,* прискакавъ къ бою упорному, гдѣ былъ *Коновницынъ,* сказалъ: »Петръ Петровичъ! Теперь не время расчитываться *старшинствомъ.* Я присланъ къ вамъ на помощь: *приказывайте!*«

И еслибъ было нужно; и еслибъ былъ *приказъ:* мы бы всѣ *легли костьми* на землѣ Русской за землю Русскую.

Всѣмъ нельзя было быть на одномъ пиру смертномъ. Но одни плакали отъ того, что ихъ отдалили отъ работы *Бородинской;* а другіе плакали отъ того, что ихъ не допускали въ число боевыхъ *работниковъ.*

Митрополитъ *Платонъ* плакалъ отъ того, что его не допустили съ крестомъ живоносящимъ выступить на поле битвы изъ той обители, откуда *Сергій Преподобный*, великій душою и любовью къ Отечеству, благословилъ на борьбу съ *Мамаемъ* иноковъ *Пересвѣта* и *Ослябя*. Плакалъ витія духовный отъ того, что ему передъ полками Русскими не дали быть первою жертвою на кровавой *работѣ* Бородинской (*).

Говорилъ я, что за нѣсколько дней до битвы Бородинской нѣсколько артиллерійскихъ ротъ, въ томъ числѣ и рота двоюроднаго брата моего Владиміра Андреевича *Глинки*, отправлены были для слѣдованія по *Рязанской* дорогѣ. Свидясь со мною, онъ съ чрезвычайнымъ прискорбіемъ разсказывалъ мнѣ, что его удалили отъ битвы за Москву и на землѣ Московской. Вскорѣ потомъ, прочитавъ въ *Кололинѣ* воззваніе Московскихъ дружинъ на *три горы*, онъ полетѣлъ къ Москвѣ, но тогда уже Наполеонъ былъ въ Москвѣ, а войско Русское за Москвою. Андрей Зиновьичъ *Дурасовъ*, вышедъ Генераломъ въ отставку при Императорѣ Павлѣ, ѣздилъ къ Кутузову напрашиваться въ ряды воиновъ.

(*) *См. Рус. Ист.*

Я видѣлъ его, когда онъ возвратился изъ арміи, не принятый по причинѣ давнишней отставки. »Я хотѣлъ умереть, говорилъ онъ: чтобы показать Отечеству, что и братъ мой не жалѣлъ жизни для Отечества.« Братъ его Генералъ-Лейтенантъ Михайла Зиновьичъ былъ въ Швейцаріи 1799 года начальникомъ *Ярославскаго* полка. Хитрый *Массена* извѣстя, будто бы пушечные его громы и скопленіе войскъ на высотахъ будутъ единственно знакомъ празднованія *республиканскаго года*, ночью нагрянулъ на *Дурасова*. Съ тѣхъ поръ, простясь съ почестями и съ утѣхами міра земнаго, онъ заключилъ себя въ келью Симоновскаго монастыря и умеръ на молитвѣ.

Прогремѣла битва Бородинская; явилась новая рать и душа Русская откликнулась въ рѣчи родной.

„Дѣти вѣрныя Царства Русскаго
На враговъ идти приготовились;
Ужъ осѣдланы кони быстрые;
Ужъ отпущены сабли *Тульскія*,
Ужъ отточены копья легкія,
Рать усердная лишь приказа ждетъ,
Чтобъ ударить ей въ путь на враговъ.“

Самоотреченіе торжествовало въ битвахъ: самоотреченіе вело поселянъ на смерть; самоотреченіе сіяло и въ душевномъ упованіи на судьбы Вышняго Промысла: въ томъ упованіи, которое всего торжественнѣе ознаменовывается при буряхъ испытанія. Когда съ различныхъ сторонъ огромлялась Сѣверная столица, Князь Александръ Николаевичъ *Голицынъ*, какъ будто бы во дни существованія безмятежнаго, сооружалъ въ стѣнахъ дома своего храмъ Творцу любви и милосердія. И съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ приносили къ нему продавцы все нужное для храма! И какъ успокоивались они, видя Христіанскія заняттія Князя! Осѣнясь полнымъ крестомъ душевнымъ, они говорили и между собою и другимъ: »дай Богъ здоровья Его Сіятельству! Видно Петербургу не будетъ бѣды.«

Наступилъ день *перваго* Октября; день Покрова Божіей Матери. И въ сей день было освященіе домовой церкви во имя *Живоначальной Троицы*. Молился зиждитель храма; молился съ нимъ и Александръ Первый.

А въ это самое время, Генералъ *Винценгероде* извѣщалъ, что ему неизвѣстно, отъ чего *Октября перваго* началось скоропостижное бѣгство непріятеля.

Воздыханіе невинности, воздыханіе сердца умиленнаго и молитва, перелетаютъ за сводъ небесный, въ обитель вѣчной любви и низводятъ оттуда спасеніе человѣчеству.

Живымъ словомъ Русскимъ, сердцемъ богатырскимъ и перомъ пламеннымъ, напишите *Дневникъ битвъ* 1812 *года;* напомните каждое слово задушевное и поговорки самородныя; и вы, почтенный *воинъ—писатель!* Вы къ прежнему подарку присовокупите новый подарокъ и себѣ во *славу* и намъ на *пользу*. Оживотворяя событія нашего *двѣнадцатаго года*, каждый изъ насъ можетъ сказать съ *Давидомъ:* »Вечеръ и заутра и полудне повѣмъ и возвѣщу.«

По духу сей святой молитвы, объемлющей и всѣ переходы дня и всѣ переходы временъ вѣковыхъ, Николай Первый воздвигъ памятникъ Царю двѣнадцатаго года и, сооружая памятники славѣ того же незабвеннаго года, снова даритъ Отечество его славою.

КОНЕЦЪ.

2007096514